Издается
с 2003 года

№ 2 /2003

Ярославль

Учредитель:
Общество
с ограниченной
ответственностью
«Редакция газеты
«Губернские вести»

Литературно-художественный,
общественно-политический
и научно-популярный журнал

Тираж бумажной версии 700 экземпляров.

Главный редактор

Евгений
ЧЕКАНОВ

ПРОЗА

Александр Богатырев

Аленка

Современная сказка

Ее зовут Аленка. Сейчас ей 28 лет. До трех лет она была почти нормальной девочкой, то есть настолько здоровой, насколько это возможно для пятого ребенка в семействе потомственных алкоголиков. Но под утро первого дня нового 1978 года кто-то из родителей (потом они так и не смогли вспомнить, кто) наподдал заплакавшей не вовремя малышке так, что она ударилась спиной о батарею и сломала позвоночник в двух местах сразу. С тех пор у нее перестали расти руки и ноги, а маленькое тельце перекорежило так, будто после стирки его долго выкручивали досуха. Ходить она не может, да и руки совсем плохо слушаются.

Аленку почти не видно в инвалидной коляске, особенно если зимой: кажется, что это просто куча тряпья наброшена. Но зато у Аленки есть голос, да такой, что когда она, бывало, заводила какую-нибудь жалостливую песню из бескрайнего своего блатного репертуара, задубевшие на жизненных ветрах торговки в подземном переходе, где она начинала свою настоящую жизненную карьеру, шмыгали красными носами, совали ей деньги и наливали водки. И пирожок давали, закусить.

Прописана Аленка в Брагине, в загаженной четырехкомнатной квартире, вместе с родителями и постоянно меняющимся количеством братьев и сестер: кто-то только сел, а другой только вот вернулся, кто-то женился, кто-то очередного хахаля привел - даже родители в них путаются. Когда Аленка еще жила дома, то обитала в большом стенном шкафу между туалетом и ванной: семидесяти восьми сантиметров в глубину ей как раз хватало, а дверцу можно закрыть, и тогда никто тебе не мешает. Бросали тюфячок на низ, а еще одну полку, нижнюю, сняли, так что было ей даже и просторно.

Ей здорово повезло, в этом сходятся все, да она и сама так считает. Пять лет назад отлеживался у них в квартире какой-то Серый, молодой такой, но серьезный. Почти месяц. Водку он почему-то не пил, хотя был явно при деньгах всегда. На улицу не выходил, вот они с Аленкой и играли целыми днями в карты: научил ее и в буру, и в очко, и в секу какую-то. Аленка, когда увлечется, петь начинала.

Биография А.М. Богатырева опубликована в № 1 за 2003 г.

© Александр Богатырев, 2003.

Серый ее и песням научил, потому что по телевизору такие редко передавали, а радио у них в доме сроду не было. Бывало, запоет Аленка, начнут ее всем домом материть, но Серый только взглянет эдак искоса, и - тишина. Очень его Аленка уважала, даже полюбила бы, если б осмелилась хотя бы в мыслях: заметный был, и к самой Аленке совсем как к человеку относился.

Потом Серый как-то незаметно исчез, но месяца через два он заехал откуда-то на блестящей иномарке и взял Аленку с собой в Москву. Там она начала петь для каких-то странных компаний, собиравшихся в небольших кабаках, закрытых банях, а то и просто на квартирах, очень похожих на тот свинарник, в котором она выросла. В промежутках между концертами Аленку сдавали в аренду веселой и разбитной хохлушке Марине, которую работавшие на нее девушки звали «мамочкой». Кроме двух де сятков девушек у Марины было еще штук десять нищих, побиравшихся в подземных переходах, у магазинов, рынков и в прочих людных местах. Некоторые тоже гнусавили что-то жалостливое либо похабное, но петь по-настоящему у Марины умела только Аленка.

Коронным номером того времени была у Аленки бесконечная песня про бедную сиротку, которая просит милостыню и в конце двадцать пятого, что ли, куплета все-таки замерзает под дверью какого-то богатого особняка, где, оказывается, живут ее настоящие родители, папа-граф и, соответственно, мамаша-графиня. Фокус был в том, что Аленку привозили поздно вечером к известному в Москве казино, где гудели ночи напролет все сколько-нибудь знаменитости столичные. И хоть была поздняя осень, а потом и зима, Аленку оставляли в одной рубашонке, чтобы сразу в глаза бросалось, какая она от холода посиневшая. Марина приставляла к ней Толяна, в обязанности которого, кроме защиты и урегулирования разногласий с ментами и охранниками казино, входило еще через каждый час оттаскивать инвалидную коляску с Аленкой в ближайший подъезд, давать десять минут погреться, выкурить одну сигарету «Прима» без фильтра, съесть пирожок и выпить полстакана водки. И снова под дверь казино, снова заводи про сиротку... Уж больно место было доходное.

Однажды всем известная звезда эстрады, проигравшись в дым и по этому случаю в дым пьяная, стала с Аленкой петь дуэтом и, размазывая слезы и парижскую косметику, просить подаяние у прохожих. Все, что было в казино, высыпало на улицу. Лихорадочно пищали номера на мобильных телефонах, съезжались дорогущие иномарки, из них вываливались важные персоны, которых, чувствовалось, вытащили прямо из постели: такого бы они больше нигде не увидели ни за какие деньги. Аленкину трехлитровую банку, в которую она милостыню собирала, плотно набили американскими зелеными бумажками, тут же из казино вынесли вывороченный, видать, только что в их же туалете роскошный унитаз, отделанный под золото (для смеха, что ли? Аленка такого баловства не понимала), и стали кидать деньги уже туда.

Трудно сказать, сколько бы это представление еще продолжалось и чем могло кончиться, если б в самый разгар не подкатили сразу три бригады с разных каналов телевидения. Пока охранники казино махались с нахальными телевизионщиками, мгновенно протрезвевшую звезду эстрады запихнули в десятиметровый, знаменитый на всю страну белый линкольн, а золоченый унитаз с рассыпающимися бумажками поспешили унести в кабинет директора (говорят, до сих пор его там показывают особо важным персонам из гостей). Аленке тогда перепало сто до лларов от телевизионщиков за спетую перед камерой песню из репертуара звезды, триста долларов от казино, да в сбереженной Толяном банке насчитали общим счетом восемьсот баксов с мелочью. Марина на радостях отвалила ей двести рублей и коробку конфет (почти целая, всего трех штук и не хватало). А Маринкины девочки потом, как увидят звезду по телевизору, так орать начинают: «Аленка, катай сюда скорей, подруга выступает!» И клиентам любили рассказывать о том, как «вот с этой вот убогой» звездная знаменитость ду этом пела пьяная. Пришлось Аленке почти весь репертуар звезды выучить и петь для клиентов. Платили хорошо.

Аленке нравилась Марина, да и с девочками ее было просто: они такого в своей жизни навидались, что чем-либо их удивить было трудно: ну, уродина... А уродине что, жить не хочется? А если по морде иногда от Маринки перепадало, так ведь больно уж работа нервная. Опять же с нищими этими столько всякой мороки, что убила бы их, на Маринкином месте будучи. Поэтому очень Аленка Марину жалела, когда ту пристрел или по дурости, тем более, что на Аленкиных глазах все и было -то.

Как-то братва что-то там отмечала в сауне. Все, как обычно: водки хоть залейся, и девочек навалом. Только успели текущие проблемы перетереть и к торжественной части перейти, только Аленка завела «Гори, гори, моя звезда», как два авторитетных гостя разошлись во мнениях, а один из сопровождающих возьми да и вытащи ствол. Понятно, суматоха поднялась, охрана из вестибюля выдвинулась и давай поливать свои чужих и обратно. Короче, трех нормальных пацанов лишились, а Марину угораздило, когда вывалила она быстренько Аленку из коляски на пол, а сама поползла девок своих голых из-под стволов вытаскивать. Дурой жила - дурой и кончилась.

После этого Аленка почти год из рук в руки переходила. Всякое бывало . Раз ее чуть не сварили заживо: посадили голую в таз и двай нагревать, она верещит, а все хохочут и требуют, чтоб «Сиротку» пела. Хорошо, нашелся один трезвый пацан, взял ее на руки и в предбанник вынес. Аленка после этого в ту долбаную сауну долго еще не могла спокойно на своей коляске закатываться. Даже голос у нее дрожать начинал, когда пела. Зато пацанам и шалавам ихним именно так и нравилось, чтоб с дрожанием. Девки начинали реветь и лезли к убогой целоваться. Сморкались в мокрые простыни, всхлипывали : вот ведь Бог-то как рассудил, а была бы на человека похожа, так, глядишь, ходили бы сейчас на ее концерты, как на какую-нибудь Апину, тоже ведь Аленка.

А потом ей снова повезло, прям как в кино. Один до крайности авторитетный человек в своем загородном особняке прием устраивал. Ради такого случая Аленку одели в специально сделанный костюм средневековой карлы: Аленка даже не поняла, что это такое, но костюм показался занятным - из бархата, с золотыми бубенчиками и шапкой с двумя длинными рогами. Пела она сначала песни народные и приличные романсы. Здоровущие мужики в дорогущих костюмах хлопали громко, но как бы с оглядкой, будто чего не понимая, а их разодетые спутницы брезгливо морщились, но помалкивали. Потому что тот авторитетный человек, хозяин то есть, как сел перед Аленкиной коляской, так и просидел до самого конца пения. Ни слова не сказал, а когда пошла обычная пьянка с визгом и купанием одетых гостей в бассейне, когда от Аленки стали требовать матерных песен, встал, плюнул и ушел как-то зло. Аленка даже испугалась.

Дня через три за ней опять приехали от того авторитетного человека. Опять привезли в тот же самый особняк, и снова она пела, но уже только для него одного. И хотя сам хозяин не пил, но Аленку угощал необычно хорошей водкой и вкусной закуской, ешь сколько хочешь, а под конец даже стал ей подтягивать. Петь он не умел совершенно, так что пьяная уже к тому времени Аленка даже засмеялась. Но он и тут не обиделся, сам засмеялся и протянул ей пачечку зеленоватых бумажек. Потом вызвал какого -то пацана в строгом костюме, велел отвезти Аленку обратно и сказал:

- Предупреди там, чтоб не обижали убогую. Узнаю - самих убогими сделаю.

После этого у Аленки совсем другая жизнь пошла. Потому что пела она в этом своем костюме карлы на разных праздниках и приемах, и уже не для рядовой братвы с шалавами, а для настоящих авторитетных людей, с которыми и женщины были совсем другого калибра. Вот эти-то женщины и придумали для себя развлечение: стали с Аленкой фотографироваться. А которые побогаче, так и картины заказывать. Кто-то им рассказал, что в средневековой Европе принято было прекрасных дам рисовать вместе со всякими карликами и уродцами - чтобы красота модели наглядней смотрелась. В общем, стала Аленка чем-то вроде обезьянки, с которой каждый может запечатлеться, если заплатит. Композиция была обычно такой: сидит прекрасная дама в раззолоченном кресле, а в ногах у нее Аленка пристроилась. Иногда дама вроде как кормит ее из

собственных рук, а некоторые требовали, чтоб Аленка была непременно голышом: этак вроде как занятнее. Ну, конечно, и платить им за это приходилось дороже.

Обижать Аленку тут побаивались, да и сама она понемногу почувствовала незаменимость свою: за вечер ей теперь меньше трехсот баксов не платили, а если с дамами позировать - так сто долларов за сеанс. Так что с меняющимися своими хозяевами разговаривала Аленка уже вполне громко, иногда и пошлет куда подальше, откажется ехать на сеанс. Ей бы и рады по морде дать или еще как в чувство привести, но предупреждение того авторитетного человека все помнили, особо руки распускать охотников не находилось. Иногда очередному владельцу надоедало с ней возиться или уж цену больно заманчивую предлагали, и Аленку перепродавали другому. Цена ее дошла до очень даже приличной иномарки, если в долларах, да и у нее самой этих самых бледно-зеленоватых бумажек поднакопилось столько, что пора стало о собственном деле задумываться.

И тут произошло еще одно поворотное в жизни Аленки событие. Того человека, который Аленке покровительствовал, взорвали вместе с бронированным «мерином». На похороны и Аленку привезли, потому что в завещании своем он написал, чтоб над гробом его у могилы та самая убогая спела любимую его русскую народную песню. Как назло, на кладбище на Аленку от волнения икота напала. Пришлось влить в нее с такан водки, после чего она расчувствовалась и натурально заревела от всей души. Маманька покойного, сухонькая старушонка из уральской деревни, подошла утешить, а потом уж от нее и не отходила, все норовила ей какие-то дешевенькие карамельки в рот сунуть.

Когда Аленка затянула «То не ветер ветку клонит», слезы навернулись даже у прошедших через все уважаемых людей. А на словах «Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я» какая-то дама в норках по уши попыталась даже в обморок упасть. Правда, окружающие сочли, что получилось это у нее не слишком, а потому дальше церемония пошла уже без особых соплей.

Когда сверкающие иномарки заторопились на поминки, выяснилось, что в суматохе на кладбище забыли не только Аленку, но и мамашу убиенного. Они успели вдвоем и выпить прямо у могилы за новопреставленного, и поплакать разик, когда по главной алее кладбища с визгом примчались три здоровенных джипа, из которых повыскакивали сконфуженные краснорожие пацаны и бывший первый помощник, а теперь преемник усопшего. Подхватили они на руки и всхлипывающую старушку, и Аленку, внесли на заднее сиденье самого большого джипа и рванули с места так, что обе бедолаги тут же свалились на пол. Тот день запомнился Аленке хорошо, по-человечески посидели они тогда на кухне с охраной, искренне жалевшей взорванного хозяина. Аленка пела, мамаша-старушка подтягивала, девки из домашней обслуги ревели, а трезвые - при исполнении ведь - охранники матерились от избытка чувств так, что заглянувшая на шум вдова вежливо попросила всех заткнуться.

А потом и оказалось, что тот человек сделал Аленку хозяйкой одного из принадлежавших ему заведений. И стала она такой же «мамочкой», как Марина. Теперь уже у самой Аленки оказалось четыре девочки по вызову, да семь побирушек. Первым делом отыскала она того самого Толяна, с которым когда-то работала у казино. Надежный пацан, конкретный, он стал и ее личным охранником, и первым помощником. Нищих себе Аленка сама набирала, а девок она научилась насквозь видеть еще со времен той же самой Марины. Дисциплину установила железную: убогий ты там, или нет, но чуть что, Толян так отделает, лучше любой ментовки. Постепенно девок уличных сплавила другим, зато побирушек у нее через полгода стало около двух десятков. Особенно детишки-инвалиды ее теперь интересуют: хлопот с ними меньше, а подают им чаще и больше. Аленка таких подбирает, мимо которых даже последний жлоб спокойно не пройдет. Кто меньше полутора-двух тысяч в день чистыми приносит, тех Аленка отбраковывает, перепродает цыганам, либо чеченам. Уверенная в себе стала, дела свои ведет нахраписто. Ну, и о себе не забывает, ясное дело. У нее даже парикмахер свой есть. Когда первый раз Толян ее в

салон красоты на руках принес, все тамошние на эдакое чудо-юдо поглазеть сбежались. Ну, да Толян их быстро успокоил. Теперь она там - любимый клиент, уважают ее. Любит Аленка очень маникюр наводить. А еще висюльки всякие любит, золотишко, камешки.

Короче, все сейчас у нее хорошо. А когда порой становится плохо, отвозит ее верный Толян в укромный уголок, достает из неприкосновенного запас а пузырек дешевой водки, сигарету «Прима» без фильтра и уличный пирожок с мясом неизвестного происхождения. Выпьет Аленка, пирожком закусит, выкурит сигарету, посидит молча с полчаса. А там и опять жить можно. Жизнь-то ведь, чего уж там, удалась.

Тамара Рыкова

Словно стеклышко в раму

* * *

Я здесь на минутку.
Не требуйте, люди, смиренья,
труда в наказанье
и скучного тягла забот.
Я вся – обостренье
случайного слуха и зренья,
я вся – дикий мед
из осенних спасительных сот.
Завидую вам –
ваши дни удивительно долги,
вам можно стареть,
можно видеть взросленье детей...
Моя же надежда –
высокие книжные полки
и синие окна
в просвете небесных сетей.

* * *

Совсем не сказочный, живой,
Такой, каким сплела природа,
Горыныч, ненаглядный мой
Летит, горя в лучах восхода.

Вечерней я дождусь зари
И стану сказочно отважной,
И прокричу ему: – Замри!
Ответь: ты змей? Или бумажный?

Тамара Михайловна Рыкова родилась в 1942 году в Ярославле, в семье служащих. В 1949 году поступила в среднюю школу, но в третьем классе тяжело заболела, что наложило отпечаток на всю ее дальнейшую жизнь. Единственной опорой для Тамары стала мать.

Окончив школу, готовилась поступать во ВГИК, на режиссерское отделение, но этим планам не суждено было осуществиться, помешала болезнь.

Стихи пишет с детства, публиковалась в областной периодике, коллективных сборниках. В 1995 - 1996 гг. работала редактором отдела поэзии в газете «Очарованный странник», принимала участие в организации и работе Всероссийского семинара молодых авторов.

В 1995 году Т.Рыкова стала членом Союза российских писателей. В 2003 году в Ярославле вышла в свет ее первая книга «Не суетись, душа».

Живет в Ярославле.

© Тамара Рыкова, 2003.

СИРЕНЬ

Безоглядной, цветущей моей красоты
Не увидеть мне больше вовеки...
Отпылали сады. Белых яблонь цветы
Ливнем смыты в гудящие реки.

Только в старом саду, где не движется тень,
Влажно-розовый жемчуг сияет –
Там персидская гостья, царица Сирень
Запоздало, но все ж зацветает.

Ах, царица! Ты впрямь убедила меня,
Ну, какие еще наши годы!
Мы еще процветем! Мы с тобою – родня,
Исключенье из правил природы.

* * *

Ах, какие озера
мне в душу сейчас заглянули!
В этих светлых разливах
душа утонула моя.
Ах, гордыни мои!
Замолчав, вы как будто уснули.
Может быть, притворились,
всесилье свое затая?
Не хочу выплывать!
В этой светлой, безбрежной прохладе,
словно в выси небесной,
моя растворилась душа.
Будь что будет.
Хоть раз
дам я волю внезапной отраде.
Не хочу возвращаться.
Позволю душе подышать.

* * *

Поговорим опять...
Я буду нежно петь,
А ты будешь молчать
И странно так глядеть.
Мы будем говорить
И рядышком сидеть.
Ты будешь гордо пить,
Я буду нежно петь.

* * *

Мной – пренебречь?
Да кто ты сам такой?
Лишь для меня
велик ты и бессмертен!
Кто ты такой?
Я умираю завтра.
Уйду – и нет тебя!

* * *

Два зеркала приблизиться хотят,
Друг друга отражают напряженно.
Зеркальные, глубокие колонны
Не спят, мерцают, пристально глядят.

Стояли мы напротив. Напролом
Я кинулась...И так неосторожно!
Вдруг оказалось – расстоянье ложно.
Ударилась. И зазиял излом.

И рухнули зеркальные щиты,
И обнажилось наше зазеркалье:
Стальною сутью души засверкали –
Холодным блеском гордой слепоты!

* * *

То свет,
то мрак –
фонарь чудит.
То он горит,
то не горит.
Лицо мелькнет,
блеснет на миг,
как тихий вскрик,
как света блик.
Вдруг стук.
Вошел.
Вот скрипнул пол.
Вот сдвинул стул.
Вот сел за стол.
И вдруг – вздохнул...
Ты есть иль нет?
Ответ?
Ответ!
Нет.
Нет.
Нет.
Нет.

* * *

...а ты, с огневым опереньем,
на белом видна и на черном,
с гортанным, неистовым пеньем
пылаешь костром непокорным.

Тяжелые крылья струятся,
в них пламень гудит и стенает,
и птицы другие – боятся,
быть рядом с тобой – избегают.

Чужая, по крови чужая,
большая и вещая птица.
А рядом – веселая стая
хлопочет, шумит, суетится...

* * *

Я возьму тебя стихами,
Тайной силой, красотой,
Словно дикий черный камень
С золотою полосой.
Отобью пустой породы
Наслоенные пласты,
Опущу тебя под воду,
Под тяжелые мосты.
По мостам гремят колеса
Приспособленных людей.
Берегами крылья носят
Неразумных лошадей.
Мир железный – мир раздольный
Над тобою – пред тобой.
Ты плыви! Ты снова вольный,
Самородок золотой!

ПОДКОВА

Ты нашел меня в пыли на дороге,
вытер о штаны и опустил в карман.
Но я была слишком тяжелая,
мешала тебе и в кармане, и дома.
Ты отнес меня в сарай
и положил в ящик с инструментами.
Иногда доставал оттуда
и забивал мною гвозди.
Так прошли годы.
Однажды я услыхала конский топот
и бросилась ему навстречу –
ведь я была подковой.

* * *

Сухими листьями звеня,
Ввысь птица тяжкая взлетала
И, ветвь тугую наклоня,
На волю властно отпускала.

И ты уходишь от меня,
Восстановив мою свободу.
Но листья зимние, звеня,
Поют вослед – тебе в угоду.

ПОЦЕЛУЙ

Однажды
пришел королевич,
поцеловал спящую царевну –
и она ожила.
Я думала,
что ты – мой королевич,
но, разбудив,
ты покинул меня.

Нежным утром
коснулся моего лица
солнечный луч.
Я узнала тебя
и поняла вдруг:
нет, ты не королевич,
ты – поцелуй.

* * *

Нет старости и смерти.
У души нет возраста.
Но она с беспокойством
поглядывает в зеркало
на своего человека.

* * *

Я гуляла с пиратом
под черной звездой,
что светила мне ласковым светом.
Он был нежный такой
и такой молодой.
Мне казалось,
что он был поэтом.

Я вернулась назад,
я вернулась домой,
погуляв по морям-океанам.
Вот и пристань моя,
вот и дом мой родной,
весь заросший печальным бурьяном.

Я гуляла с пиратом
под черной звездой...

* * *

Я бела, как ворона –
и неба, и снега светлее.
Полушалок свалился
с лохматой моей головы.
Я взлететь не смогу,
я останусь. Стыдясь и седея,
вам и миру чужая,
приткнусь на осевшем снегу.
Я приду,
покаянно взгляну и расплачусь.
А меня разглядеть
никогда не посмеете вы –
в ледяном вашем сердце
я маленькой галочкой значусь,
а не белой вороной
на грязном апрельском снегу.

* * *

Прости.
Показалось –
всего лишь на миг –
что очень нужна я тебе в этот вечер.
Ненужный, далекий, забытый магнит
рванулся к родному железу навстречу.
Коснуться, приклеиться!..Не оторвать –
хоть целый вагон понавешай в нагрузку...
Но лязгнуло слово, железу под стать –
и рухнуло все, громыхая по спуску.

* * *

Я забыла свою долгозванную высь
и к обычному дому – не к вечному храму –
подошла. Две судьбы в этом доме сошлись:
я вошла в твою жизнь, словно стеклышко в раму.
Шебутным сквозняком распахнуло окно –
зазвенело, и звон покатился от дома...
И осталось теперь утешенье одно –

неподъемные связки бумажного лома.
В нашем доме – зима, снег толкается в дверь,
и уже не понять, где сугроб, где бумаги...
Дорогие листы отзвучали теперь
и дрожат на ветру, словно белые флаги.

* * *

Была любовь. Но я была слепа,
ослеплена сиянием великим.
Я твоего не видела лица,
я видела бесчисленные лики
твои.
Ты взял резец –
и тяжесть молотка
в твоей руке
я сразу ощутила.
Была я глыбой,
мрамором была,
и воля автора по мне замолотила.

Тобой изваяны
душа моя и тело...
Но я теперь прозрела, милый мой.
Любовь, взлетев, как птица, улетела
в наивный мир, отвергнутый тобой.

* * *

Я ищу старый дом,
что таится пустой, бездыханный
среди темных лесов,
на излучине малой реки.
Если б только найти
и подняться в тот терем желанный,
и почувствовать снова
тепло незабвенной руки!
Там родное мое.
Там хранятся надежда и сила,
что терялись в скитаньях
безродной, наемной судьбы.
Всю-то жизнь я ждала
и, не зная, – искала, любила
и жила средь бездомной,
такой же, как я, голытьбы.

* * *

Все помню...Дневное сиянье
И кладбище, словно село,
И я средь него – изваянье.
Меня тишиной замело.

И мне уходить не хотелось –
Такой снизошел вдруг покой.
Я в небо, как в душу, вгляделась,
И свет распростерся дугой.

Великая добрая сила,
Как мама, меня обняла...
Ведь это прощение было?
Я только теперь поняла.

* * *

Мне жизнь дороже всех стихов.
Отдам костер светлейших строчек
за солнца луч, за рокот струй,
за свой случайный поцелуй –
живой воды один глоточек.
Я не стыжусь своих грехов!

* * *

Я одна на земле...
А ведь нежно и верно любила
и все Божьи дары
положила к мужицким ногам.
Но растрачена всуе
моя животворная сила.
Золотые слова
подарила глухим пастухам.

Седина мне к лицу,
не закрасила чернью и охрой.
И сияют виски,
ледяную готовя купель.
Багровеет закат,
и не крикнуть теперь, и не охнуть.
Наметает сугробы
февральская матка-метель.
Глубоко прокопай,
пьяный копаль,
промерзшую землю!
Меж высоких снегов –
темный омут на белом ветру.
Ухожу в глубину.
И боюсь,
и, смиряясь, приемлю.
Беспробудное поле
раскинется здесь поутру.

Тамара Пирогова

Скрой меня, расцветающий сад

* * *

Природа листает поспешно
Потрепанный свой календарь –
То май закурчавится нежный,
То иглами колет январь.
И нет никакой передышки
Усталым наездникам дней,
И плачут они от одышки,
Своих проклиная коней.
А время в тупик загоняет...
И вдруг открываешь простор –
Как солнце сегодня сияет!
Как тонок снежинок узор!

* * *

Письма, букеты, вагоны...
Что мы оставим в былом?
Вновь распускаются кроны.
Дом, что под ними – на слом.
Ветхие рушатся стены,
Пылью осядет жилье...
Сада весеннего пена
Сдунута в сердце мое.

Тамара Алексеевна Пирогова родилась в 1947 году в Рыбинске, после окончания школы трудилась в родном городе на моторостроительном и приборостроительном заводах – монтажницей, сборщицей, гальваником, архивариусом, сотрудником заводского радио. Затем работала корреспондентом и редактором заводской газеты. Окончив в 1988 году факультет журналистики МГУ имени Ломоносова, работала в рыбинских газетах, в 2000-м году переехала в Ярославль, где продолжила сотрудничество с рядом областных изданий.

Стихи пишет с 14 лет, публикуется в местной прессе с конца 70-х годов, первая столичная публикация – в журнале «Студенческий меридиан» (1984 год). В 1990 году опубликовала в Ярославле первую книгу «Любви и боли непокой», затем в Ярославле и Рыбинске увидели свет еще шесть книг ее стихотворений. В 90-х годах руководила рыбинским городским литературным объединением имени Н.Якушева.

Живет в Ярославле.

© Тамара Пирогова, 2003.

* * *

За вагонным окном все мелькают березы,
Словно силятся поезд догнать.
Но лишь нежный и горький дымок тепловоза
Остается стволы обнимать.
Так составы судеб громыхают сквозь годы,
Остановок не будет в пути.
Говорят, ностальгия выходит из моды...
Хорошо бы вот здесь и сойти.

* * *

Вот так устроен белый свет:
За чередой добра
Приходит час печалей-бед,
Утрат и слез пора.
Живи с оглядкой! – учит рок.
Но что глядеть назад?
Нет, мир земной не так убог,
Коль движет им азарт.
Соблазн любви,
Соблазн пути,
Соблазн сорвать звезду...
Пускай участья не найти,
Но счастье я найду!

* * *

Говорят, поэты умирают...
Истлевает только бренный прах!
Голоса по прежнему витают
И звучат на всех земных ветрах.
Все восторги, чаянья и боли
Воскресают в шорохе страниц,
В отпечатках злой и звездной доли,
В очертаньях позабытых лиц...

* * *

Зажмурилась полночь от света.
Горит, не сгорая, окно.
Взлетает словцо, как комета,
И падают искры в вино.
И взгляды, и губы, и лица
Знакомы давно наизусть...
Я знаю, что мне это снится,
Да только никак не проснусь.

* * *

Осень собою мается.
Лужи и грязь. Дожди.
Можно вконец отчаяться –
Солнца теперь не жди!
Кроны простерлись в горести,
Мглист и туманен свет.
В этой унылой повести
Нам с тобой места нет.

* * *

А жизнь идет. Дожди, снега...
Не все прошедшим станет!
Цветами вытканы луга
И чья-то песня манит.
Она, беспечна и нежна,
Летит над тихой речкой –
И в сердце дышит глубина
Любви и жизни вечной.

* * *

Сверкало зеркало воды.
В нем отражались небеса
И облаков седых плоты,
Что уплывали за леса.
Луча прозрачное весло
Пронзило зеркало, дробя...
Как будто весть нам принесло
Про свет надмирный, про Тебя!

* * *

Пронизан день дыханием весны,
Густым теплом наполнена деревня,
И аромат проталинок лесных
Восходит легким паром сквозь деревья.
И вновь не видно горя и беды,
И вновь от жизни я не жду напасти.
Сверкают всюду капельки воды,
Как будто плачет родина...От счастья?

* * *

Садится солнце за березы
И стынет мир в холодной мгле.
Зима. Январские морозы.
Узор, как фреска, на стекле.
Случайный миг...Иль не случайный?
Блестит искристый завиток,
Как отпечаток мысли тайной,
Как вдохновения урок.

* * *

Не ценили прошлые печали –
Их теперь за радость мы сочтем.
Вечного Спасителя не ждали –
Жадно осеняемся крестом.
Жажда жизни, жажда возрожденья
Все сильней в пустыне суеты,
Где лежат тяжелые каменья
Нами же разрушенной мечты.

* * *

А день угасает...Прохлада
Плывет с тишиною в окно,
Где шелесты старого сада,
Его ароматов вино.
Закат догорает неспешно,
Земля перед сном – хороша...
Пускай не была я безгрешной –
Жила красотою душа!

* * *

Неуютно и холодно стало...
Да зима нас застала врасплох!
Расстелила свои покрывала,
Чтобы мир наш ослеп и оглох.
И маячат лишь белые тени
Там, где радуга красок жила,
И мигают огни сновидений,
И баюкает зимняя мгла,
И засыпана каждая тропка...
Как теперь я дорогу найду?
Дни скользят непривычно и робко
На тяжелом, на кованом льду.

* * *

Мы позабыли строй молитв
И слов, святых и благодатных.
Так отчего ж душа болит
Об упованьях невозвратных?
Гляжу на купол золотой, –
Как он сияет в поднебесье,
Дух наполняя высотой, –
И забываю наши песни,
  Где хохот, рев и суета,
Где мысль уныла и убога...

...А солнца луч летит с креста,
Как всепрощение от Бога.

* * *

Синева распахнулась знакомо,
Сквозняком обдавая насквозь.
Все скучнее становится дома,
Все призывнее запах берез,
Все красивее ветви в сережках,
Что беспечно на землю летят.
Так не хочется думать о прошлом...
Скрой меня, расцветающий сад!

ВЕРБА

Под белым покрывалом спит весна...
Но час пришел: от морока и вьюги
Внезапно пробуждается она –
И верба серебрится по округе
Таким пушистым, ласковым теплом,
Что сердце отогреется любое...
Я принесу сегодня вербу в дом –
И всю любовь я принесу с собою!

Дима
Васильевский

Летят облака в вышине

* * *

Я гляжу на небо.
В небе тлеют звезды.
Я всю жизнь смотрел бы –
Это же так просто!

Можно видеть смыслы,
Но не брать руками.
И святые мысли
Не марать словами.

Чувствовать глубины,
Но не прыгать в омут.
Повидав чужбины,
Возвращаться к дому.

Я смотрю на небо.
С неба смотрят звезды.
Быль здесь? Или небыль?
Свеж прозрачный воздух.

Дима Васильевский (Дмитрий Владимирович Семенов) родился в 1969 году в Ярославле. После окончания школы учился в Ярославском техникуме железнодорожного транспорта, который окончил в 1989 году по специальности «техник-эксплуатационник». Служил в армии, затем окончил Ярославское училище культуры, получив специальность руководителя академического хора. В 90-х годах жил в Республике Беларусь, где работал в различных музыкальных коллективах. С 1995 года – предприниматель. С 2003 года заведует отделом подготовки рукописей в редакции журнала «Русский путь».

Стихи, прозу, тексты песен пишет с детства. Публиковался в ярославских, костромских и вологодских газетах, издавал поэтические сборники. В 2002 году в ярославском издательстве «Аверс Пресс» вышла в свет книга его стихотворений «Мир вокруг меня».

Живет в Ярославле.

© Дима Васильевский, 2003.

* * *

Странные сны вижу я иногда –
будто бежит по камням вода,
будто летят облака в вышине...
И все стремится ко мне!

Будто уже зеленеют луга,
тянется к будущему рука,
прячутся тайны в робкой весне...
И все откроется мне!

Странные сны вижу я иногда –
как не от солнца начнет светать,
скрипнет калитка в дрожащей тьме...
И ты придешь ко мне!

* * *

От скопищ истин, что мешают
Мне жить, любить и умирать,
Я заберусь под одеяло,
Чтоб видеть сны...и просто спать.

А поутру, в луче багряном
На новый мир взглянув в окно,
Невольно думаю: как странно!
Я полон им, я с ним – одно...

* * *

Ты куда разбежалась, дорожка?
За тобой не поспеть.
Отдышаться позволь хоть немножко
И вокруг посмотреть.

Что просторы привычные стерло?
Где родное окно?
Где тот воздух, что лился мне в горло,
Как густое вино?

Где друзей голоса? Где улыбок
Доброта и тепло?
Видно, в спешке наделал ошибок.
Не туда занесло.

* * *

Снова шатаюсь в бесцелье,
как в городе.
Темные улицы,
грязь, суета.
Я заблуждаюсь в раздумьях.
Недороги
хлеб на углах,
и любовь, и мечта.

Что же ищу я?
И что же нашел я?
Веры? Вот церковь.
Простора? Вот высь.
Зверь на дороге
у лавки дешевой –
черная кошка облезлая...
Брысь!

* * *

Зажимают в тиски горести.
Под ногами асфальт пористый,
За спиною – зима лютая,
За душою – вина дутая.

Растолкаю разинь с улицы.
Что ль, в какой магазин сунуться?
Взять вина, как вон тот пьяница
И, не выпив, в окно пялиться...

Хоть бы ладно – любовь стремная,
Или дней полоса черная –
Так ведь мерзостное, вредное,
Что-то, кровью моей гретое.

Что-то въелось в меня вирусом –
Хоть пилюли всего мира съем.
Как вино, на вину легшее.
И ни хуже, ни легче мне...

* * *

Боже! Ты небом укрыл мою душу,
Но на земле было холодно ей.
Я замерзал не от ветра и стужи –
Я замерзал от холодных людей.

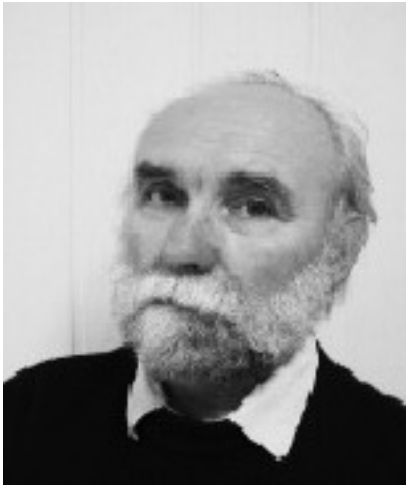
Видел на улицах лица литые,
Взгляды потухшие всюду ловил
И, как торосы ледовой пустыни,
Острые лики, дрожа, обходил...

* * *

Как взовьется мечта, за которой рассвет –
Так возникнет стена, где ни щелочки нет.
Как осветит грядущее розовый луч –
Разлетаются ангелы в скопища туч.
И несется в пространстве блуждающий шар,
Где за горло берет удушающий жар,
Где крадется по джунглям непознанный зверь,
Где нас ждет в небесах неоткрытая дверь...

Михаил Савицкий

Нищие, странники, босяки



Реки, озера, пристани, болота, скиты, монастыри. Деревеньки, села, погосты. И дороги, дороги... Это Россия Бунина, Шмелева, Горького, это то, что, казалось бы, уже почти стерто из нашей памяти чувств. Но именно *почти*. Ведь стоит только взглянуть на эти фотографии, вглядеться в эти лица – и сразу легкий озноб пробегает по жилам: это – наши предки, это – те, чьи гены мы несем в себе, чьи черты мы унаследовали.

Вот трое молодых мужчин у причала. Бородач в лаптях и онучах, подпоясанный обрывком веревки – улыбается теплому солнышку, смотрит вдаль. Рядом – двое помоложе, по виду мордва или удмурты, у них бород не принято отпускать. Оба тоже в лаптях, в теплых шапках, у одного за поясом рукавицы. Сверху надпись «Типы волжских босяков», на заднем плане – река, пароход, баржа...Не твой ли это прадед греется на солнце?..не моя ли прабабка едет сейчас на этом пароходе?

А вот другой сюжет, «На набережной в Рыбинске»: летняя кипень листвы, лавки из штакетника, мужичок в нахлобученном картузе смотрит прямо в объектив. Мужчина рядом, хоть и босоног, и на голове такой же картуз, выглядит франтом: закинул ногу на ногу, так и жжет взглядом местную простушку в платке и длинной юбке. Ох, берегись, девка!..омманет, зимогор!

А может, не обманет?..может, этот взгляд – предвестье рождения твоего деда?.. как знать!

Михаил Павлович Савицкий родился в 1939 году в Ярославле, в семье художника, его отец, дядя и бабушка попали накануне Великой Отечественной войны под каток сталинских репрессий и были осуждены на длительные сроки заключения. Михаил окончил школу рабочей молодежи, учился в текстильном техникуме, служил матросом на флоте, в 1968 году окончил вечернее отделение Московского финансово-экономического института. Параллельно трудился токарем на Ярославском заводе топливной аппаратуры, был комсомольским работником. 34 года проработал преподавателем экономики в Ярославском химико-механическом техникуме.

С юношеских лет увлекается живописью, с 1972 года выставляет свои работы на художественных выставках. Член Союза художников России с 1998 года. Свыше четверти века занимался марафонским бегом, в возрасте 55 лет участвовал в международном марафоне. 20 лет отдал горному туризму, побывал на Памире, Тянь-Шане, в Горном Алтае.

В числе давних увлечений Савицкого – краеведение и филокартия. Его коллекция старинных открыток с видами Ярославля насчитывает более 1500 экземпляров, ее материалами регулярно пользуются музеи Ярославля, издатели, историки, краеведы, реставраторы.

Живет в Ярославле.

© Михаил Савицкий, 2003.

Лица, лица...Вот «дядя Влас» - жилистый бородач, расчесанный на пробор, холщовой рубахе, с железной банкой на тесьме. Кто он?.. захожий богомолец, смиренно сбирающий в свою банку скромную лепту встречных людей, жертвующих на нужды монастыря?..нищий?..тайный убивец? Все может быть, душа человечья – потемки. А вот это так уж точно странники, в Саров пробираются, старцу Серафиму поклониться. Зашли по дороге в Понетаевский монастырь, да там и запечатлелись на карточку. У одного борода как веник, широкополая шляпа в руках; другой недужный, опирается на самодельный костыль и палку. А лица бодрые: поди-ка, не обидели монаси, накормили Христа ради. Теперь можно и опять путь на Саров править...

Без малого сто лет этим снимкам. Все они сделаны нижегородским «светописцем» Максимом Дмитриевым, давшим двум запоминающимся сериям своих фоторабот не менее запоминающиеся названия: «Типы волжских босяков» и «Волжские типы и сцены». Нам, с детства помнящим Волгу широкой и глубокой, трудно себе представить, что век назад реку-кормилицу под Костромой переходили в засушливое время вброд, что баржи с мелей стаскивали народом, что суденышки то и дело наскакивали то на карчу, то на валун-одинец. И уж тем более трудно вообразить, какая масса одетых в лохмотья людей кишела в те поры на волжских берегах – всех этих нищих, странников, босяков, слепцов с поводырями...

А кстати, кто это такой – босяк? Это не профессия, не вероисповедание. Босяков можно было увидеть на волоках, когда баржу с грузом приходилось тащить посуху метров пятьдесят, шестьдесят; можно было застать их за разговором с купцом или приказчиком, когда речь шла о разгрузке или разборке очередной беляны; босяки слонялись на пристанях Рыбинска, Ярославля, Нижнего Новгорода, Казани. Их можно было нанять за деньги, а то и за похлебку, за дюжину вяленой воблы; мешки в восемь пудов эти широкоплечие простодушные мужики брали задним захватом играючи – и так же легко опускали на причал.

Одеты, конечно, бедно, даже с извозчиком не сравнишь: у того и кафтан без заплат и драных рукавов, и кушак цветной, а не бечевка, не сыромятный ремень, и на ногах не лапти и онучи, а кожаные сапоги. Но всмотрись-ка в босяка: ни тени подобострастия или унижения, взгляд спокойный, поза раскованная. В разговоре не докучлив; совета спросишь – даст, и взамен ничего не попросит.

И нищий волжский – тоже фигура особливая. Вот он присел у чужого крыльца: седая борода, порты из лоскутьев, посох; жменя открыта для подаяния...но в чертах лица и во всей фигуре, тем не менее – чувство собственного достоинства. Это совсем не тот нищий, что сидит ныне в Ярославле, в Мукомольном переулке, у храма Дмитрия Солунского – другая стать, другое выражение глаз. Этот знает: ему и подадут, и не попрекнут, что работать надо, а не побираться, Ведь подать нищему – дело благое, а не подать – постыдное.

Разные, впрочем, бывали и нищие. Один на погорелое место просит, а другой слепоту свою норовит вином залить. Случалось, что этакие слепцы, услышав в лесу голос юной крестьянки, просили ее о помощи, а потом, схватив жертву жилистыми руками, задирали ей подол и насильничали. Всякое на Руси случается...как прежде, так и теперь. А вот странники – встали посреди улицы, оперлись на свои посошки, глядят на нас из-под надвинутых шапок. Куда направляются?..есть ли место, где ждут их?..или просто так идут, куда глаза глядят?..Бог весть! Испокон веку были на Руси такие люди, которые куда-то шли, шли бесцельно, уходя от вековечной русской тоски. И разве тоска эта доселе не гудит в душе каждого русского? Разве не она сподвигает наших современников то на буйные, то на благие дела?

Еще один «волжский тип» - сборщик мусора. Экой фартовый!.. встал ногой в лапте на груду щебня, мешок с мусором на плечо закинул, картуз на глаза надвинул – не замай его! Глядит орлом...не его ли потомок через полвека корабль с Байконура в небеса запустит?

А вот целых семеро у кирпичной стены в ряд выстроились, под самой водосточной трубой: один в зипуне, остальные в рубахах. От солнца щурятся, глядят в объектив...что их ждет лет через десять? Кто сгинет в аду первой мировой, кто в чистилище гражданской, кто преставится от сыпного тифа...умрет ли кто из них своей смертью на кровавых просторах Отечества?

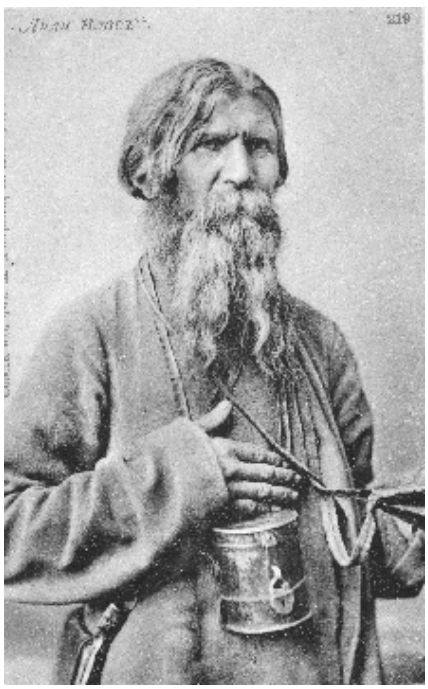
Несколько лет, с 1908 по 1912, бродил нижегородский фотограф Максим Петрович Дмитриев от истоков Волги до Астрахани, да не налегке, а с двумя камерами, каждая весом поболе пуда. Где пешочком, где на подводе, где пользуясь услугами пароходства «Общество «Самолет» - шел, двигался, ехал. Словно предчувствовал он близкие перемены, словно боялся, что люди будущего уже не увидят того, что видит он – и снимал, снимал... С невероятным усердием, со вниманием к каждой детали. С явною горечью и с тайною гордостью. Да-да, с гордостью! Разве не этим чувством дышит почти каждая его работа? разве не провидим мы в его «босяках» будущих героев великих сражений и великих строек, великих мучеников и страдальцев?

Более тысячи сюжетов русской жизни отснял Максим Дмитриев с той поры, когда в 1886 году в Нижнем Новгороде, на Большой Покровке открылась его фотография. Ученик фотографа-художника, мастера европейского уровня Андрея Осиповича Каре лина, он сумел многого добиться и сам: в 1889 году успешно участвовал в фотовыставках в Казани, Одессе, Москве; в 1893-м издал знаменитый альбом трагических сюжетов голодного года в Нижегородчине; создал удивительную серию портретов своих современников – Горького, Бунина, Шаляпина, Скитальца, Гиляровского, Чирикова, Андреева, Комиссаржевской...Вереница образов, запечатлевших время, проходит перед нами, разглядывающими спустя век его «светопись». И вновь повторяем мы западающие в душу слова: «Записанное не пропадает».

Фотографии М. Дмитриева
из коллекции М.Савицкого

На набережной в Рыбинске

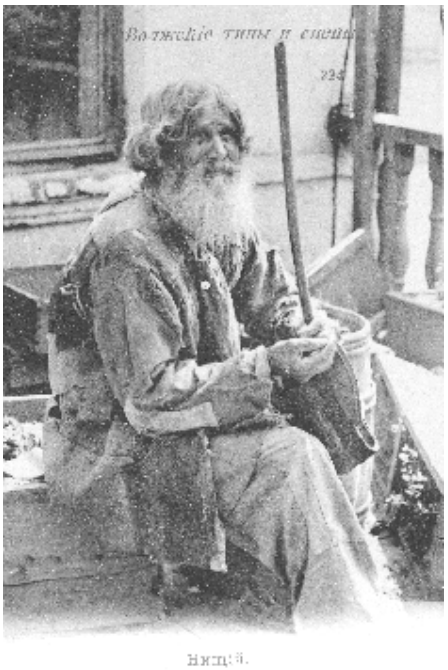
Типы волжских босяков



«Дядя Влас»

Странники в Понетаевском монастыре на пути в Саров

Фотографии М. Дмитриева
из коллекции М.Савицкого



Нищий

Странники

Сборщик мусора

Типы волжских босяков

Ольга Фролова

Синий час

Чудесные мгновения моей жизни

ТИХО ЗДЕСЬ...

Не люблю я городские кладбища. Там тесно, скученно и воздуха не хватает. Деревья растут как-то нехотя, словно опасаясь, что их ни с того ни с сего могут спилить; мелкий птичий народец гнезд не вьет и песен не поет. Только угрюмые вороны восседают на разных возвышениях да изредка пророчески каркают. Иногда налетят стаей галки, побазарят и кинутся прочь.

Памятники жалко жмутся друг к другу, и кажется, что бессмертные души ютятся здесь, как в коммуналке, скучно и суетно. Впрочем, кое-где высятся двухметровые мраморные колонны и стоят гигантские статуи, как бы намекая, что в земной жизни их хозяева были не чета прочим.

И церкви рядом нет, чтобы урезонить и примирить эти несчастные души. Нет, не грустно, не печально... страшно мне здесь!

Совсем иное дело - сельское кладбище. Расположено оно, чаще всего, на взгорье, рядом с дорогой, уходящей в дальнюю даль. Купы плакучих берез осеняют его, печально покачивая ветвями. Весной в высокой траве, под кустами сирени и жасмина, соловьи вьют гнезда, а по ночам дают такие концерты, что вся округа, замирая, слушает их. Вороны и галки ведут себя поскромнее, без дела не галдят. Простенькие крестики, небогатые плиты смотрят в небо, на дорогу, в поле, на дальний лес. Тихо здесь, спокойно и просторно. И церковь рядом.

Пройдет мимо такого кладбища путник, опечалится на миг, задумается о вечном - и пойдет дальше, не оглядываясь. Пойдет, радуясь жизни.

Ольга Владимировна Фролова родилась в 1950 году в Челябинске, в семье военнослужащих, детство и юность провела в Ярославле. Окончив школу, поступила на филологический факультет Ярославского педагогического института имени К. Ушинского; получив диплом, работала корректором, книгопродавцом, библиотекарем. Последние двадцать с лишним лет преподает в Ярославской государственной медицинской академии. Доцент ЯГМИ, двенадцать лет заведует кафедрой русского языка и литературы в этом вузе.

Прозу писала для себя, ранее нигде не публиковалась.

Живет в Ярославле.

© Ольга Фролова, 2003.

ЩЕДРОЕ ЛЕТО

Такого богатства в саду и огороде я что-то даже и не помню. Уже в июле ягодные кусты ломились под тяжестью сладкой дани. В августе началось нас тупление овощей: огурцы и помидоры мы собирали ведрами, кабачки носили мешками. А на грядах ждали своей очереди тыквы, огромные, как солнце, морковь толщиной с руку спортсмена - «качка», и голубоватые кочаны капусты.

Все лето бегали по дорогам трудолюбивые «копейки», пофыркивали «запорожцы», проносились, как восточные скакуны, роскошные иномарки. И все они везли в город небывалый урожай.

А потом пошли грибы! Выросли они везде: на опушке и в лес у, в придорожных канавах и в городских парках. Около леса можно было увидеть такое количество автомобилей, как будто там открылся автосалон. Счастливые грибники выползали из леса с полными торбами и, высыпав собранное прямо в багажник, рысцой устремлялись обратно.

И мы не избежали грибной лихорадки. Отъехали подальше от опушки и углубились в лес. Боже мой! Грибы просто сами шли к нам в корзины! В светлом березовом лесу кряжистые белые сидели то тут, то там; гордо стояли подберезовики; в сумраке под соснами таинственными кольцами росли грузди. А когда забрели мы в молоденький еловый лесок, то на бархатных зеленых пнях и на поваленных стволах обнаружили великое множество крепких опят.

Доверху заполнив корзины, мы бежали к машине, чтобы поскорее освободить тару , и опять ломились сквозь высоченную крапиву в лес. Впереди уже замаячила было бессонная ночь, потому что все это грибное богатство предстояло разобрать и обработать. Пришлось нам наступить на горло собственной жадности.

На обратном пути мы стали свидетеля ми странного происшествия. Рядом с трассой, в низине, засела блестящая «Ауди», вокруг нее суетились люди. Было непонятно: то ли основательный хозяин хотел въехать прямо в лес и собрать все грибы, то ли грибное воинство выбросило свой десант на дорогу и сто лкнуло в кювет самодовольную машину.

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Последние дни августа всегда наполнены какой-то особенной красотой и печалью. Лето еще не ушло, но уже появились приметы неотвратимой осени: злые короткие дождики, яркие золотые проседи в зелени берез и удивительно красивые закаты. В один из таких вечеров прямо у нашего подъезда произошло нечто необычное.

В абсолютной тишине вдруг раздался резкий отчаянный крик, от которого люди невольно вздрогнули и подняли головы. На фоне прекрасной розовой тучи мелькн уло что-то пестрое. Большой ястреб круто взмыл вверх и скрылся за домом. Мы успели заметить, что в когтях у него билась ворона.

Когда первое изумление прошло, все зашумели, заговорили. Почему ястреб, этот вольный охотник, залетел в город? Как получилось, ч то ворона, тоже сильная и хитрая птица, попала к нему в когти?

Не успели мы разгадать эту загадку, как из светлой вечерней тучи хлынул дождь и всех разогнал по домам.

ПОСЛЕ ЗАКАТА

Печальное сентябрьское солнце только что крепко держалось за небоскло н - и вдруг, постояв секунду в воздухе и оглядев белый свет, сразу скатилось за горизонт. В поле и на дороге это не произвело почти никакого результата: воздух все также светел, комарики столбом вьются над головой, из деревни слышатся голоса и отдаленный з вук колокола.

Но стоит войти в лес, как все меняется. Длинные дневные тени упали на землю, переплелись и образовали влажную мглу, по которой ступаешь с опаской. Стволы берез светятся в сумраке, но листья с деревьев вдруг перестали падать, как бы отложив эт о дело на утро. Зубчатые очертания елей не проглядно темны, и кажется: протяни к ним руку - и коснешься стены. Грибов в траве не увидишь, только почувствуешь, как что -то упругое разломилось под ногой.

Кусты кажутся абсолютно черными, идти мимо них жуткова то - как будто чей-то пристальный и недобрый взгляд следит за вами. Каждый шаг гулко отдается в ушах.

Хруст сломанной ветки звучит, как выстрел, сердце обрывается и долго летит куда -то вниз. Скорей отсюда! К свету, теплу и человеческим голосам!

СОРОЧИЙ ДОМ

Прямо за изгородью растет у нас раскидистый орешник. Его присмотрела для себя какая-то хозяйственная сорока. Каждый год весной там идет интенсивное строительство: две яркие, похожие на дирижеров в концертных фраках, птицы носят в куст ветки, пушинки и соломинки. На нас они не обращают никакого внимания, ибо целиком поглощены работой.

В июне из куста слышатся писк и уговоры старших птиц: их беспокойное семейство требует еды. Сороки-родители охотятся совсем рядом с нами. Они выхватывают из вскопанной земли зазевавшихся земляных червяков, не брезгают гусеницами и личинками. Прожорливые сорочьи дети вопят настойчиво, и у бедных отца с матерью нет ни минуты передышки.

Нам очень хочется посмотреть на крикливое семейство, но стоит приблизиться к сорочьему дому, как сорока-мать начинает с нервным карканьем носиться над нами и уводить от гнезда. Жалко ее беспокоить, и мы отступаем.

Только в августе нам впервые удается увидеть сорочат: мать выводит их на изгородь.Маленькие копии красавицы-сороки еще неуверенно цепляются лапками за перекладину, их одеяние великолепно, но голоса еще тоненькие и хриплые. Мир и порядок в гнезде теперь то и дело сменяется семейными распрями: дети выросли и требуют самостоятельности.

В один из сентябрьских дней сорочий дом опустел. Сн ачала на ближайшие провода взлетела мать и призывным карканьем стала звать к себе сорочат. Потом один за другим из гнезда начали подниматься птенцы. Шесть роскошных птиц присели на провода, словно большие ноты «до». Сорока-мать крикнула еще раз и взлетела. Вся стайка сорвалась с места вслед за ней.

Больше мы не видели наших шумных соседей. Сорочий дом опустел. Может быть, весной в нем снова появятся жильцы?

ЧЕРЕЗ ДОРОГУ

С детства люблю я дни первых осенних холодов. Когда -то давно, мне было лет шесть или семь, отправилиеь мы с дедушкой в эту пору на Которосль. Вышли еще по -осеннему,

без теплых перчаток и ботинок, а когда стали возвращаться, налетела вдруг первая октябрьская вьюга. Сразу потемнело, снег летел в лицо, и казалось, что домой нам уже не вернуться. Но так же внезапно все прекратилось, засияло солнце, и от недавней вьюги остался только запах влаги и свежести. С той поры я всегда жду от первого снега каких-то сюрпризов.

Года два назад мы возвращались домой в дни первых октябрьских холодов. Машина тихо шуршала шинами по слегка заледеневшей дороге, по сторонам покачивали ветвями старые ели. Вдруг все движение резко изменило характер: встречные машины тормозили, некоторые даже пошли юзом. Мы остановились.

Прямо через дорогу шла стая кабанов: впереди огромный клыкастый секач, за ним - животные помельче, а в конце - маленький полосатенький поросеночек. Они перемахнули дорогу в считанные секунды и скрылись в лесу.

Когда оцепенение прошло, машины начали потихоньку трогаться, как бы опасаясь новых сюрпризов.

ОКОШКО В НЕБЕ

С утра было очень тепло, но уже чувствовалась какая-то влажная нежность, какая бывает только перед большой непогодой. К полудню пошел дождь, пока еще летний, крупными каплями. Через час - полтора ветер стал резче и злее, а с неба посыпалась изморось, да такая густая, что в двух шагах ничего не стало видно.

Птицы очень тревожились: галки сбились в стаи и беспокойно покрикивали, а грачи то рассаживались по перекопанному картофельному полю, то взлетали, закрывая полнеба.

Ветер гнул деревья, безжалостно срывая листву, трепал гривы кустарников, стелил по земле траву. Но бесчинство это продолжалось недолго: тучи вдруг поднялись выше, дождь прекратился, и в северной стороне неба открылась ярко-бирюзовая голубизна, словно там отворили окно. Из этого окна дохнуло резким холодом. Сразу закоченели руки, за лето отвыкшие от перчаток.

Сжимаясь в комок, люди заторопились в укрытие. Но природа показала еще не все свои сюрпризы: тучи вновь сгруппировались, и из них посыпалась мелкая снежная крупа - предвестие скорой зимы.

СНЕЖНЫЕ ЯБЛОКИ

Это явление я наблюдаю каждую зиму. В холодный декабрь, лютый январь или вьюжный февраль после долгих снегопадов и морозов вдруг наступает оттепель. Огромные снежные шапки, намерзшие на невысоких деревьях и кустах, начинают подтаивать, образуя плотные шары. Но для того, чтобы стать яблоками, им необходимо одно условие: яркий розовый или алый свет.

...Поезд в этот день отошел от станции с большим опозданием. Мимо окон проплывал заснеженный лес, поэтому пейзаж казался довольно однообразным. Неожиданно тяжелые снеговые тучи разошлись, и багровое зимнее солнце осветило лес. Вот тут-то я и увидела снежные яблоки. На кустах, на деревьях, освещенные закатными лучами, висели фантастические плоды розового, алого, бордового цвета. А когда тучи вновь закрыли солнце, не все яблоки погасли. Кое-где они так и продолжали покачиваться на ветвях. Это стайка снегирей слетела на заснеженный лес.

ЗИМНЕЕ ЧУДО

Уставшая, измученная мелкими неприятностями дня, я медленно шла от остановки к дому. Тяжелые сумки равномерно оттягивали плечи, узкая тропка между сугробов казалась длинной, как Млечный Путь. Впереди неярко светили огни родного квартала, а справа и слева видны были только чахлые кустики, торчащие из-под снега.

Вдруг на краю этой снежной простыни я заметила какое-то движение. Что это? Ветер шевелит пожухлую траву, или кошка пробежала? На меня глянули маленькие черные глазки, точно бусинки. Зверек! Белый пушистый мех поблескивает в свете фонарей, роскошный хвост вальяжно лежит на снегу. Это ласка, подумала я. Но откуда она здесь, посреди шумного города, рядом с грохочущими трамвайными путями?

Я стояла, стараясь не дышать. Вдруг какой-то звук вспугнул зверька, и одним грациозным движением ласка метнулась прочь. Прощай, мое зимнее чудо!

Быстрыми шагами, не замечая тяжелой ноши, я побежала к дому. Скорее надо рассказать своим об этой удивительной встрече.

РУЧНЫЕ СИНИЧКИ

Ледяные декабрьские ветры делают сговорчивыми самых гордых и независимых птиц. Почти у самых ног топчутся попрошайки-воробьи. Толстые, похожие на стог соломы, вороны укоризненно заглядывают в глаза человеку: ты что, не видишь, как нам холодно и голодно? Прилетают из леса снегири, чтобы подкормиться ягодами рябины, которые еще не съели избалованные городские птицы.

Всего интереснее наблюдать за синичками. Холода еще не наступили, метеосводка загадочна, как ребус, а около домов уже крутятся эти симпатичные птички. Что-то ищут на застывших ветках кустов и тихонько позвякивают, как хрустальные фужеры. Но человека к себе пока что не подпускают.

Когда же грянут морозы, синички становятся ручными. Тогда смело набирайте в руку семян и стойте смирно - сейчас вы испытаете удивительные ощущения. Птичка подлетит прямо к вашему лицу и на мгновение повиснет в воздухе. Потом она как будто решится, сядет к вам на ладонь, и, осторожно прицепившись холодными коготками, возьмет семечко. И тут же улетит, чтобы очистить его и спокойно съесть.

А у вас надолго останется чувство радости, как будто чья-то невинная душа открылась вам.

СИНИЙ ЧАС

Синий час бывает только морозной, снежной зимой, причем в ясную, безоблачную погоду. Незадолго до заката наклонные лучи холодного солнца создают в атмосфере какое-то особенное свечение. Небо, снег и воздух становятся темно-голубыми, а все предметы - синими. Четкие квадраты домов, еще не освещенные окнами, кажутся больше и значительнее, чем в действительности. Деревья не колышутся в синем воздухе. Снег лежит сплошной синей скатертью, и на нем нет ничьих теней.

Лица встречных людей тоже подвергнуты влиянию этой волшебной синевы. Черты их становятся как-то резче и отчетливее, а глаза (все равно, какие - карие, серые, зеленые) наливаются прямо-таки инопланетной синью.

Таинственный этот час короток, и в спешке мы не всегда замечаем его. Пока он не иссяк, и вечерняя темнота не погасила таинственное свечение, еще можно встретить самых дорогих и милых вам людей. Синий час - волшебное время суток.

ПРОЗА

Юрий Аруцев

Птицы, звери, люди

Рассказы

УЖОНОК

Я никогда не боялся змей. Ни в детстве, ни теперь. Более того, во время частых прогулок по лесу я мечтаю повстречать это грациозное создание и невольно высматриваю его гибкую узорную спину либо меж причудливо извитых корневищ, либо в изумрудной от солнечных лучей траве, либо в опавшей, пожухлой осенней листве.

Так почему же я не боюсь змей? А наверное, вот почему.

История эта приключилась со мной много-много лет назад, когда я еще маленьким щуплым парнишкой бегал со своими сверстниками по дворам, лазал по задворкам домов и сараев среди куч мусора и всякого барахла. Открытия, приключения и бесценные находки ожидали нас на каждом шагу. Однажды недалеко от старого покосившегося сарая, за которым жили мыши да огромные пауки-крестовики, выслеживающие жертву в своих плетеных гамаках, увидел я группу чужих мальчишек. Они были старше меня, и я не решился подойти к ним, а только издали наблюдал, как они под хриплый, прокуренный хохоток, наклонившись над землей, то и дело взмахивали руками, как будто играли в ножички. Наших ребят во дворе не было, поэтому чувствовал я себя не вполне уютно. В душе поднималось что-то воинственно-задиристое вперемешку со страхом и любопытством. Я с нетерпением ждал, когда они уйдут. Ожидания мои были недолгими. Развязный разговор чужаков, сигареты в зубах и бесконечные

Юрий Иванович Аруцев родился в 1951 году в г.Лиепая, в семье ветерана Балтийского флота, участника финской и Великой Отечественной войн. Сын армянина и грузинки, он с детства воспитывался в атмосфере уважения к книге, к русской классике, много читал. Окончив школу в Смоленске, поступил на лечебный факультет Смоленского государственного медицинского института, который и окончил в 1975 году. Работал врачом-терапевтом в Новгороде, Боровичах; в 1979 году переехал в Ярославль, где трудился в больнице им.Семашко и районной ВТЭК. С 1983 года возглавляет эту комиссию.

Окончил художественную школу, работал художником-оформителем, руководил изостудией, судомодельным кружком. Тринадцать лет отдал работе над «Родословной книгой Аруцевых». В 2001 году основал в Ярославле историко-родословное общество, работой которого руководит по сию пору. Действительный член Российского историко-родословного общества.

Пишет рассказы и стихи. В 2002 году в Ярославле вышла в свет его первая книга рассказов «Зов».

Живет в Ярославле.

© Юрий Аруцев, 2003.

плевки очень скоро стали предметом пристального внимания дворовых старушек, а особенно тети Тони-Барсучихи - грозы всей дворовой детворы.

Огрызнувшись несколько раз и демонстративно дымя сигаретами, шпана удалилась. А мне этого только и нужно было. Стремясь утолить свое любопытство, я побежал к старому сараю, к тому месту, где минуту назад были ребята. На земле среди щепок, мусора и окурков я вдруг увидел маленькую змейку. Она лежала неподвижно, как небрежно брошенный обрывок веревки или жгута. По двум желтым пятнышкам на голове я сразу догадался, что передо мной - уж. А точнее сказать, маленький ужонок.

Впервые в жизни я видел настоящую змею, испытывая при этом какое-то новое для себя, трепетное чувство жалости и обиды: маленькое тельце было исколото и исцарапано, а из некоторых ранок проступили крохотные капельки крови. Осторожно пошевелив ужонка прутиком, я бережно взял его в руки и отнес домой. Нечего было и думать просить родителей подержать его некоторое время у себя, поэтому, пробравшись потихоньку в комнату, я незаметно положил ужонка в большую пластмассовую мыльницу, предварительно высыпав из нее все мои «сокровища». Потом сбегал во двор, нарвал мелкой травы, листочков и уложил ужонка в коробку, соображая про себя, как завтра похороню его в дальнем углу двора, возле стены, где девчонки прячут от нас свои секреты.

К великому своему изумлению, открыв утром мыльницу, я обнаружил, что мой уж жив. Он смотрел на меня, приподняв свою маленькую плоскую голову, и время от времени высовывал тонкий, длинный черный язычок. Я тут же принялся лечить его, аккуратно перевязав тонкой тряпицей все его ранки и напоив молоком. Радости моей не было границ!

Прекрасно помню то состояние своей юной души, то счастье от мысли, что я спас жизнь живому существу. Еще бы! Кто из моих сверстников мог похвастаться таким питомцем?

Он поправился очень быстро и прожил у меня целое лето. Я проделал в коробке много дырочек, чтобы ему хорошо дышалось, выстелил дно мягким, как бархат, мхом. Дождавшись ухода родителей, я открывал коробку. Внимательно осмотревшись по сторонам, ужонок не спеша переползал через край и путешествовал по моему письменному столу, учебникам, карандашам. Потом, нагулявшись, без всякого принуждения заползал в свою коробку, сворачивался в клубок, и засыпал.

Мои родители и не подозревали, что рядом с ними живет такое чудное, такое доброе и прекрасное существо.

Когда я убедился, что мой дружок совсем оправился от ран, окреп и подрос, я отпустил его на волю. Это было в нашем парке, за школой, возле пруда. Я отпустил его к травам, цветам, комарам и лягушкам. Отпустил радоваться жизни и бороться за нее.

ЛАСТОЧКИ И ВОРОБЕЙ

Свои первые летние каникулы я проводил в Крыму, в Судаке, где мой отец отдыхал в военном санатории. Высокие стройные кипарисы, шум волн, непередаваемый запах моря, развалины старинной крепости на вершине высокой скалы - все будоражило мое мальчишеское воображение и привносило в мою беззаботную жизнь особое состояние радости и романтики. Каждый вечер до захода солнца мы с отцом проводили на берегу. Я бегал по пляжу, бросал в море камни и был счастлив.

В один из таких вечеров, выходя из корпуса санатория, мы обратили внимание на группу отдыхающих, внимательно смотревших куда-то поверх наших голов. Мы присоединились к ним и посмотрели туда, куда были устремлены многочисленные взгляды. Тут же вертелся и мой новый дружок - азербайджанец Нурджан. Тараторя на

своем и русском языке, он показывал мне под козырек крыши, где лепилось около десятка ласточкиных гнезд. Детская моя память и до сегодняшнего дня сохранила во всех подробностях событие, очевидцем которого мне довелось тогда стать.

В воздухе носилось множество ласточек. Они тревожно летали вокруг одного гнезда, стремительно садясь на него и столь же стремительно слетая. Шум стоял невообразимый. Временами из маленького отверстия гнезда показывался серый клюв, а среди писка ласточек пробивалось воробьиное чириканье. Так и есть: серый воробышек захватил ласточкино гнездо и надежно держал оборону.

Ласточки штурмовали беспрерывно, но выгнать серого разбойника не могли - слишком узкое отверстие гнезда не позволяло расправиться с обидчиком, который уверенно отбивал все атаки. Так продолжалось довольно долго, и отец уже взял меня за руку, намереваясь идти к морю, но вдруг поведение ласточек изменилось. Они внезапно исчезли. Осталось только несколько птиц, продолжавших попытки одолеть непрошеного гостя. В наступившем затишье еще громче звучало воробьиное чириканье. Так же внезапно, как исчезла, вся шумная ватага стремительно появилась вновь над нашими головами и разом ринулась на гнездо. В одно мгновенье оно скрылось под черными спинками. Но когда ласточки разлетелись во все стороны черно-белым серпантином, я увидел, что у гнезда, где засел воробей, больше нет входа.

Захватчик оказался замурованным в тесном каменном мешке. Я смотрел, не отрываясь, еще несколько минут. Ласточки к гнезду больше не подлетали. Мне было жалко воробьишку до слез. Ошеломленный разыгравшейся на моих глазах трагедией, я расплакался.

Потом мы молча бродили с отцом по берегу, но ни уходящее за горизонт солнце, ни игривые волны уже не радовали меня.

Рано вернувшись, мы улеглись спать.

ВОЛКИ

Читать о волках в популярных изданиях или смотреть на них в зоопарке - это совсем не то, что видеть и чувствовать зверя в нескольких метрах от себя. Помню, в одном из номеров журнала «Вокруг света» французский биолог с присущим его нации юмором писал, что если вы встретили в лесу зверя, похожего на волка, но сомневаетесь, не собака ли он, этот зверь, поставьте перед ним блюдечко с водой и посмотрите, как он будет пить. Если станет бесшумно втягивать в себя воду, значит, перед вами, без сомнения, волк и, пока он утоляет жажду, вам следует как можно быстрее уносить ноги. Если же станет шумно лакать, значит, этот волк - собака, и вам нечего опасаться за свою драгоценную жизнь. Прекрасный совет! Однако, встретившись с волком лицом к лицу, я начисто забыл про француза и его веселые рекомендации.

Случилось это морозной зимой 1978 года. В то время я работал в городе Боровичи Новгородской области, куда ежедневно ездил из шахтерского поселка Зарубино, покрывая в один конец сразу полсотни километров. Маленький рейсовый автобус шустро проходил эту живописную дистанцию. В тот день я возвращался домой последним рейсом. Сказалось напряжение рабочего дня, поэтому, войдя в автобус и сев в свободное кресло, я сразу задремал. Когда спустя некоторое время открыл глаза, то первым, что увидел, были удаляющиеся огни моего поселка, шахта и огромные, как египетские пирамиды, терриконы, высвеченные ярким лунным светом. Досадуя на себя, попросил водителя остановить автобус и вышел на морозный воздух.

Проехал я свою остановку довольно далеко. Позади меня темнела небольшая деревушка. Окна домов светились желтовато-красными огоньками, белесый дымок неспешно поднимался из труб к звездному небу и растворялся в его черно-синей глубине.

Вдали от дороги справа и слева темной стеной стоял лес. От усталости не осталось и следа. Я пошел по заснеженной трассе навстречу мерцающим в далекой дали огонькам шахтерского поселка. Тишина первозданная... Только снег похрустывает, поскрипывает под ногами, да воздух шелестит от дыхания на сильном морозе. Но если вы спросите меня, откуда в моей душе зародилось смутное чувство тревоги, я не смогу ответить.

Бросив взгляд в сторону, я увидел двух волков. Стоя один от другого на расстоянии нескольких метров, они смотрели на меня, а я, оцепенев, смотрел на них, и нас разделяло только полотно дороги с небольшим снежным бруствером на обочинах. Как сейчас вижу их перед собой и заново переживаю свое состояние в тот момент. Сердце готово было выскочить из груди - и каждый его удар сотрясал меня. Мысли мгновенно приобрели рациональность, мозг прорабатывал возможные варианты развития ситуации. Оценив обстановку, я понял одно: возвращаться назад, к деревне, бессмысленно, ибо я прошел уже значительную часть пути. Бежать? Но куда? Звери настигли бы меня в несколько прыжков. Единственный, как мне тогда показалось, выход - спокойно идти вперед, не выдавая своего волнения, тем более испуга, и не выпускать их из вида. И я двинулся вперед, слегка размахивая портфелем и пытаясь придать своему движению беззаботный вид. Волки, как по команде, двинулись одновременно со мной - не отставая и не обгоняя меня.

Сколько времени мы так шли, конечно, уже не вспомнить, но было такое ощущение, будто я стоял на месте. И среди этого высочайшего внутреннего напряжения до моего слуха донеслось глухое, далекое еще, урчание мотора.

Медленно обернувшись, я увидел приближающиеся огни автомобильных фар. Весь мой мир, вся моя жизнь, казалось, сузились до размеров этих двух вздрагивающих на неровностях дороги огоньках. Не обращая внимания на зверей, которые тоже остановились, я вышел едва не на середину дороги и поднял руку. Воображение стало рисовать мне, как машина, свистнув тормозами, останавливается и, распахнув дверцу, я забираюсь в теплую кабину, пропахшую бензином, солидолом, табаком и еще черт знает чем, но только очень людским, человечьим. Поэтому до моего сознания не сразу дошло, что огромный самосвал, не снижая скорости, пронесся мимо по шоссе в сторону поселка.

Что-то оборвалось во мне и унеслось вместе с той проклятой машиной. Проводив ее взглядом, медленно опустив руку, я с отчаянием и ужасом посмотрел на волков. Оба, не меняя позы, не шевелясь, в упор разглядывали меня. Я тихонько вернулся на «свою» обочину дороги с одним нестерпимым желанием - бежать. Душа моя испытала новое и чуждое всей моей природе чувство животного ужаса, обезоруживающего и опустошающего.

Каким-то одним, может быть, не оборвавшимся волоском разума я заставил себя не совершить роковой глупости. Я шел медленно и мучительно. Это была ежесекундная выматывающая борьба разума с чувством. Волки шли рядом. Они вели меня, спокойные и уверенные.

Так мы дошли до поворота на поселок. Основная дорога уходила дальше, в черно-белое серебряное безмолвие. Вехой на этом перекрестке стояла на той, волчьей стороне дороги, изба бывшей сельской библиотеки. Тут мы и расстались. Страх исчез, но на смену ему не родилось никакого иного чувства. В душе и мыслях зияла необъятная пустота.

До моего дома было рукой подать, когда неожиданно для себя я развернулся и направился в обратную сторону. Я понимал всю нелепость и абсурдность своего поведения, но мне нужно было увидеть их еще раз.

Дойдя до избы, я прошелся вперед и назад по шоссе, высматривая, таким образом, пространство за ней, но зверей больше не увидел. Предположив, что волки скрылись в лесу, я не спеша вернулся домой.

Жена говорила мне потом с улыбкой, что в тот вечер я долго сидел, обняв ее за плечи, и говорил очень теплые и ласковые слова. Наверное, это так и было, только я этого не помню.

ЗОВ

Разрушенные церкви и храмы приходилось видеть мне и на Смоленщине, где прошли мое детство и юность, и на древней Новгородской земле, где я жил и работал долгое время. Вымершие деревни всегда вызывали во мне чувство какой-то особой скорби и удивления. На российских пахотных землях стоят тысячи заколоченных, заброшенных домов, подобных мертвецам, никем не оплаканным и не преданным земле. Много было таких встреч, но одна из них всколыхнула во мне что-то такое, чего я и сам не мог объяснить, слила воедино нагроможденные ранее в памяти картины, принесла вполне ощутимую душевную боль.

В последних числах января мы всей семьей уехали на турбазу, оставив за собой дела прошедших дней, огни большого города, его суету. Уехали кататься на лыжах, дышать чистым воздухом и любоваться природой. Утро следующего дня выдалось пасмурным. Быстро теплело, но снег еще не осел. Походив по лесу, мы выбрались на дорогу, которая вела к маленькой деревушке. По белым взгорьям жались друг к другу десятка полтора изб. Вдали, заросшая кленами и березами, виднелась церковь с колокольней. Светлым пятном выделялась она среди мокрых, почти черных стволов деревьев на фоне серого, тяжелого, темнеющего к горизонту неба. Тревожный контраст. Решив осмотреть церковь, мы неторопливо двинулись вперед, оставляя за собой лес.

Пройдя с километр, поравнялись с первыми домами, прошли деревенской улицей, заглядываясь то на некогда нарядные наличники, то на заколоченные окна и двери. Тишина и покой. Только щекотнуло ноздри дымком от топившейся печи, да навозом с подворья, да еще чем-то, отчего показалось, будто жил я здесь с самого детства и все вокруг такое родное и близкое, и что именно это - Родина.

Мы поднимались на холм, вершину которого венчал величественный когда-то храм. Но то, что издали казалось стройным и светлым, по мере приближения тускнело и блекло. Взору открывались полуразрушенные стены, покрытый плесенью и мхом камень, истлевшие, провалившиеся купола. И могилы, могилы... С черными и серыми мраморными надгробиями, сохранившимися еще с прошлого века, коваными крестами и безымянными холмиками... Воображение рисовало мне старые и молодые лица современников наших дедов и прадедов, и современников нас самих. Все здесь располагало к молчаливому созерцанию и размышлению.

Кладбище плотным кольцом окружило церковь. Обходя его, мы оказались возле покосившейся, распахнутой в каком-то беспомощном порыве двери. Вошли. То, что предстало перед глазами, повергло душу в смятение. Все разрушено, разбито, загажено. На закопченных, выбитых стенах местами сохранилась роспись, угадывались лики ангелов и святых. Всюду прах. И копоть, как вечный траур.

Мы вышли к колокольне. Высокая и стройная, уперлась она в серое небо истлевшим куполом. Время здесь остановилось. Его не было. Был только лепленный руками, каленый, обнажившийся кирпич, были остатки росписи и сохранившиеся на окнах ажурные кованые решетки... Все это сотворено было разумом и руками наших далеких соотечественников, чьих не только лиц, но и имен не суждено нам узнать никогда.

Как чудовищно было видеть растоптанную память! Какая это была боль - испытывать стыд за причастность к своему поколению, которому завещались вера и любовь.

Время стояло. Храм Божий, умирающий, разделивший участь своих прихожан, чьи грехи и радости он впитывал в себя и чей загробный покой он призван был оберечь, стоял перед нами полуживой-полумертвый и взывал к вере, к любви, к совести. К нам взывал.

Алексей Серов

Два рассказа

СОВЕРШЕНСТВО

В одних трусах будучи, семейных, в горошек, он легко поднял и вылил на себя ведро холодной воды. На улице было минус восемь, прелесть что за погода, скоро река схватится льдом, можно будет купаться нормально... Он бодро переступил несколько раз босыми ногами в образовавшейся на асфальте луже, звонко похлопал себя ладонями по твердому животу и рассмеялся от удовольствия.

Никто уж не глядел на него в окна, как на придурка - привыкли, да и рано было, народ спал, пять утра. Он вошел с пустым ведром в подъезд, нарочито медленно поднялс я по ледяным бетонным ступеням на свой шестой этаж. Дверь не заперта.

Он вытерся, вымыл ноги в ванной, пошел готовить завтрак. Скоро на работу.

Жена лежала в комнате на диване и тихо постанывала во сне. Болела уже давно. В шестьдесят лет, если собой не заниматься, какое у человека здоровье? Никакого. А она собой не занималась никогда, ну вот и пожалуйста. Сколько он ее пытался приохотить к этому делу - нет, только рукой махнет, не надо. Да и наследственность плохая, почки. Судя по всему, недолго ждать.

А он вот здоровее молодых, может фору дать любому. Недавно у них в отделе были полушуточные гиревые соревнования, его сначала и допускать не хотели, но потом все же допустили, посмеиваясь, а когда он пудовой гирькой шутя поиграл да взялся за двухпудовую, улыбки стали кривыми. Короче, всех переплюнул, показал, кто чего стоит. Иззавидовались. Пошли тихие разговоры, что пора бы человеку на пенсию, возраст -то подходящий, молодым надо дать дорогу, да и что он за инженер, всю жизнь ни одного интересного проекта, сплошной штамп и повторение... В глупой стенгазете нарисовали совершенно лысого старика с преувеличенно богатырской грудью и лошадиной улыбкой. Не постеснялись. Что ж, он воспринял это как должное. Значит, сила на его стороне.

Позавтракал, собрался ехать. Кроссовки, спортивные трусы, легкая майка. За спиной рюкзачок с книгами. Запер дверь, спустился вниз, побежал к остановке трамвая.

Добежал. Транспорта пока не было. Можно, в принципе, успеть и на своих двоих, он часто так и делал, но сегодня надо было ему еще прочитать то, что вчера не успел из -за жены.

Биография А.А. Серова опубликована в № 1 за 2003 г.

© Алексей Серов, 2003.

Трамвая все не было. Он покружил вокруг остановки, дал длинный кросс вдоль линии. Дышал, как хороший насос, пар валил, даже очки слегка запотели. Протер их на ходу. Наконец, дождался. Влез в толпу тепло одетых людей, смотревших на него с ужасом и почти отвращением. Очки снова запотели, он снял их и протер. Не теряя ни минуты, достал из рюкзака учебник. Какое-то время здесь можно продержаться без движения.

Десять минут на техническое чтение. Потом десять минут на свежую «Роман-газету». Как раз ровно столько, чтобы доехать до работы. Краем глаза он отметил, с каким гадливым выражением стоящий рядом парень поглядывает на его седовласую грудь и морщинистую кожу. Не нравится - не смотри. И действительно, не выдержал парень, отвернулся. Да, так всегда и бывает.

У нас свобода, каждый может ходить в чем угодно.

Добежал до проходной, измерил пульс. Отлично.

Работа. На работе все было как всегда, те же подначки дураков-коллег из мужской половины, фальшивые восторги женщин. Как же - не курит, не пьет, здоров как бык, и все такое. Он прикидывал, которую из баб можно было бы взять, когда жена освободит его, наконец. Получалось - никого. Все глупы, неразвиты, грубы, жутко накрашиваются. Почти у всех лишний вес... Нет, надо приискивать где-то еще. Здесь - только время терять.

Чертил что-то до конца дня, совсем не думая о работе. Прислушивался к своим внутренним ощущениям, все ли в порядке, нет ли где пробоин, незаделанных дыр. Зуб что-то стал побаливать, один из последних. Видимо, придется всерьез подумать об удалении и о протезе. У него был такой принцип: ничего не запускать. Если выпал зуб, иди вставлять новый. Если заболел желудок - иди лечить, но лучше вообще не доводить до болезни, питаться правильно. Зубы-то у него почти все уж были вставные. Да так и легче, не болят, меньше проблем...

Остальное вроде все было в порядке. Организм работал, как часы. Дефекация произошла в обычное время, легко и приятно.

Он успел просмотреть несколько рекламных газет с объявлениями похоронных контор, позвонил кое-куда, нашел самую дешевую, поторговался. Да, на все нужны деньги, но это, к сожалению, неизбежно. Что ж, деньги будут. На работе помогут, потом положены какие-то гроши из собеса... в общем, хватит. Без особых проблем.

Надо, чтобы тело сразу забрали, держать дома нет смысла, да и неприятно, хоть и дешевле выйдет.

Рабочий день закончился. Градусник за окном показывал минус три. Домой он не поедет, побежит сам, это куда приятнее, чем толкаться среди усталых и нервных людей, почти каждый из которых готов ввязяться по малейшему поводу в драку. Драк он боялся больше всего на свете, драк и вообще нелепых случайностей, которые могут стоить здоровья и даже жизни. Это было, наверное, единственное, чего он не мог контролировать - и боялся постоянно. Вечером из дому не выходил, предпочитая для всех своих занятий раннее утро, когда хулиганы спят, ложился рано. Да так оно и лучше, здоровее, в полном соответствии с биоритмами...

Час легкого бега, и вот он уже в своем микрорайоне, бодрый и свежий. Последнее усилие, финальный аккорд - без остановки взлетает по лестнице на шестой этаж и долго ходит по длинному коридору, успокаивая дыхание, восстанавливая нормальный сердечный ритм. Рука на запястье, подсчет ударов... Нет, еще немного подождать. Так, вот теперь все в порядке.

Дверь не заперта. Странно. Он ведь запирал, когда уходил. Точно помнит.

Она куда-то ходила? Неужели смогла встать? Вряд ли.

Но точно, вот она, лежит на пороге комнаты грузной тушей, вся отекшая, слоноподобная. Упала. Неужели - все?.. Нет, дышит. Дышит, хотя и еле-еле. Без сознания. Редкие волосы прилипли к щекам, нос торчит какой-то безобразной пористой блямбой, глаз почти не видно.

Перевернул, дотащил до кровати, кое-как поднял, перевалил через край. Тут она застонала, так громко и мучительно, что ему на мгновение стало остро жаль ее, хотя сама она была виновата: за здоровьем не следила. Да и наследственность - ничего не поделаешь... Открыла глаза, долго не узнавала, потом заплакала.

- Вот... Юрик... ухожу... один остаешься... дурачок ты мой... как один-то будешь? не знаю...

- Зачем ты вставала,- спросил он терпеливо,- лежать надо было. В твоем состоянии нельзя вставать. А ты встала.

- В окно... последний раз посмотреть... на небо...

-Ну, и глупо. Сейчас я «скорую» вызову.

- Не надо... Ухожу... Дай спокойно уйти...

- Как хочешь.

- Сядь...

И он послушно и терпеливо уселся на пол возле кровати - в своих пропотевших спортивных трусах и майке, и волосатые мускулистые ноги его нелепым детским домиком торчали кверху. Он держал жену за руку, гладил эту руку, а жена, нащупав его лысую голову, просто положила сверху ладонь и так держала. Он хотел было уклониться, но она не отпустила. Пришлось сидеть, терпеть.

- Я тебе много... хлопот...

- Да ничего-ничего, - быстро сказал он, ужаснувшись, что ей сейчас надо будет выговорить длинное и неудобное слово «доставила» или «причинила», а ему придется лишний раз слышать, как она тяжело, со свистом втягивает воздух.

- Ты уж прости меня...

- Да, да, конечно.

Наверное, с час он так сидел, гладил ее, и за все это время она пару раз говорила ему: «дурачок ты мой», а потом замолчала надолго. Он думал все это время о чем-то постороннем, о каких-то пустяках - и вдруг почувствовал, что рука на его голове начинает холодеть. Кожа головы у него была очень чувствительна к перемене температуры. Он осторожно встал, нащупал ее пульс. Точнее, попытался. Пульса не было.

Да, действительно. Все. Ушла.

Свободен.

Он положил ее поудобнее, скрестил ей руки, как полагается. Хотя - все равно без толку, ведь повезут, будут вскрывать... Глаза у нее были закрыты, очень хорошо. Выпрямился над телом, не зная, что делать дальше. Зачем-то перекрестился, наверное, первый раз лет за десять. Так полагается.

Его поразила собственная реакция на смерть близкого человека. Вернее, почти полное отсутствие чувств, переживаний. Наверное, заранее уже привык, обдумал это все. Теперь осталось только действовать.

Надо идти, звонить куда-то. Или врачам, или сразу в эту фирму...

Часов в десять его квартира была уже пуста и свободна, и он знал, что надо делать дальше. Порядок действий на ближайшие дни определен, а это самое лучшее, это сразу успокаивает.

Когда выносили тело двое дюжих парней (оба почему-то с лагерными наколками, что вызвало у него легкое беспокойство), он испытал смутное сожаление. Она теперь покидает его, они становятся разделены. А ведь всю жизнь были вместе. Конечно, он ее давно не любил, просто она всегда была рядом. И теперь вот такая перемена. И ничего нельзя сделать. Он вдруг немного испугался.

- Подождите...

- Что, отец?- спросил представитель фирмы, начальник тех двоих, с наколками...

- Минутку.

- Разумеется.

Носилки опустили на пол. Он стоял почти вплотную, громоздко возвышаясь над ее телом. Простыню убрали, чтобы он мог посмотреть, попрощаться. Но когда он снова увидел ее, то понял, что не знает, зачем остановил людей. Все давно было ясно, все так и должно было быть. Чтобы его поведение не истолковали как странное, он вдруг наклонился над нею и нежно стащил с пальца обручальное кольцо.. Оно сошло неожиданно легко, хотя пальцы сильно опухли.

- На всякий случай,- сказал он представителю фирмы, который невозмугимо смотрел куда-то в сторону. - Память.

- Разумеется.

Подняли и унесли. Он проводил до грузового лифта. Поехали. Все. Вот теперь уже действительно все.

Еще через час он уже очистил квартиру от ее вещей, ненужных тряпок, каких-то затянутых паутиной цветочных горшков, прогнивших полок с рассадой, любовных романов в мягкой обложке. Отдал соседям старый шкаф, который раздражал его уж лет двадцать. Подрядил за чекушку одного местного алкаша, и они вдвоем вытащили на помойку кровать. Он поспит и на полу, ничего. Так даже здоровее, на жестком-то... Тщательно вымыл пол.

В ближайшие выходные он сделает ремонт, побелит потолок и переклеит обои. И можно будет жить нормально, как давно уже хотелось. Спартанская обстановка, спортивный инвентарь, нужные книги... Пожалуй, бабу брать не стоит, она все опять испортит. Можно встречаться на ее территории, не связывать себя никакими обязательствами.

Свалил в углу несколько фуфаек, накрыл чистой простыней. Отличная получилась лежанка. Мягко, удобно, и места в комнате много. Почему нельзя было раньше так жить?

Открыл форточку настежь. Теперь она никогда не будет закрываться. Ему уже порядком надоел царивший здесь последние годы стариковский запах. Нужно обязательно избавиться от него.

Перед сном, лежа на фуфайках, определил цели на будущее. Надо научиться готовить. Впрочем, это нетрудно, есть масса книг. Средств на жизнь ему, при его-то минимальных потребностях, хватит с лихвой. Не нужно теперь тратиться на дорогие лекарства... Можно сделать еще что-нибудь нужное. Английский выучить, например. Времени теперь полно!

Он теперь совершенно не понимал, зачем столько лет потратил на эту женщину, которую любил только в молодости, которая постоянно болела и не оставила ему детей, за которой нужно было все время ухаживать... Непонятно! Сколько всего мог бы он сделать, не будь ее. А так, получается, жизнь прошла почти впустую; впрочем, он может, если постарается, активно прожить еще лет двадцать, или даже тридцать, здоровье-то отличное. Не все потеряно.

Уснул поздно. Спал как обычно, без снов, словно внутри теплого шерстяного носка.

В три часа ночи подскочил вдруг, пошарил вокруг себя, ничего не понимая, спросил:

- Аня... ты как себя чувствуешь? Принести воды?.. Где ты, Аня?!

И тут вспомнил все, увидел себя в углу на подстилке в пустой холодной квартире (а ее-то рядом нет!) - и взвыл, скорчился в судороге, что-то невнятно голося сквозь стучащие от внезапного холода зубы...

Долго лежал без движения и без мыслей, в полной пустоте. В эту пустоту откуда-то сверху упала потом маленькая капля-мысль, от нее пошли круги, дошли, наконец, и до него. Он все понял.

Они были созданы специально друг для друга такими, как есть. Она должна была любить его всю жизнь и жалеть, прощать ему его причуды и, поскольку детей не было, видеть в нем большого капризного ребенка. А он должен был заботиться о ней до самого конца. И так все и вышло, как должно было. И никто тут не виноват, и никто не обижен. Они были идеальной парой, а теперь....

Получалось, что теперь и жить-то ему не для чего. Неужели можно теперь всерьез заниматься физкультурой, лечебным голоданием, уринотерапией, бегать кроссы и даже учить английский - если ее нет?!

- Аня! - позвал он снова в холодной пустоте.

Она пришла. Села рядышком, привычно положила ему руку на голову, а он лежал на своих фуфайках, как больной и все спрашивал радостно:

- Ведь правда, смерти нет, Аня?

- Ну конечно, нет,- говорила она, мерно качая головой и гладя его.

- Значит, я никогда не умру?

- Да.

- Как хорошо! И ты будешь со мной?

- Всегда.

- Ты прости меня, Аня.

Проснулся оттого, что весь продрог насквозь. Форточку-то вчера не закрыл, а по полу сквозило порядочно. Раскрылся во сне - и протянуло. Спина была вся холодная.

Хотел встать, но его вдруг пронзила такая боль, что от неожиданности и удивления вскрикнул. Еле-еле смог выпрямиться наполовину. Держась за поясницу и охая, поплелся на кухню, закрыл форточку, включил весь газ, чтобы с огреться. Поставил чайник.

Но тут его бросило в жар, он напился холодной воды, повыключал газ и вернулся на свою лежанку, там, на полу, было прохладно, хорошо...

Через две недели квартира была уже совсем свободна от прежних хозяев, и туда заехали другие люди.

Когда хоронили старика рядом с его женой как раз на ее девятый день (на работе подсуетились, видя его безнадежное состояние, заказали сразу двойную ограду - и не ошиблись, деньги потратили не зря), то многие женщины плакали. Вот как, всю жизнь вместе, и ушли вместе. Не перенес горя, а ведь такой здоровый был мужчина. Теперь таких нет, другое поколение.

Гроб, установленный для прощания на земляном валу, был плохо сколочен, крышка прилегала неплотно, и даже когда забили гвозди (один из могильщиков при этом навалился на крышку, чтобы вмять внутрь торчащие носы ботинок), низкое зимнее солнце ослепительной звездой сияло в щели.

А некоторые мужики с очень серьезными лицами тихо говорили, оглядываясь: кто не курит и не пьет... Впрочем, это были те, кого старик недавно переплюнул на гиревых соревнованиях, дело понятное.

ДОЛЛАРЫ С ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

Валька Тимофеев (по естественному прозвищу - Тимоха) к своим сорока годам достиг стабильного материального и общественного положения, как планировал еще в школе. У него имелись в наличии собственный домик в пригородном совхозе, жена Зина, державшая Тимоху в кулаке, сын Пашка, учащийся ПТУ, корова Дашка, рыжая с белыми пятнами, огород, энное количество кур, гусят, поросят, кошка с собакой, простая работа, не отнимавшая много времени, крохотная зарплата, незлобливое сердце и мальчишеское любопытство. Средств на жизнь хватало еле-еле, но хватало, следовательно, все было в порядке, грех жаловаться. По вечерам, после трудов праведных, Тимоха любил мечтать о будущих двадцати или тридцати годах спокойной, размеренной трудовой жизни, о внуках, о новых телевизионных передачах, которые можно будет просматривать вместе с женой, удобно устроившись на диване, о праздниках, когда съезжается родня, пьется вино и льются песни...

В один из таких спокойных осенних вечеров (на улице уже задумчиво собирались сумерки, но было еще светло) Тимоха услышал рев автомобильного клаксона. Гудок несся

над полями, длинный и требовательный, потом прерывался ненадолго, чтобы тут же возобновиться, как будто усталый лось переводил дыхание и снова подавал голос.

- Это откуда? - спросил Тимоха жену, которая тоже внимательно прислушивалась к гудку.

- С дороги, что ли... И чего гудит? Нехорошо как-то. Будто зовет, в самом деле... Включи телевизор, сейчас начнутся «Семейные страсти».

Тимоха включил. Но даже необыкновенные перипетии жизни персонажей сериала не смогли отвлечь его от гудка, тем более что тот и не думал утихать, а все так же требовательно буравил холодеющий осенний воздух. Тимоха еще некоторое время пытался смотреть телевизор, но понял, что на месте ему не усидеть. Он сердито плюнул и стал собираться, всем своим видом показывая Зинухе, что ему не хочется идти, но вот надо, мало ли там что... Жена же прекрасно знала: ее благоверный умирает от любопытства и готов бежать хоть босиком, чтоб не терять времени на обувь. Ладно, пусть сходит, решила она. Надо ведь узнать, действительно, мало ли...

- Смотри, не влопайся там ни во что! - предупредила она его грозно.

- Во что влопываться-то, Зин? - удивился Тимоха. - Я туда и обратно, пять минут...

- Знаю я твои пять минут, - проворчала Зина больше для порядка, потому что Тимоха ее действительно был мужик хоть и не образцовый, но голову на плечах имел. Она вновь уставилась в телевизор.

Хлопнула входная дверь, потом калитка на улице. В окно Зина увидела, как ее муж покрутил головой, пытаясь определить, откуда именно идет звук, а потом уверенно, словно собака, взявшая след, припустил в сторону зерносушилки.

Еще по пути туда Тимоха сообразил, где находится источник возмущения. Дорога к зерносушилке делилась, словно река, на два рукава, и один из них вел к ближайшему леску, но, не добежав до него, вилял в сторону и вскоре опять сливался с близнецом. Этот кусок дороги селянами почти не использовался, он медленно разрушался сам собой от весенних паводков и летних дождей, но пока еще по нему можно было проехать. Правда, в одном месте надо было быть начеку: сразу за крутым поворотом неожиданно под колеса машин словно бы подстилалась огромная глубокая лужа, почти болото, и если кто втюхивался в самую ее середину, без буксира выбраться уже не мог.

Лужа эта была здесь давно. Тимоха помнил ее лет пятнадцать, с тех пор, как поселился здесь, переехав из города. За это время сменилось три председателя колхоза, и каждый, вступая в должность, обещал одним из первых дел засыпать проклятую болотину, но ни у кого из них так руки и не дошли, хотя делов-то было чуть: привезти пяток машин грунта и щебня, и проблема решалась навеки. Наверное, решил Тимоха, какой-нибудь ротозей сидит там сейчас и проклинает все на свете. На ночь глядя застрять в безлюдном месте, где и не ездит никто - не позавидуешь.

И точно. Длинная черная машина увязла брюхом в жидкой грязи. Сидела она хорошо, тут даже и нечего было надеяться выбраться самому. На багажнике машины Тимоха разглядел эмблему «Мерседеса». Немного посомневался, стоит ли вообще подходить. Вдруг это крутые какие-нибудь, бандиты или еще что, ну их к Богу в рай, пусть сами пыхтят. Однако за рулем сидел мужик обыкновенного вида, чуть постарше Тимохи. Хороший костюм, очки в тонкой оправе, бородка. На бандита он похож не был, но, по всей видимости, решимости бибикать хоть целую ночь и не дать спать всей округе у него хватило бы. Увидев, что опасности нет, Тимоха неторопливо зашагал к иномарке.

Мужик приветливо помахал рукой из окошка.

- Здорово въехали, товарищ, по самые помидоры! - бодро сказал Тимоха вместо приветствия.

- Это вы очень точно подметили, молодой человек, - сказал мужик ласково. - Вот прямо не знаю, что и делать...

- Помощь требуется? - утвердительно спросил Тимоха, обходя машину кругом по берегам лужи и прикидывая в уме возможности извлечения.

- Ой как требуется! Вы не поможете ли? Я в долгу не останусь, заплачу моментально.

- Да ни к чему, - отмахнулся Тимоха. - А вот... скажите... это у вас какой «Мерседес»?

- Шестисотый, - ответил мужик терпеливо. - Но сейчас он, конечно, не производит впечатления. Думаю, уже начал потихоньку ржаветь.

- Шестисотый, - с уважением повторил Тимоха, и не удержавшись, спросил: - И как это вы так на нем ездите?

- Как? - удивился мужик. - Да как все.

И он для наглядности покрутил в воздухе руками, изображая руль, хотя настоящий руль был прямо перед ним. Но насколько туп вопрос, настолько нелеп и ответ.

- Вас, может быть, интересует, как часто в меня врезаются горбато-ушастые «Запорожцы»? Могу успокоить: до сих пор ни единого случая. Ни единого. Иногда даже хочется, чтобы... но они почему-то все проезжают мимо.

Тимоха засмеялся:

- Ну вот, считайте, сподобились... А я просто никогда раньше «шестисотого» не видел. Только слышал, читал... Вот, думал иногда, кто же на таких ездит - уж больно дорогая машина-то... Не дай Бог, разобьешь - всю жизнь не расплатиться.

Теперь засмеялся мужик.

- Понимаю, - сказал он все так же ласково и терпеливо, - понимаю. Я тоже никак не думал, что меня занесет сюда, в лужу, в самый неподходящий момент. Дай, думаю, сверну к лесу, шишек наберу, детство вспомню. Опять-таки поля, простор, осень в деревне... Романтики захотелось, тонкости чувств. Вот и попался. Заманила мать-Россия, да и кинула. Здесь, представьте, даже мобильный телефон не работает, какая-то теневая зона, не могу вызвать помощь...

- Вот ведь как! - с восторгом сказал Тимоха. - Вам ведь теперь без трактора не выбраться! А поздно уже, где теперь трактор найдешь... Вы бы лучше переночевали в деревне, а завтра с утра мы вашу машинку враз вытащим.

Мужик подумал, подумал... Хотел было вылезать из салона, открыл дверцу, уже занес ногу в дорогом сверкающем ботинке над жидкой грязью, но быстро убрал ее назад.

- Спать я могу и здесь, - объяснил он. - А оставлять машину не хочется. Знаете что, молодой человек, а может, вы все-таки найдете мне трактор? Я заплачу моментально, сколько скажете.

Тимоха еще раз оглядел автомобиль, почесал в затылке.

- Ждите здесь, никуда не уезжайте. Я пойду попробую что-нибудь найти. Если получится - ваша удача, а нет - значит, нет.

- Я никуда не уеду, - клятвенно пообещал мужик. - Но вы уж постарайтесь там, скажите, что все останутся довольны.

- Ладно, - сказал Тимоха. - Постараюсь.

- Вот спасибо.

Пройдя шагов двадцать, Тимоха обернулся. Мужик, лениво развалившись, сидел за рулем и прикуривал сигарету. Одна его рука рассеянно свешивалась в окно, пальцы ловко выстукивали по полированному металлу какой-то легкий мотивчик. Увидев, что Тимоха смотрит на него, мужик махнул ему рукой: давай действуй, чего встал? Время, время!

И Тимоха побежал.

Трактор он рассчитывал добыть у Сереги Захарова. Серега, чтобы зря не гонять в совхозный гараж, часто оставлял «Беларусь» на ночевку под своими окнами. Да и мало ли, трактор в хозяйстве всегда пригодится. За водкой съездить или там подшабашить... Если он и сегодня поленился отогнать своего железного коня в стойло, то все в ажуре.

На подходе к дому Захаровых Тимоха немного притормозил, отдышался. Все-таки пару километров отмахал без остановки. И, судя по всему, не зря. Звук работающего двигателя обрадовал его, как неожиданный подарок. Отлично, садись и поезжай, через десять минут они будут на месте. Было уже почти темно и почти холодно. Надо быстрее вытаскивать мужика да двигать по домам.

В кабине голенастого, надрывающегося движком «Белоруса» никого не было. В окнах Захаровых горел свет. Тимоха постучал ногтем в припотевшее стекло, и почти тотчас же, откинув занавеску, появилась жена Сереги. Кивком головы спросила: чего тебе?

- Серегу позови! - крикнул Тимоха женщине сквозь стекло.

Она отрицательно покачала головой и щелкнула себя по горлу. Так, ясно.

- Я возьму трактор на полчаса! - крикнул Тимоха, стараясь переорать двигатель. - Верну на место, в целости и сохранности!

Женщина махнула рукой: бери. Тимоху здесь знали не первый день. До сих пор он никого не подводил.

Тимоха влез в кабину и весело погнал по дороге трактор, который явно обрадовался подвернувшейся работенке. Ему давно уже надоело переводить топливо вхолостую. Хозяин не глушил двигатель потому, что аккумулятор был плохой, слабый, и иногда «Белорус» жег солярку целыми ночами, так и не перевезя ни килограмма груза и не вспахав ни одной борозды.

Тимоха гнал трактор и вспоминал историю своего переселения из города в эти тихие места.

...Все началось после армии. Он только-только женился, уже в планах был ребенок, и тут грянула перестройка. По телевизору стали беспрерывно показывать какие-то странные рожи, рожи вещали о будущих плохих временах, но это было понятно и так. Раз уж допустили таких на телевидение, пиши пропало. При взгляде на ораторов Тимоху мутило. Кого-то из них ему хотелось побить, кого-то отправить на лесоповал, а других просто утопить в нужнике.

Он быстро сообразил, что жизнь в городе в смутные времена опасна. Выруб ят тебе электричество, газ, не подвезут продовольствие в магазины - и все. Хоть людоедством занимайся. А смуту впереди он чувствовал хребтом. Появились какие-то неформалы, потом люберы, молодежь сбивалась в банды. На южных окраинах вдруг ни с того ни с сего возникли националисты, о которых не слыхивали со времен гражданской войны. В общем, кому как, а Тимохе было ясно, что страна носит в своем чреве споры какой-то опасной болезни, и неизвестно, сможет ли выздороветь. Поэтому он серьезно поговорил со своей молодой женой и обрисовал ей перспективы деревенской жизни. Молоко свое, мясо свое, говорил он ей, загибая пальцы. На всякий случай выкопаем колодец. Если нет печи - сложим. Скоро будет ребенок, о нем надо подумать. Хозяйство, огород нам позволят прожить. Обнесем дом стеной, чтоб никто не лез, посадим на цепь собаку. Купим ружье. И будем заниматься делами. А если кто сунется... Тут Валентин сжимал кулаки и тяжело вздыхал. Что там снаружи - наплевать, говорил он потом, успокоившись. Каждый сам пусть о себе думает.

Сначала Зина спорила. Она не понимала беспокойства мужа. Наступающие перемены в стране казались ей несомненным подарком судьбы. Можно слушать музыку, читать книги и смотреть фильмы, о которых раньше и не мечтали. Да и как это может быть, чтобы электричество отключили? Такого просто не бывает. Но всегда ласковый и покладистый Тимоха тут вдруг проявил упрямство, сумел переспорить жену. И они поменяли городскую квартиру на хороший частный дом с большой русской печью. Его бывший хозяин считал сделку для себя чрезвычайно удачной, и думал, что Валентин просто дурак, если уезжает из удобного города в захолустье. Тимоха же проводил партнера по сделке еле заметной улыбкой. Можно сказать, остались друг другом довольны.

Родившийся в городе, но обладающий душой селянина, Тимоха устремился туда, где чувствовал себя лучше всего. Стремление это было непреодолимым, да он и не собирался с ним бороться. И время показало, что он был полностью прав. Даже Зинуха, в конце концов, это признала. Она быстро привыкла к деревенской жизни, хотя иногда для вида скучала о прошлых временах, когда можно было ничего не делать, а только лежать на диване и думать, на что убить свободный вечер. Сейчас забот у нее был полон рот, но она

видела в этих заботах простой и необходимый смысл и уже, пожалуй, ни за что бы не согласилась поменяться обратно.

Тимоха оказался на месте через десять минут, как и планировал. Уже стемнело, сквозь пустоту неба проклюнулись звезды. Иномарка, освещенная изнутри мягким желтоватым светом, была до страности уместна здесь, в болоте. Словно всплыла фантастическая подводная лодка, осмотрелась, прощупала чужое пространство радаром - и приготовилась двигаться в обратный путь.

Мужик открыл дверь и наполовину высунулся, приветственно размахивая руками. Вот удача, вот повезло. Да так быстро! Он готов был аплодировать, но сдерживал себя.

Тимоха остановил трактор у лужи, легко выпрыгнул из кабины. Зачем-то отряхнул пыль со штанов. Улыбнулся. Он чувствал себя актером на театральной сцене.

- Вот, как обещал. Добыл. Сейчас зацепим - и всего делов!

- Спасибо, дорогой товарищ! Вот не знаю, как вас звать-величать...

- Тимо...феев, Валентин, - сказал Тимоха, слегка запнувшись.

- Просто выручили вы меня, Тимофеев Валентин! Сколько бы я тут без вас еще куковал...

- Да ничего страшного, все нормально, - улыбался Тимоха. Он был очень доволен, что все так благополучно обернулось. - За что цеплять-то вашу игрушку?

- Там сзади, внизу должно быть...

Вероятно, мужик и не знал толком, что там у него должно быть сзади внизу, потому что впервые эту великолепную машину приходилось выволакивать из грязи. Он порывался вылезти из салона, делал вид, что сейчас схватит трос голыми руками и... но почему-то не вылезал. Не хотел. Тимоха это прекрасно видел, и мужик видел, что он видит, и оба беззлобно и как-то хорошо посмеивались, так что Тимоха полез в грязь даже с удовольствием - уж если ты что-то начал делать, доведи это сам до конца. Да и жалко ему было обуви мужика. Его-то убойным говнодавам сорок пятого калибра, знал он, ничего не сделается. Конечно, можно стать в позу, подождать на бережке, пока заезжий богатей будет неумело возиться с ржавым тросом и колоть о него руки, но... зачем? Ненависти к богатым вообще, а тем более, именно к этому он не испытывал. Этот ему ничего плохого не сделал. А ненавидеть кого-то - значит медленно убивать себя. В конце концов, для всех лучше будет, если «мерс» как можно быстрее уедет отсюда и больше никогда не появится.

Очень скоро иномарка задом выползла из болота и, жалкая, униженная, грязная, застыла на месте. Она готова была двинуться отсюда по первому желанию хозина, готова была бежать прочь, туда, где никто не видел ее позора. Да и мойка ей была совершенно необходима. Приобретя прежний лоск, она будет рассказываь в гаражах и на подземных стоянках сверкающим надраенным соседям: «Да знаете ли вы, что такое настоящая-то Россия? Вот со мной однажды был случай...»

Мужик деловито выскочил, словно чертик из табакерки. Деньги у него уж были в руке, заготовлены. Но нужно еще было соблюсти хоть какую-то видимость приличия, благодарности.

- Вот, возьмите. Спасибо...э-э...Валентин. Слава Богу, еще попадаются такие люди, как вы. А то приходилось бы совсем трудно...

- Да чего там, - говорил Тимоха стеснительно. Он стоял как перед начальством, по стойке «смирно», и всем корпусом уклонялся от денег, которые мужик ему пытался всунуть то ли в руку, то ли в карман.

После нескольких попыток мужику удалось запихать купюры в нагрудный карман Тимохи. И он, сразу видно было, почувствовал себя лучше. Заплатил - значит, как бы купил чужое время и труд, стал их хозяином. И даже отчасти хозяином человека, потратившего время и сделавшего работу. В полутьме очки мужика бешено блеснули. Неожиданно для самого себя очкастый начал заговаривать с Тимохой совсем другим тоном.

- Один живешь-то, Валя? Хозяйка-то, баба есть?

Тимоха забеспокоился. Чего ему надо? Ехал бы лучше...

- Есть хозяйка. Дома ждет.

- Как зовут? - подмигнул мужик, кривовато улыбаясь.

- Жену-то? А Ленка. Елена, стало быть, - бодро соврал Тимоха, подстраиваясь, и даже не покраснел. Соврать сейчас в очки прямо этому жуку было Тимохе не противно.

- Красивая?

- Ну!..

- Любишь?

- А то как же... - Тимоха едва удержался, чтобы не добавить язвительно «ваше благородие», но нельзя было - пусть уж дурачок наиграется, скорее отстанет.

- Часто?

Тимоха усмехнулся, глядя себе под ноги.

В принципе, почти ночь, кругом никого... Он оглянулся по сторонам. Можно трактором затолкать машину обратно в болото. Никто ничего не узнает. Ну, пропал человек за городом. Случается.

Мужик вдруг что-то прочитал в глазах Тимохи, как-то сразу подобрал нависшее через брючный ремень пузцо, отшатнулся поближе к своей черной подводной лодке. Он вдруг совершенно ясно почувствовал, что вот прямо сейчас он может остаться здесь навеки. И никакие деньги не спасут.

Мужик неловко переступил с ноги на ногу, промычал:

- Н-ну...

- До свидания, - смущенно приказал Тимоха.

Мужик быстро-быстро похлопал его по плечу (отважился-таки), словно пыль сбивал, кинулся за руль. И укатил, напоследок издав еще один долгий гудок.

Тимоха поднял ему вслед руку, а другую упер в бок. Немного постоял, посмотрел, как огни машины исчезают за поворотом.

Ну что, пора домой. Отогнать трактор - и под бок к Зинаиде. Ждет давно. Ей тоже интересно, что там было. Рассказать - не поверит.

Деньги вот только были не заработанные, чужие - одно плохо. За помощь денег ведь вообще не берут. С другой стороны, у этого гуся пшена не убавится... А Тимохе сейчас копейка ой как была нужна, позарез. Так что ладно, чего уж. Да ведь этот чуть не силой сунул! Еще обиделся бы, пожалуй... Тимоха немного хитрил сам с собой. Ну да ладно. Сделано - сделано.

Через полчаса, грязный, но страшно довольный, он входил в дом. Жена встретила его в сенях, кутаясь в платок.

- Ну что, что там было-то?.. Батюшки, да ты весь увозился, нехристь! Марш мыться, потом расскажешь.

А еще минут через двадцать Валентин сидел на кухне, прихлебывал, обжигаясь, из граненого стакана чай и рассказывал супруге о недавних приключениях.

- ...Я ему говорю: пойдем в деревню, переночуешь по-людски. А он: нет, машину не брошу. Хотел я уж плюнуть... да пожалел.

- Ну и дурак, - сказала Зинаида. - Что он тебе - брат, сват? Вот такие-то всю жизнь на нас, глупых, и ездят, да знай себе погоняют. У них денежки в кармане, у нас суп со слезами.

- Да ладно, - сказал Тимоха. - Тоже ведь человек. Потом, он мне даже ведь заплатил.

- Сколько? - оживилась супруга.

- Да не знаю. Я еще и не смотрел, вон там, в кармане... Как украл я эти деньги, что ли...

- Не дури! Ты работал? Работал. Значит, деньги честные. А ну, посмотрим, сколько он тебе отвалил от щедрот...

Зинаида обшарила Тимохин пиджак, вытащила купюры и поднесла их поближе к свету. Надолго замолчала. Тимоха уж решил, что мужик ему дал совсем мало, или бумаги простой подсунул. Но тут супруга произнесла чужим голосом:

- Валь...

- Ну?

- Смотри-ка, чем он с тобой расплатился.

Зина положила на стол перед Тимохой четыре одинаковые зеленые бумажки. На каждой из них был портрет какого-то неизвестного деятеля, цифра «50» и надписи на иностранном языке.

- Это чего? - спросил Тимоха, подняв голову и близоруко щурясь на жену. - Доллары, что ли?

- Доллары, - эхом повторила Зинаида и быстро, со страхом глянула в окошко. - Валюта...

- Двести долларов? - не поверил Валентин.

- Надо спрятать. Если настоящие... это сколько же в рублях-то будет? Тысяч пять, поди-ка, или больше. С ума сойти! Валь, а он не это... не псих какой-нибудь? Вернется сейчас, скажет: украли... Чего делать-то будем?

- Не похож на психа. Деньги заранее отсчитал, еще когда из машины не вылез, а у него там светло, - оторопело припоминал Тимоха. - И потом - он ведь не знает, где я живу, в каком доме... Ну, пока-то надо оставить, пусть лежат. Если вернется - отдадим...

- Пусть лежат, - согласилась Зина. - Ну их к черту. Не было никогда - и не надо...

- Для него это, конечно, не сумма, - рассуждал Валентин ночью, в постели, обнимая мягкие плечи Зинаиды. В комнате было тепло, печка у Тимофеевых отменная, если хорошо ее протопить, греет до самого утра. - У него одна машина стоит, может, полмиллиона. По всему видно: состоятельный товарищ. Так что д вести баксов для него...

- Может, удивить тебя хотел?

- Может, и хотел. Да мне-то что! Плевал я...

- Так уж и плевал! Тебе столько в колхозе за год не заработать!

- Колхоз, - умехнулся Тимоха. - Он сам-то бы в колхозе столько и за два года не заработал. Вся-то разница между нами: он сидит, бумажки подписывает, а я на земле работаю, своими руками.

- Вот-вот. Он - умный, а ты...

- Еще умнее! Хватит, не заводи ты эту песню, я ее наизусть выучил, подпевать не стану.

- Ладно. Давай спать уже...

- ...А все же интересно, где их продать-то можно, эти доллары-то? - не утерпел Валентин чуть позже и толкнул уже похрапывающую жену в бок. - Слышь, говорю, где бумажки-то можно продать?

Сам того не желая, словно играя в какую-то игру, он делал ударение в слове «доллары» на «а», коверкал название, отсекая от себя эту чужую и непонятную вещь.

- В банке, - сказала Зина. - Или в обменном пункте. А то - с рук. Так лучше. В прошлом году Ольга Петухова меняла...

- А у нее-то откуда? - удивился Тимоха.

- Комнату в городе продали, братнино наследство. Трактор покупали.

- А-а...

- Спи, тебе вставать рано.

- Уже сплю.

Чужие деньги пролежали у них всю зиму. Никто за ними не приехал. И постепенно Тимоха привык к мысли, что деньги эти уж не такие и чужие. Завел привычку интересоваться у всех подряд, какой нынче курс доллара, рассуждал на людях, выгодно или невыгодно продавать или покупать нынче валюту.

- Прямо не знаю, что делать-то, - говорил он Сереге Захарову в местной забегаловке. - Продавать уже или нет? А вдруг завтра, как в девянос то восьмом, р-раз - и все?

- Все может быть, - подтверждал Серега, оснащая край пивной кружки доброй щепотью соли. - Им там, - он тыкал пальцем вверх и делал заговорщицкое лицо, - доверять нельзя.

Они себе на пятьдесят лет вперед нахапали, а мы им до лампо чки. Есть у тебя деньги, нет ли, - все равно. Вот возьмут и объявят завтра, что за валюту будут расстреливать, как раньше. И куда ж ты денешься с подводной лодки -то?

Тимоха бледнел: а что, с них станется! Черт, может, выбросить или закопать где - нибудь буржуйские дензнаки? Жалко. Пашка вот -вот заканчивает ПТУ, надо как -то это отметить, что-то купить, и вообще... не надо быть лопухом. Надо реализовывать потенциал.

Наверное, именно тогда он и решил твердо: пора продавать. Курс не курс, растет он там или падает, а надо поменять бумажки на рубли и - тут же в магазин. Приобрести магнитофон для Пашки да пальто для Зинки. И нечего тут рассуждать. На всю жизнь этих несчастных долларов не хватит, так не стоит их и жалеть...

А потом, чего греха таить, люди в деревне ст али как-то отдаляться от них с Зинкой, когда узнали о привалившем Тимофеевым счастье. Сначала Валентин с женой и рассказывать никому об этом не хотели, но как -то так само получилось, что через два дня после происшествия о нем знали все, а через неделю это была уже старая новость. Теперь их прилюдно именовали «капиталистами», да это бы ладно, в конце концов, у каждого в жизни бывает момент, когда он вдруг становится обладателем чего -то, чему могут позавидовать окружающие. Но деньги эти, как знали все, были н е заработанные, а дурные, свалившиеся на Тимоху ниоткуда без видимых причин. И это, по мнению многих в деревне, было несправедливо. Почему? Потому что вокруг было много людей, не менее достойных...

Даже Серега, пивший пиво за Тимохин счет (Валентин счел се бя обязанным проставиться, поскольку заработал деньги при помощи Серегиного трактора), и тот потребовал себе дополнительный пузырь водки. Тимоха даже не спорил. Он уже устал говорить людям: чего же вы сидели по домам, шли бы да зарабатывали, когда гудок гу дел, или лень было мерзнуть да с трактором возиться? Конечно, такие объясненини никого не удовлетворяли, ибо слова - словами, а зеленые доллары были в кармане у Тимохи...

В городе он не был давно, лет десять. Волновался почему -то страшно, так что Зинка его даже успокаивала накануне, поила валерьянкой. Хотя чего волноваться -то, место не чужое, родился, вырос там...

Ранним утром он дождался рейсового автобуса, влез в салон, то и дело ощупывая в кармане куртки четыре пропотевших насквозь купюры. Почти всю доро гу с подозрением поглядывал на случайных своих соседей - кто из них следит, умышляет недоброе? Ему казалось, что каждый встречный знает о деньгах, о той сумме, что лежит, почти беззащитная, в его кармане. Человеку много ли надо?.. два раза дай ему по голов е - и уже не встанет...

Город вроде бы остался прежним, перемен внешне было заметно немного: настроили, правда, новых зданий, да стало вроде почище, а в остальном все так же, узнать можно. Валентин прошелся по центру, словно был на экскурсии. Приглядывался к вывескам банков, густо усеявших лучшие улицы, к курсам валют, выбирая, где курс побольше, но решил не торопиться (время терпит), промерил сначала своими тяжелыми ботинками волжскую набережную насквозь. Здесь, в городе, подумал он, конечно, очень красиво , но люди тут - совсем другие, равнодушные к его делам и заботам, занятые собой и чем -то таким, за что Валентин не дал бы и копейки. По набережной стайками гуляли молодые беззаботные девчонки - кто мороженое ел, кто пил сок, а кто совершенно безбоязненно тянул пиво. Одеты все с иголочки, сплошная красота... Валентин с тайной грустью посматривал на них исподлобья: да, жаль, не довелось в свое время попробовать студенческой жизни. А ведь многое, наверно, потерял... Перед армией хотел поступать, но его знания не вызвали энтузиазма у комиссии. Забрили на два года, а потом все завертелось со страшной скоростью: Зинка, ее беременность, спешная свадьба, переезд, хозяйство, ребенок... Как будто вчера все было!.. а ведь сколько уже лет прошло, с ума сойти. Старик ты уже, или почти старик, и нечего тебе на девок пялиться. «Женою юности

твоей утешайся», сказано в Писании. Иди деньги менять, да в магазин, нечего зря душу травить. Домой приедешь - полегчает.

Он решил продать доллары в государственном сбербанке. Там курс х оть и ниже был, но зато гарантия, что не обманут, не обсчитают.

У входа в банк его встретили двое улыбчивых юношей в приличных костюмах.

- Мужчина! Вы не валюту сдавать?..

- Нет, - хмуро буркнул Валентин, протискиваясь мимо них в дверь. - Я за квартиру платить.

- Здесь коммунальные платежи не принимают. А мы, если у вас доллары, купим дороже на двадцать копеек, в банке курс очень низкий, подумайте...

И откуда узнали, черти, на лице написано, что ли? Потея от волнения, постепенно успокаиваясь, Тимоха решал, что делать дальше. Курс действительно низкий, разница будет... аж сорок рублей. Ого! Совсем не лишние рублики, если поразмыслить! А тут еще очередь в обменник не движется, как специально, да еще и паспорт спрашивают. Тимоха, хоть и был с документами, как-то без особой радости выяснил для себя, что родное государство хочет все знать о каждом гражданине, меняющем валюту. Он стоял, бегал глазами по развешанным на стенах образцам банковских документов, думал. Черт с ним, пойду к этим ребятам, с виду вроде ничего, авось не обманут. Уж эти-то паспорт предъявить не попросят. Только надо держать ухо востро. Деньги - из рук в руки, пересчитать сразу же, и все такое...

Он вышел на улицу. Один из юношей мгновенно прилип к нему.

- Ну как, надумали? У нас все по-честному, без обмана, деньги при себе, - парень небрежно вытащил пачку пятисотрублевок и помахал ею, словно веером, пред лицом Тимохи.

- Надумал, - сказал Тимоха, красный от натуги и стыда. - Только слушай, если у тебя в кармане такие деньжищи, зачем ты тут на улице мерзнешь? Купил бы какой-нибудь магазин, что ли, да и работал...

- Курочка по зернышку клюет, - усмехнулся тот. - Может, и куплю потом. Но для этого пока нужно вот здесь стоять, мерзнуть. Зарабатывать стартовый капитал. Кстати, как у вас с капиталом, сколько будем менять?

- Это... двести, - сказал через силу Тимоха. И сказав это, раскрывшись перед незнакомыми людьми, вдруг почувствовал облегчение. - Двести баксов, значит. Валюта. Такие вот дела.

- Какими купюрами?

- По пятьдесят, - лихо ответил Валентин - так, словно бывал здесь каждый день. - Четыре штуки всего.

- Понятно, что четыре, - успокоили его. - Можно взглянуть?

- Можно, только...

- Сразу же отдам назад, не волнуйтесь! Просто нужно же мне убедиться, что деньги у вас действительно есть, и что они настоящие.

- Ну... смотри, - сказал Тимоха, протягивая одну купюру и не выпуская ее из рук.

Юноша попытался ощупать купюру, но это у него не получилось, он даже сконфузился от такой неудачи и еще от того, что человек ему, такому насквозь честному, почему-то не доверяет.

- Да я не съем, - сказал он, - никуда ваш полтинничек не денется.

Тимоха задумался, отвлекся на секунду куда-то внутрь себя, а юноша в это время как-то очень ловко вынул деньги из ослабевших тимохиных пальцев. Предъявил купюру хозяину: вот, ничего с ней не произошло - и стал ощупывать, сворачивать, мять и скрести на ней краску, да так рьяно, что Тимоха перепугался. Поцарапает еще, стервец, кто ее потом возьмет?

- Следующую, - потребовал вдруг юноша очень недовольным тоном, и брови его насупились.

«Чего это он? - испугался Тимоха. - Неужто фальшивая? Обманул банкир, всучил дрянь, а я сколько нервов-то потратил!» Он протянул парню следующую купюру, и ту постигла та же участь - юноша начал сворачивать ее и скрести. И две другие тоже.

- Это что, у вас все такие?- презрительно спросил юноша, рассмотрев последнюю купюру.

- Это какие такие? - спросил Тимоха с виду храбро, но дрожа всем ливером.

- Девяносто четвертого года! Вот, смотрите сами, - и парень сунул сложенные купюры под нос Тимохе.

Валентин слепо склонился над зелеными бумажками, пытаясь рассмотреть дату их выпуска, но ничего не увидел. Потому, что не знал, где смотреть.

- А что тебе не нравится-то? Если даже и девяносто четвертого - они что, не ходячие? В Америке, говорят, деньги чуть не по сто лет действительны!

- Так то - в Америке, а мы с тобой в России живем, - пренебрежительно заметил юноша, взмахнув, словно волшебник, рукой и неожиданно переходя с Тимохой на «ты». - Здесь ценятся новые, с иголочки, а не такие пиленые, как ты принес. Ну да ладно, возьму, на десять копеек дороже, чем в банке.

- Говорил же - двадцать...

- Говорил! Я думал - новые...

- Знаешь что, паренек, давай-ка сюда мои денежки, и я пошел. А ты жди другого дурака, - заявил Тимоха, выхватил свернутые в трубочку купюры из рук юноши и пихнул в карман. - Нашелся тут... стоит в костюме, рылом торгует...

В гневе он пошел со ступеней банка вниз широкими шагами. Юноши быстро спустились следом за ним и сели в поджидавшую их легковушку.

«Сволочи! - думал Тимоха, шагая вдоль по улице и сжимая в карманах кулаки. - Вам бы лопату в руки!.. Курочка по зернышку клюет... Небось и не видел никогда живой курицы-то... остолоп очкастый! Стартовый капитал, понимаешь...».

Вывески банков сменяли одна другую. Надо было что-то делать. Валентин зашел в «Сельскохозяйственный банк» - название показалось ему надежным, близким. Может, здесь возьмут доллары без паспорта? У окошка обменного пункта, слава Богу, никого не было.

- Вы мне не поможете? Я паспорт дома оставил, а вот нужно срочно валюту обменять , - обратился Валентин к даме, сидевшей за бронированным стеклом.

Дама слегка кивнула, полуприкрыв глаза. Вот удача-то! Тимоха обрадовался. Плевать на этот курс, тут уж не до курсов...

- Какую сумму хотите обменять?

- Двести долларов! - почти весело крикнул Тимоха в железный ящик, выдвинутый дамой. - И всего делов!

Он с облегчением кинул в ящик скатанные доллары. Дама потянула их к себе, вытащила и развернула.

- Сегодня небольшую сумму меняю, - деловито говорил Тимоха, стараясь развлечь даму, чтобы та не передумала. - Обычно-то у меня больше...

Дама показала Тимохе жестом, что она все равно ничего не слышит и внимательнейшим образом начала изучать деньги.

- Чего на них смотреть-то, или первый раз видите? - улыбался Тимоха. - Бумажки - они бумажки и есть...

- Мужчина, вы сколько мне дали? Ничего не перепутали? - спросила дама через микрофон железным голосом. - Смотрите внимательно.

И она показала ему четыре развернутых бумажки, на каждой из которых стояла цифра «1».

- Ваши?

- Мои... - Тимоха ничего не понимал. - А где остальные деньги?

- Я вижу перед собой четыре доллара США - и только. Если желаете, могу обменять их на рубли.

Тимоха слушал ее с приоткрытым ртом. В его памяти пронеслось лицо вежливого юноши, эмоционально взмахивающего рукой с зажатыми в ней куп юрами. Мама...

Он сжал руками голову и присел, покачиваясь из стороны в сторону. То, чего он боялся, случилось. Прощайте, пальто и магнитофон! Не столько жаль было ему потерянных денег, сколько стыдно перед собой и людьми, что оказался таким лохом. Кинули деревенщину!

- Меняйте, - приказал он тетке, играя желваками. Было, да сплыло, теперь не вернешь. Чужие деньги к чужим людям и ушли. Еще заплачь перед этой бабой... стыда потом - на всю жизнь. Забыть, забыть поскорее всю эту чушь и наваждение. Домой, домой , прочь отсюда!

Он сгреб из ящика небольшую стопку десяток вместе с мелочью и торопливо пошел к двери. Вслед ему подпрыгивало упавшее серебро и медь, словно хватая за брюки в безуспешной попытке удержать.

Но куда же теперь? И что делать с оставшимися деньг ами?

- Валентин! Какими судьбами? Что невесел, что головушку повесил? - услышал он за спиной знакомый голос.

Почему-то Тимоха даже не удивился, увидев очкастого банкира за штурвалом все той же черной подводной лодки. Совпадения никогда не бывают случайными . Тимоха вдруг понял, что все происшедшее сегодня с ним было давно придумано и осуществлено неким мудрым распорядителем судеб.

- Здравствуйте! - крикнул он весело, подходя к машине и ласково поглаживая ее по гладкому боку, как знакомую лошадь. - А чего я не весел-то, я весел. Вот, иду из банка...

- Вижу-вижу, - говорил очкастый, выбираясь из-за руля. Он ласково оглядел Тимоху (тоже почему-то был рад), и вдруг они оба непроизвольно шагнули навстречу друг другу, то ли в шутку, то ли всерьез обнялись и даже л егонько охлопали спины друг друга.

Тимоха мгновенно забыл про свои беды.

- Ну, что, - сказал он радостно, - хорошо бы по пивку, раз уж такое дело. Я сегодня богатый.

- По пивку - это славно, только угощать буду я, - решил банкир. - И даже не думай сопротивляться. А кстати, с чего это ты богатый-то, Валентин, сегодня?

- Доллары сдавал, - солидно похвастался Тимоха. - Ваши же, помните?

- Как не помнить, - кивнул очкастый, - помню очень хорошо. Вон в чем дело... Ясно. Ну и как, много сдал?

- Ага, кивнул Тимоха, подмигивая. - Все четыре.

- Почему четыре? - удивился банкир. - Я же тебе...

- Да, двести. Все точно. Но я сегодня сдал четыре. Угадайте, почему?

Банкир думал недолго. Понимание отразилось на его лице буквально через секунду; потом он тихо рассмеялся, а Тимоха поддержал его веселым гоготом. И тут уж они на пару заржали, стоя напротив друг друга, уперев руки в боки.

- Ах ты, пенек лесной! Возле банка валюту вздумал менять, - давился смехом банкир, кашляя и утирая бегущие из-под очков слезы. - Да разве тебя мама в детстве не учила... ну, уморил. А я-то думал: помогу человеку, дам денег немного, может, он поднимется... а он их возле банка менять!..

- Вот оно и получается, - давился и Валентин, - вам нельзя в деревню ездить, а мне в городе делать нечего. Каждый сверчок знай свой шесток!

- Но если ты думаешь, что я по своей доброте компенсирую тебе эту потерю, то плохо меня знаешь! - погрозил пальцем банкир. - Пусть это послужит тебе уроком! Опыт - великая вещь, дороже него - только сама жизнь.

- Да я теперь и даром не возьму!..

В тот вечер они выпили, наверно, бочку пива. По ходу дела выяснилось, что очкастый - сам из деревни, в детстве ловил в речке щук, а какое там у него было душистое сено, какое парное молоко... Вскоре банкир уже сомневался, стоит ли ему са мому садиться за руль. Но потом выяснилось, что Тимохины автобусы давно ушли, и что домой ему теперь придется добираться неизвестно как.

- Я тебя отвезу, - сказал очкастый. - И даже не думай возражать. Я тебя в это дело втравил - значит, должен доставить домой. Только уж ты показывай мне дорогу. А то опять влезу в какое-нибудь болото...

- Так вытащить-то недолго! Опыт - великая вещь, - подмигнул ему Валентин. Дороже него - только...

Тимоху всю дорогу неудержимо тянуло в сон, но он героически встряхивал голо вой и смотрел вперед. На заднем сиденье подводной лодки лежал роскошный букет роз для Зинаиды - банкир настоял, и еще извинился: мол, прости меня за тот дурацкий разговор, сам не знаю, что на меня накатило. Оказался хороший человек, а это - главное. Вот только как зовут, Тимоха так и не выяснил.

Деревенские мужики были немало удивлены и даже неприятно поражены, когда...

Евгений Веселов

Глазам вернувшееся зренье

* * *

Еще снегов живое кружево
Метель февральская несет, -
Но вся земля уже разбужена
На сто веселых дней вперед,

Когда их сетью белотканою
Не удержать – не удержать
Ни правой силой, ни обманною
Во прахе времени лежать.

И гнутся знаком вопрошающим
Берез прозрачные тела,
Чтоб распрямиться восклицающе
В предощущении тепла!

* * *

Солнце встало совсем уже низко.
В нем ослепнув, смотрю я туда,
Где я прежний опять мальчишка
Над корабликом у пруда.
И не пруд он уже, но огромный
И загадочный Океан...
Где вы, где вы, зеленые волны,
Не достигшие дальних стран?

Евгений Константинович Веселов родился в Ярославле в 1958 году. Окончил общеобразовательную и музыкальную школы, работал штамповщиком, гофрировщиком, аппаратчиком, каландровщиком, контролером по приемке двигателей на ряде предприятий Ярославля. Учился на историко-филологическом факультете Ярославского педагогического института имени К. Ушинского, окончил заочное отделение строительного техникума. Десять лет трудился дворником в жилищно-коммунальном отделе Ярославского моторного завода.

Сочинять стихи начал в школьные годы, участник нескольких литературных объединений Ярославля. Стихи и рассказы публиковал в областных газетах. В 2002 году увидела свет его первая книга стихотворений «Дни скитаний».

Живет в Ярославле.

© Евгений Веселов, 2003.

ПОКИНУТЫЕ АЛТАРИ

Горячий камень солнечного полдня –
шершавый, как ладони рук, простертых
над глыбою обрушенного храма,
где в ожидании замкнувшаяся вечность
врастает в мир судьбы своей по плечи...
Там ветер шелестит над ним, срывая
соцветья трав, чтобы они летели
и падали, как звуки затяжные,
в пространство нескончаемого зноя;
там нет уже мгновения, в котором
затеплилось бы чье-то увяданье
средь вспыхнувшего света предзаката
в разрыве облаков, тугое чрево
еще не развязавших и степенных,
как стадо яков с гималайских пастбищ;
там, сотканное в мире сновидений,
светило нарождается – комочек
младенчества и материнства вкупе;
там маковые зерна вечной жизни
уже растерты в кашицу младенцу, –
чтобы уснуть, чтобы потом проснуться
в таком же веке, как и тот, прошедший,
когда глазам вернувшееся зренье
распахнутому взору обозначит
цветов летящих лепестковый трепет –
для повторенья шелеста мгновений,
смыкающих шершавые ладони...

* * *

Всходила белая луна
По крышам, как ступеням.
Но оступилась вдруг она,
Грозя исчезновеньем
Себе и миру...Потому
Так непроглядна полночь.
Но как не ринуться во тьму,
Когда зовут на помощь?..

ВЫ

А все-таки я был чуть-чуть смущен,
когда глотками небо пил из кружки, –
так дети пьют парное молоко,
когда соскальзывают поутру с постели,
чтобы умчаться в розовый туман
ватагой беззаботной и горластой,
росу сшибая голыми ступнями
с июльских, непримятых, плотных трав...
Но я от вас таил свое смущенье

за ширмою изысканных манер,
несмело радуясь, когда вы без жеманства
в ладони приняли предложенную кружку –
тяжелой белой глины изваянье,
чтоб разделить со мной глоточек неба...

Теперь два следа по росистым травам
бегут, чтоб упереться в горизонт!..

* * *

Не о смерти, о жизни тоскую, –
Смерть заботливо смотрит на нас, –
Когда в жизнь погрузиться рискую
До озноба, до донышка глаз.

Нет безмернее воли высокой,
Чем шагать по тугому лучу
Над бездонностью темно-глубокой
И, дрожа, сознавать: я лечу!..

ПЕСНИ ПОЛЕТА

1

С тонкой дудочкой весенней
я шагаю по поляне,
пробужденной мельтешеньем
пятен солнечного света.
Любопытные пичуги,
вмиг покинувшие ветви,
обживают мои плечи,
обустраивая гнезда,
разминая под крылами
перелетные мозоли.
Звонко дудочка играет!
И уже почти закончен
изнурительный и дальний
перелет к другой поляне,
к пробудившемуся лесу,
где опять взвалю на плечи
новой жизни весть и бремя...

2

Мир искрится, опадая
на планету звездной пылью:
изузорены морозом
стекла окон декабря.
Абажур настольной лампы

в моей комнате вечерней
чертит света круг жемчужный,
для которого я центром
становлюсь, в глазах закрытых
свет пульсирующий видя –
разноцветный и мгновенный,
проникающий в глубины
свет, что, дна не достигая,
возвращается к началу.
моих чутких созерцаний
и, в спираль свивая кольца,
чертит странные узоры
исчезающей в пространстве,
за пределом зренья, искрой...

* * *

Молоко печали сладкой
Пей раздумчиво, как мед.
Пей до дня и без остатка –
И печаль в тебя войдет,
Как болезнь...Как исцеленье!
Как бальзам на сотни ран!
Пей же мед самозабвенья –
В нем и правда, и обман,
И тоска, и взлет желаний,
Низость мира, взлет небес...
На пиру воспоминаний
Пляшет с ангелами бес.

* * *

Свободный день – как мимолетный дар,
отпущенный небрежною рукою
судьбы неосторожно-прихотливой,
которая, должно быть, озорными
решила на меня взглянуть глазами
и подбодрить...а может, посмеяться, –
ее ведь не поймешь, не разгадаешь, –
и раздразнить и растревожить сердце,
вдруг поманив несбыточной надеждой,
которая казалась бы обманом,
когда бы не была дорогой в вечность...

Евгений Капитанов

СВЕТ ВЫНУЖДЕН МЧАТЬСЯ СО СКОРОСТЬЮ СВЕТА

* * *

Не спешил я навстречу любви -
сохранил нерастраченной нежность,
но умолкли в душе соловьи.

Ах, вы чувства мои - недотепы!
Опасаясь суровой зимы,
устремились за временем теплым.

Сердцу дорог трепещущий юг,
где слова - ласка доброго ветра,
а не эхо бушующих вьюг.

Там от солнца - избыток огня
в мыслях, в чувствах, мелодиях, взглядах...
Может, это согреет меня?

Больно било, мучительно жгло...
Но осталось желание пробовать
и не верить тому, что прошло.

* * *

Прочти глаза мои усталые.
Прости мне речи неумелые.
Сперва освоим чувства малые,
потом лишь - сильные и смелые.
Не радуйся моей разумности -
она сродни твоей усталости.
Мы оба выходцы из юности,
боящиеся ранней старости.

Евгений Михайлович Капитанов родился в Ярославле в 1954 году, его предки родом из -под Ростова Великого. Окончив Ярославский государственный университет по специальности «физика», служил в армии, работал инженером на заводе «Машприбор», затем наладчиком ЭВМ. В настоящее время – заведующий клубом военного госпиталя.

Первые стихотворения были опубликованы в 1993 году в областной газете «Юность». В 1994 году в Ярославле вышел в свет сборник стихов Е.Капитанова «Ищу свое лицо», затем автор опубликовал еще несколько поэтических книг.

Живет в Ярославле.

© Евгений Капитанов, 2003.

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Так начинаются дожди…...
Ты плакала в окне вагона,
Внезапно облака пришли
К прощальной суете перрона.
Летящий поезд сбавил бег,
Остановился, нервно замер.
Глядит из-под опухших век
Любовь, не сдавшая экзамен.
Три слова: «Я тебя люблю».
Надежда. Вера. Тень вопроса.
Сдвигая август к сентябрю,
Надрывно взвизгнули колеса.

СКРИПКА

Ты – как скрипка под нервно дрожащей рукой:
Слышу радостный смех, слышу горестный плач..…
То он робкий и нежный, то дерзкий и злой –
Твою душу терзающий странный скрипач.
Не могу уловить я слова и мотив,
Только сердце тревожно сжимается в такт.
Я нелепо трагичен в попытке уйти
От любви, давшей жизнь неуклюжим стихам.
Без тебя – о тебе, и с тобой – о тебе,
Не способен я думать о чем-то другом.
Но за то, что ты есть, благодарен судьбе
И стараюсь не думать, что будет потом.

* * *

Нехотя падает снег -
знает ведь, что растает,
но повеление неба
вынужден он исполнять.

* * *

Мы гуляем четвертый час,
Надоел мне наш диалог.
Ты молчишь…... а по блеску глаз
Я понять твоих чувств не смог.

Нет в тебе ни добра, ни зла,
Равнодушие мнет слова.
Календарь говорит – весна.
Я гляжу на тебя – зима!

* * *

Прекрасных женщин много. Только я
Ищу в других – единственной черты,
И с болью нахожу... Ведь мы расстались
Бессмысленно, без видимых причин,
Из ложных опасений, глупых страхов.
Теперь они преследуют меня,
Пугают днем... …а что творится ночью!

* * *

Черно-белый фильм кончается,
начинается цветной.
Тает снег, зима печалится,
потесненная весной.

Жалкий вид у снега талого,
тихо тая, он журчит.
Элексиры действа тайного
собираются в ручьи.

Изводя прохожих рвением,
исполняет хор ворон
Самодеятельный реквием
тихих зимних похорон.

Тает снег, зима печалится,
потесненная весной.
Черно-белый фильм кончается,
начинается цветной.

* * *

Превращалась страна муравьев
год за годом в страну тараканов...
Злоба междоусобных боев -
пострашнее татарских арканов.

Трудолюбие было в чести,
но вожди, сатанея от власти,
умудрились и труд потрясти,
пробуждая недобрые страсти.

Мне-то что? Я простой таракан,
избегающий шума и света.
Слишком жизнь голодна, коротка,
и зависит, как флюгер, от ветра.

Темноте и спокойствию верим,
тараканы, трусливые звери...

* * *

И седьмой ангел вострубил...
царство мира соделалось
Царством Господа нашего и Христа Его...
(«Откровение» 11.15)

Затмение света устроили тени,
словесный туман представляя делами.
Людей унижая, куражатся деньги,
лукавые слуги командуют нами.

Звереет народ от бездушной работы,
Безумная жадность прессует проблемы.
Доверив правление наглым и подлым,
без боя себя уподобили пленным.

Сгущается мрак предрассветного века...
Порадуй нас, Ангел, седьмою трубою!
Свет вынужден мчаться со скоростью света,
иначе, старея, становится тьмою.

* * *

Когда нас отпустит вчера,
начнется строительство завтра.
Побольше вложить бы ума,
поменьше - тупого азарта.

Построить бы все на любви,
уйти от бездушных теорий...
Устали стучать холуи,
в церковном устроились хоре,

о родине что-то поют,
да так, что им хочется верить.
Хранят персональный уют
железные люди и двери.

Какая-то жизнь неживая...
И любим, любви не желая.

Виктор Левашов

КАК СЛАДКО, КАК ПУСТО, КАК ГОРЬКО...

* * *

Селена, прозрачное слово,
Чье имя ты носишь с собой?
Чей образ ты ищешь условный
В рассыпанной бронзе обойм?

Селена - и трассеры шарят
Пунктирами ночь наугад,
Идут полосою пожаров
По стрелкам тактических карт,

Где зелень забила извивы
Речушек вдоль горных щелей,
Где утро хрипит позывными,
Но вечера не мудреней,

Где фляга пропахла соляркой,
И, как до звезды, далеко
До дома, где светишь ты ярко
И так же смеешься легко.

Виктор Николаевич Левашов родился в Ярославле в 1970 году. После службы в армии поступил в Ярославский Государственный университет имени П. Демидова, окончив его в 1996 году с дипломом инженера-математика. Работал проводником на железной дороге, программистом, оператором компьютерной верстки, корреспондентом и фотокореспондентом в редакции областной газеты. В настоящее время работает журналистом.

Стихи начал писать в 1995 году, публиковался в городских газетах.

Живет в Ярославле.

© Виктор Левашов, 2003.

* * *

Полусмятый листочек письма
Схоронила в кармане зима,
Схоронила в кармане двора,
Где на санках скользит детвора.

Кто-то бросил его за окно,
Для кого-то оно - все равно,
Для кого-то остыли слова,
Что горячая голова

Нашептала в тетрадный листок,
Где под снегом зимует росток,
Где по пояс укрыли снега
Неизвестные берега -

Те, что так от меня далеки,
Что мечтой не достать, не с руки,
Где над гладью промерзших болот
Рубит воздух винтом вертолет,

Где, шагая сквозь снежный бульон,
Лишь плечами пожмет почтальон,
Огонечку попросит в ответ
И продолжит по замети след.

* * *

Болото. Балет комариный
Звенящий завел хоровод.
Осока седые былины
Слагает из шепчущих нот.

Пиявок волнистых занозы
Фланируют в темной воде.
Затеял танцор длинноносый
Над локтем моим па-де-де.

Я тихий, воды этой тише.
Танцор, ни к чему здесь круги.
Глотни моей крови застывшей,
Быть может, я стану другим -

Вот тут же, вечор, на пригорке,
С пенечком, и мною верхом...
Как сладко, как пусто, как горько
В тиши не мечтать ни о ком.

Дмитрий Семенов

ДЫМКА ДРОЖАЩАЯ СТРУНА

* * *

Предновогодний зимний вечер.
Морозец. Дрема. Тишина.
Березок обнаженных плечи,
Дымка дрожащая струна.

Сугробы. Яблонь икебана.
На ветках – мягкий, легкий снег.
След, бесконечно длинный, санный...
Прощай, двадцатый странный век!

* * *

Долго тучи кругами ходили,
Собирая вассалов дождя,
Долго грозную силу копили...
Час настал водяного вождя.

Ливень! В землю вонзил стрелы-струи.
Огненосные молнии бьют.
Ветер! Рвет поднебесную сбрую.
Вихри лужи воронками вьют.

Гром – стеною. И брызги – стеною.
Пламенея, трезубцы звенят.
...Я стихией напуган, не скрою,
Но в сраженьи участвовать рад.

Дмитрий Олегович Семенов родился в Ярославле в 1957 году. Окончив среднюю школу, работал на заводе, служил в армии, затем окончил железнодорожное училище. Работал в локомотивном и троллейбусном депо, слесарем, плотником на стройке, помощником машиниста электровоза, в 80 -х годах учился во Всесоюзном заочном институте инженеров железнодорожного т ранспорта.

После сорока лет увлекся сочинением стихов. Публиковался в областных газетах и коллективных сборниках, посещал литературное объединение.

Живет в Ярославле.

© Дмитрий Семенов, 2003.

* * *

Льдины движутся на льдины
И шипят на все лады.
Будто бы чудовищ спины
Дыбом встали из воды,

Будто огнь, – глубинный, жаркий, –
Обжигает им живот...
Мне гигантов белых жалко.
Не губи их, ледоход!

* * *

Река переливается, журчит
На быстром, на широком перекате.
Мне чудится: аккордеон звучит
И звуки бьются в каменные клади.

За валуны вода перебралась
Прозрачным переливом беглых клавиш –
И в омуте глубоко улеглась
На илистое дно. И не достанешь.

* * *

Снова километры, полустанки.
Тамбур. Сигарета. Стук колес.
Проводница царственной осанки...
Как ее сюда Господь занес?
Ей бы впрямь – на подиум, моделью,
Или на эстраду, песни петь,
А не чистой торговать постелью
Да сквозь стекла в белый свет глядеть.
Но – судьба. Ты с нею не поспоришь –
Случай в этом мире правит бал,
И чужие двери не откроешь...
Где он, счастья зыбкий пьедестал?

В сентябре нынешнего года исполнилось 130 лет со дня рождения К.Ф. Некрасова, русского общественного деятеля, издателя, просветителя (1873-1940)

Елена
Яновская

Племянник поэта

Алексей Сергеевич Некрасов, отец великого русского поэта, был, как известно, отцом и еще пятерых детей, – но все они, за исключением Федора, не оставили после себя потомства. Федор же Алексеевич стал, в свою очередь, отцом 12 детей; именно они -то и их потомки и стали продолжателями рода Некрасовых. Старшим сыном от второго брака Федора Алексеевича был Константин, наш земляк, оставивший заметный след в истории не только Ярославского края, но и всей России.

Отец и мать будущего видного деятеля кадетской партии, депутата первого русского парламента и известного российского издателя познакомились летом 1872 года в усадьбе Карабиха: 45-летний вдовец, обремененный пятерыми детьми, обратил внимание на побывавшую здесь проездом сестру гувернантки своих сыновей, 22 -летнюю вологодскую красавицу Наталью Александрову – и пригласил ее провести в Карабихе лето. К концу этого лета он сделал Наталье Павловне предложение, и та согласилась стать его женой. Есть сведения, что знаменитый поэт, брат жениха, бывший свидетелем этих событий, написал накануне свадьбы экспромт, посвященный Н.П.Александровой:

...Юной прелестью ты так богата,
Чувства долга так много в тебе,
Что спокойно любимого брата
Я его представляю судьбе.

Елена Вадимовна Яновская родилась в 1961 году в Баку, в семилетнем возрасте переехала вместе с родителями в Ярославль. В 1984 году окончила вечернее отделение исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Демидова. Работала служащей на нефтеперерабатывающем заводе, методистом, сотрудником редакционно -издательского отдела ЯрГУ.

С 1991 года – ученый секретарь Государственного литературно -мемориального музея-заповедника Н.А.Некрасова «Карабиха». Занимается организацией научной деятельности музея, выставок, конфренций; редактирует сборники научных работ «Карабиха». Преподает на истфаке ЯрГУ, читает несколько основных курсов по специальности «музеология», учится в заочной аспирантуре, работает над кандидатской диссертацией по теме «Деятельность К.Ф.Некрасова как представителя русской провинциальной интеллигенции начала XX века». Автор ряда публикаций в региональной прессе по проблемам менталитета русской интеллигенции, музееведению и методическим аспектам преподавательской деятельности.

В 2003 году, выиграв конкурс «Американского центра по образованию», выезжала на стажировку в США для обмена опытом адаптации муниципальных музеев и библиотек к потребностям местного сообщества.

Живет в Ярославле.

© Елена Яновская, 2003.

17 сентября 1872 года в Москве состоялась свадьба, а 13 сентября следующего года появился на свет Константин, первый из семерых детей Натальи Павловны. Он был крещен в церкви Казанской Божьей Матери села Богородского; крестными новорожденного были брат отца Константин Алексеевич и сестра матери, Екатерина Павловна.

Отец Константина Федоровича был крепким помещиком и заводчиком (к концу жизни ему только в Ярославле принадлежало 18 каменных домов на общую сумму 64 тысячи рублей серебром), так что семейство, мягко говоря, не бедствовало. Окончив 2-й Московский кадетский корпус, Константин возвратился в Карабиху (военная карьера его не состоялась по причине болезни), некоторое время пожил там, а затем, поссорившись с отцом, начал искать службу. В возрасте 21 года он вступил в должность земского начальника в с. Щетинское Пошехонского уезда, километрах в 60 от уездного центра, а затем перебрался в с. Ермаково, поближе к городу. Три года, проведенные в уездной глуши, стали для юноши хорошей школой жизни, здесь начали формироваться его социально-политические взгляды. Вскоре он переехал в Ярославский уезд, а затем был переведен в Ярославль, где жил в Ильинском переулке, почти на берегу Волги.

В эти годы он много читает, общается с местной интеллигенцией, крестьянами. В 1906 году потомственного дворянина Константина Некрасова избирают гласным уездного и губернского земств, а также Ярославской городской думы. А вскоре происходит его первый серьезный конфликт с губернской властью: получив по службе циркуляр губернатора, согласно которому крестьянам запрещалось обсуждение общих вопросов, он направил волостным старшинам «разъяснение», в котором, ссылаясь на высочайший рескрипт, указал, что если крестьянские сходы происходят легально, то они вполне законны. Такая трактовка фактически дезавуировала губернаторский циркуляр – и земскому начальнику 1-го участка Ярославского уезда Некрасову было предложено подать в отставку. В своей автобиографии Константин Федорович писал о дальнейших событиях так: «Отклонив предложение губернатора, а затем и уговоры предводителя дворянства уйти без шума, по решению министра внутренних дел Плеве я был устранен от должности, а затем уволен «по 3-му пункту», то есть без права занятия государственных и общественных должностей». Любопытна точка зрения противной стороны: в одном из тогдашних донесений полицмейстера губернатору причиной увольнения К.Ф.Некрасова от должности называются «допущенные им фамильярности с крестьянами как прогрессиста».

В годы русско-японской войны Константин Федорович был избран представителем Красного Креста и должен был отправиться на театр военных действий, но от этой должности отказался. В этот период он окончательно определяется политически, отдает свои силы общественной работе, становится активным членом кадетской партии.

Как известно, учредительный съезд конституционно-демократической партии, образовавшейся при объединении Союза Освобождения и земского движения, прошел 12-18 октября 1905 года. Это была первая легальная политическая партия России, в основе ее программы лежали принципы либерализма. Наиболее оптимальным вариантом общественного прогресса теоретики кадетов считали рациональное капиталистическое хозяйство, последовательно выступали против любых насильственных социальных переворотов, за эволюционное развитие общества и всех его институтов. Политическим идеалом кадетов была парламентарная конституционная монархия английского типа, где господствует принцип «Король царствует, но не управляет», они требовали разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, ответственного перед Думой правительства, введения всеобщего избирательного права, демократических свобод, настаивали на строгом соблюдении гражданских и политических прав личности. Россию кадеты видели унитарным государством, но допускали культурно-национальное самоопределение народностей; выступали за серьезные реформы в аграрной и финансово-экономической сферах, в области взаимоотношений труда и капитала, вопросах обороны,

просвещения и т.д. Эти требования были для своего времени весьма оппозиционными, привлекали в партию массы думающего и политически активного населения страны – и благодаря этому, а также огромной организационной работе, партии удалось получить в I Думе третью часть от всех мест.

Поскольку в Ярославле Союз Освобождения был создан еще в 1904 году, региональное отделение кадетской партии оформилось здесь быстро: 17 октября 1905 года царь издал Манифест о гражданских свободах и созыве Государственной Думы, а 25 октября ярославская газета «Северный край», фактически ставшая печатным органом партии, уже опубликовала политическую программу кадетов, весьма прогрессивную для страны с неограниченной монархической властью. 5 ноября в Ярославле состоялось собрание, на котором был избран губернский комитет кадетской партии; в него, кроме К.Ф. Некрасова, вошли Н.П.Дружинин, С.А.Мусин-Пушкин, В.Н.Ширяев и другие.

Подобные собрания и съезды прошли по всей России: к декабрю 1905 года в стране насчитывалось свыше 70 легальных кадетских организаций, а к весне следующего года – более 360. В эту партию входил, как принято считать, «цвет русской интеллигенции» - либерально настроенные дворяне, помещики, средняя городская буржуазия, служащие, учителя, врачи, приказчики. Во времена первой избирательной кампании, сопровождавшейся широким разливом эйфористических ожиданий, среди кадетов были и представители рабочих, ремесленников, крестьян. В дальнейшем, быстро радикализируясь, они в большинстве своем покинули партию – но в период выборов в I Государственную Думу многие представители социальных низов поддерживали кандидатуры, выдвигаемые губернскими кадетскими комитетами.

На этой волне «долгожданной свободы» прошел в первый русский парламент и Константин Некрасов – он был избран в Думу от города Ярославля как активный член кадетской партии. Согласно избирательному закону от 11 декабря 1905 года, город Ярославль мог выбрать одного депутата, а губерния – четырех. Примечательно, что в итоге все пять «ярославских» мест в I Думе заняли кадеты – коллегами Константина Некрасова по парламентской работе стали крестьянин А.М.Костров, судебный следователь Д.А.Скульский, врач В.Е.Строганов, земец Д.И. Шаховской. И еще примечательно, что первым в истории России «городским» депутатом от Ярославля в первом русском парламенте стал герой нашего повествования.

Как известно, эта дума просуществовала всего семьдесят два дня (с 27 апреля по 8 июля 1906 г.) и была распущена царем. К.Ф. Некрасов, бывший в первом отечественном парламенте секретарем фракции кадетов, разделил вместе с наиболее радикально настроенными парламентариями судьбу этого представительного органа, приняв участие в составлении и подписании 10 июля 1906 года знаменитого «Выборгского воззвания». Под этим документом, призывавшим граждан к пассивному сопротивлению политике правительства, к отказу платить налоги, непризнанию займов и саботированию призыва в армию, стояли подписи трех ярославцев – Шаховского, Некрасова и Скульского. Так племянник великого русского поэта еще раз вошел в историю.

Правительство возбудило против «подписантов» уголовное преследование, почти все они были приговорены к тюремному заключению сроком на три месяца и лишены избирательных прав при выборах в новую думу и на другие общественные должности. Впрочем, отбыть наказание они могли в удобный для себя срок и по месту жительства. Так и получилось, что дворянин Некрасов отбывал наказание в ярославской тюрьме в Коровниках с 19 мая по 19 августа 1908 года. Там же в это время находился и Шаховской – и именно с ним Константин Федорович делился своими планами на будущее.

Планы эти были связаны с издательской деятельностью. Путь на казенную службу Некрасову был закрыт, пристрастия к управлению отцовскими предприятиями и усадьбой у него не было, продолжать профессиональную политическую деятельность в силу судебного запрета он отныне не мог. Константина Федоровича одолевали сомнения, в письме к отцу он писал: «Есть одна область, в которой я могу устроиться: это

редактирование газеты или журнала или что-нибудь в этом роде. Но занятия эти, требуя огромного труда (часто ночного), плохо оплачиваются, вдобавок нередко грозят судебным преследованием. Я решил взяться за эти дела только в том случае, если не найду ничего другого».

В письмах из тюрьмы к другому своему адресату, соратнику по партии Николаю Петровичу Дружинину, он, однако, был более определен и уже описывал план своего первого будущего издания – краеведческого сборника. И все же по выходе из заключения Константин Федорович, совместно с Дружининым, взялся за издание не сборника, а ежедневной газеты.

Ярославская губернская газета «Голос», соиздателями которой до 1912 года были К.Ф. Некрасов и Н.П. Дружинин, начала выходить в свет 19 февраля (4 марта н. ст.) 1909 года. Редакция располагалась на ул. Духовской (ныне Республиканской) в доме N49, направленность издания была, естественно, конституционно-демократической, а проблематика – смесью политических, экономических, а также общенаучных, юридических и литературных вопросов. Под рубриками «Ярославская жизнь», «Областной отдел», «Внутренние известия» публиковались материалы на самые разные темы, газета уделяла внимание положению крестьян, условиям труда рабочих и другим социальным проблемам общества, широко откликалась на общероссийские события. Так, в 1910 году несколько номеров газеты было посвящено кончине Льва Толстого, в одном из номеров была напечатана статья Толстого «Два закона» - и за эту публикацию редакция была оштрафована на 300 рублей. Откликнулся ярославский «Голос» и на дело Бейлиса – и это также не осталось незамеченным: С. Каныгин, редактор номера, в котором была опубликована статья «На средневековом процессе», был оштрафован на 500 рублей.

Немало места уделяла газета проблемам культуры, истории родного края, собственно литературному творчеству. В газете печатались стихи Сурикова, Дерунова, Дрожжина, Бальмонта, одним из ее корреспондентов был Брюсов. В 1914 году последний написал Некрасову о своем желании посылать в газету заметки с театра военных действий – и Константин Федорович принял предложение. Заметки Брюсова о Варшаве в дни войны, краткие обзоры событий на Северном фронте нередко содержали данные, не появлявшиеся ни в одной из столичных газет. Однако это продолжалось недолго; в письме от 4 марта 1915 года Брюсов пишет Некрасову буквально следующее: «Из разговора с Вами я вынес впечатление, что для «Голоса» мои корреспонденции – излишняя роскошь...». Что именно заставило Брюсова сделать такое признание, сейчас трудно установить, но сотрудничество прекратилось.

С 1910 года началось издание еженедельного иллюстрированного приложения к «Голосу» - «Ярославских зарниц», задачей которого издатель называл пробуждение «местного патриотизма, без которого немыслимо возрождение нации», «интереса к своему родному, к своей губернии, к уезду, к селу; к своим героям, деятелям, тем, что живут и жили среди нас, часто незаметные, безвестные». Характерна оценка современности, данная во вступительной статье: «Глухое, поистине Смутное время наше не страшит нас. Мы верим, что оно не будет длительно, и бодро смотрим вперед. Но чем короче будет это переходное время, тем энергичней надо готовиться к грядущим светлым дням, когда все живые силы страны будут призваны к строительству».

«Ярославские зарницы» много писали об истории ярославских монастырей, о народном творчестве, об обычаях и нравах ярославцев, о сельских театрах; постоянным был раздел «Смесь», где печаталась «всякая всячина». Постоянная рубрика «Галерея местных деятелей и уроженцев» рассказывала об именитых ярославцах – Николае Пастухове, Константине Евреинове, Алексее Мельгунове, Иване Затрапезнове, настоятеле Спасо-Преображенского монастыря Афанасии Кондоиди, архиепископах Ионафане и Ниле и других. Из номера в номер в приложении печаталось объявление Ярославской Ученой Архивной Комиссии, призывавшее ярославцев к передаче на хранение различных древностей, предметов старины, рукописей и т.д.

Любопытен круг авторов приложения: это местные краеведы П. Критский, А. Титов, И. Тихомиров, П. Мизинов, писатели И. Эренбург, А. Грин и другие.

Наряду с изданием «Голоса» и «Ярославских зарниц» К.Ф. Некрасов выпускал в свет в 1911-1912 гг. «Ярославский календарь». Редактором календаря был П. Критский, издание продолжалось два года. Среди разнообразных материалов, публикуемых здесь, обращают на себя внимание публикации под рубрикой «Летопись Ярославской губернии», отражающие различные аспекты политической, общественной и культурной жизни края.

Помимо издательских проектов, К.Ф. Некрасов занимался в этот период и многими другими общественно-полезными делами. В 1908-1912 гг. он, к примеру, уделяет много времени работе в ярославской общественной организации «Молодая Жизнь», целью которой, согласно Уставу, была организация досуга детей и школьников. Члены общества (а в их число входили все представители семьи Федора Алексеевича) занимались устройством спектаклей, вечеров, выставок, лекций, зимой – катка, летом – оздоровительных колоний-дач. Сам Константин Федорович, бывший в 1910-1911 гг. председателем этой организации, наиболее активно занимался как раз устройством таких дач (на территории Ярославской губернии их было несколько, в т.ч. в Карабихе) и систематизацией опыта их деятельности.

Другим увлечением героя нашего повествования было собирательство. Он открыл в Москве антикварную лавку, собирал предметы старины (старые иконы, шитье, литье, мебель) по всей России и за ее пределами. В одном из писем своей жене, Софье Леонидовне Щерба, Константин Федорович писал: «Лавка древностей» страшно интересует меня...я все больше и больше о ней думаю и радуюсь, что начал это дело. Но, конечно, я не остановлюсь на обычном антиквариате! Искусство, искусство старое и новое! Мы создали грандиозное дело. И прекрасное!».

Отыскивая предметы старины, К.Ф. Некрасов предпринял в 1913-1914 гг. поездки в Вологду, Рязань, Нижний Новгород, Александров, Львов и другие города России, а также в Персию.

И все же главным своим делом он считал издательскую деятельность. В 1911 году Константин Федорович, начав воплощать в жизнь свои давнишние планы, основывает «Книгоиздательство К.Ф.Некрасова», просуществовавшее до 1917 года. Контора этого предприятия находилась в Москве, а типография в Ярославле (ул. Духовская,59) и, несмотря на то, что практически во всех книгах местом издания значилась Москва, реально они были напечатаны у нас, в Ярославле. Пятилетняя деятельность издательства стала заметным явлением общероссийской культурной жизни.

Основывая это предприятие, племянник великого поэта, судя по всему, не преследовал никаких политических целей. Главным критерием в оценке любого конкретного проекта были для него эстетическое и просветительское значение книги, главная цель формулировалась, прежде всего, как культурная. Книги, издаваемые им, отличались особой тщательностью предпечатной подготовки, изяществом оформления; в подборе авторов и произведений проявлялись образованность издателя, его вкус к русскому слову.

Первые отзывы на выпущенные К.Ф.Некрасовым книги появились в печати в 1912 году, а в 1915 году вышел каталог издательства, по которому мы можем судить о разнообразии, если можно так выразиться, продукции этого предприятия. Константин Федорович издавал отечественных и зарубежных авторов, популярных поэтов современности и незаслуженно забытых писателей прошлого, выпускал в свет бессмертные творения эпохи Возрождения и памятники древнерусского искусства. Уже в советское время писатель и библиофил В.Г. Лидин так характеризовал и самого издателя, и его любимое детище: «В хлебосольном доме поэта и драматурга Павла Сергеевича Сухотина можно было нередко встретить одного молчаливого и всегда вызывавшего к себе глубокое уважение человека – издателя Константина Федоровича Некрасова, племянника поэта; его книгоиздательство в Ярославле было одним из самых культурных в

России и по подбору книг, и по тому, как они были изданы, и могло соперничать с любым столичным издательством».

Многие переводы из европейской классики были осуществлены и опубликованы впервые в России именно этим предприятием. А что касается отечественных авторов, то именно К.Ф.Некрасову по праву принадлежит честь подлинного открытия для читателя ряда и поныне известных имен. Так, в 1915 году издательство выпустило в свет собрание сочинений поэтессы Каролины Павловой. Редактор этого издания, Валерий Брюсов писал в декабре 1913 года: «Каролина Павлова принадлежит к числу наших замечательных поэтов...Между тем в наши дни лишь очень немногие знают поэзию Каролины Павловой, а для широких кругов читателей ее стихи как бы не существуют. Объясняется это...главным образом отсутствием доступного издания ее сочинений... Издательство К.Ф.Некрасова решило пополнить этот пробел...».

Редактором-составителем сборника другого русского замечательного поэта, Аполлона Григорьева был Александр Блок, проделавший большую подготовительную работу для выхода в свет этой книги. Стоит привести здесь выдержки из писем великого русского поэта К.Ф. Некрасову:

4.09.1914. «Глубокоуважаемый Константин Федорович...Вопрос в том, собирать ли все стихотворное, что он напечатал в журналах, или нет. Об этом подумаю серьезно... Спасибо во всяком случае, что Вы представляете книгу моему усмотрению. Я не буду (да и не могу) делать так, чтобы вышло «ученое» издание, но приложу все усилия, чтобы вышла хорошая книга для чтения...».

22.12.1914. «...Простите, что все еще не высылаю рукописи. Много непредвиденного. Теперь скоро окончу статью (порядочно разросшуюся). Тогда пришлю все».

12.02.1915. «...Спасибо Вам. Сейчас получил Ваш чек на 500 рублей. Спасибо и за письмо, полученное мною три дня назад... Не зная вас, думал, что статья моя может Вам не понравиться; а я много работал и над ней и над всей книгой Григорьева; могу сказать, что отвечаю за каждую строку...Я много вложил в эту работу и много от нее получил; и мне было особенно как-то приятно, что Вы оценили работу такими простыми и краткими словами...Всего Вам доброго и еще раз – спасибо. Искренне Вас уважающий Александр Блок».

Любопытны суждения Блока по поводу деления стихов Григорьева на два тома. 9.04.1915 он пишет Некрасову: «По-моему, не надо делить, внушительность пропадет. К человеку сороковых годов очень идет даже именно толстая книга;

Фотографии К.Ф. Некрасова
из музея «Карабиха»

С.Л. Щерба, супруга К.Ф. Некрасова,
с сыном Николаем.

К.Ф. Некрасов.
Санкт-Петербург, 1910-е гг.

Дети Федора Алексеевича Некрасова (Вера, Елена, Константин и Николай)
в саду усадьбы Карабиха. Около 1905 г.

Фотографии К.Ф. Некрасова
из музея «Карабиха»

К.Ф. Некрасов (в центре) на бульваре в Ярославле с депутатами дум ы.

К.Ф. Некрасов и П.П. Муратов
на веранде дома К.Ф. Некрасова
в Ярославле, 1910-е гг.

К.Ф. Некрасов. 1920-е гг.

это и по-русски и по-григорьевски будет, если даже выйдет маленькая несуразность (право, маленькая, такие книги ведь есть). В этом будет свой «аромат», а две маленькие книжки его уничтожат. Мне кажется, что от толстой книги пахнет той старинной прекраснодушной щедростью, которая была в григорьевской душе».

Издательство Некрасова выпустило в свет книги Бориса Зайцева , Николая Клюева, Павла Сухотина, Сергея Ауслендера, Натальи Крандиевской, мемуары А.Чарторижского, Н.Тургенева, с ним сотрудничали, кроме уже упомянутых, такие известные авторы, как Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Николай Ашукин, Борис Грифцов, Павел Муратов, Андрей Белый, Алексей Толстой, Федор Сологуб, Владислав Ходасевич, Владимир Короленко, Иван Бунин. Со многими из них Константина Федоровича связывали дружеские отношения, с некоторыми – чисто формальные связи «издатель-автор»; с кем-то приходилось, – жизнь есть жизнь, – порой вступать и в конфликты. Для иллюстрации приведем выдержки из некоторых писем К.Ф. Некрасову.

27.05.1912. Д. Мережковский: « Глубокоуважаемый Константин Федорович, напрасно Вы думаете, что меня издатели «осаждают». Хороших издателей мало, а культурных, как Вы, почти нет. Вот почему я Вашим предложением очень дорожу...Ваша издательская деятельность мне чрезвычайно симпатична».

26.09.1912. В. Короленко: «К сожалению, уступить Вам несколько рассказов для лубочного издания в настоящее время не могу. Признаюсь, сама идея не кажется мне правильной...Задача в том, чтобы порядочная книжка проникала все больше, а Пинкертоны идут и не в одну народную среду. Не к чему порядочную книжку принижать и грязнить для этого соперничества».

16.10.1912. А. Толстой: «...слушал поэта Н.А.Клюева. Его стихи больше, чем талантливы. Есть вещи по простоте и выражению вдохновенные, нельзя их слушать без волнения...Если бы Вы взялись издавать Клюева...».

29.10.1913. Н. Клюев: «...мне очень бы хотелось, чтобы все мои песни издавали Вы – как-то приятно и внушительно, если на всех книгах стоит одно книгоиздательство».

14.08.1914. М. Ходасевич (брат В.Ходасевича): « Милостивый государь Константин Федорович. Ко мне обратился брат мой, Владислав Фелицианович, с просьбой взыскать с Вас четыреста рублей, недоплаченных Вами ему за перевод двух томов сочинений Красинского. Не пожелаете ли Вы настоящее дело закончить миролюбиво, чем избавите меня от неприятной необходимости принятия каких-либо мер...».

3.12.1914. И. Бунин: «Если Вы продолжаете свое дело, я мог бы представить Вам для издания некоторые свои вещи как новые, так и прежние, уже разошедшиеся. Будьте добры, ответьте мне, интересует ли Вас это. С искренним почтением Ив. Бунин.»

До сих пор не устарели и пользуются заслуженным уважением среди исследователей изданные К.Ф. Некрасовым книги тематического раздела «Памятники древнего искусства» - «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле», «Церковь Ильи Пророка в Ярославле» и «Древне-русская иконопись в собрании И.С. Остроухова». Любопытен и «некрасоведческий» аспект деятельности Константина Федоровича: в 1914 году вышел в свет сборник В. Евгеньева «Николай Алексеевич Некрасов» (впоследствии он был положен в основу трехтомной монографии о поэте), а в 1916 году был опубликован I том «Архива села Карабиха», составленный из до тех пор неизвестных писем самого поэта и писем к нему (а среди корреспондентов поэта были М. Салтыков-Щедрин, А. Плещеев, А. Фет, Л. Толстой, Г. Успенский). К сожалению, второй том, в который должны были войти некоторые неизданные произведения Н.А. Некрасова в стихах и прозе, а также многочисленные варианты уже известных произведений, не вышел в свет в связи с закрытием издательства в 1916 году.

Наряду с изданием книг Некрасов пытался осуществлять и «параллельные» издательские проекты. С 1911 года с его предприятием сотрудничал как автор Павел Павлович Муратов, переводчик, писатель, эссеист. Зимой 1913 года Муратов и Некрасов приступили к осуществлению нового проекта – изданию журнала «София». Цель его

обозначалась Муратовым так: «эстетическое воспитание на том, что ближе всего, конечно, – русская икона, повесть, но не только на этом, а и на том, что можно выбрать перевести с Запада». Основной своей задачей редакционная коллегия считала серьезное теоретическое осмысление событий литературы и художественной жизни, пробуждение нового интереса к прекрасному древнерусскому наследию, знакомство читателей с современным отечественным и западным искусством, античными и византийскими традициями, с лучшими творениями Востока. «София» пыталась осмыслить истоки и значение русского искусства, отразить черты его самобытности; глубокий теоретический материал и прекрасные иллюстрации должны были составить конкуренцию петербургскому журналу Маковского.

Редакционные статьи писал П. Муратов, в работе журнала приняли участие Н. Бердяев, В. Ходасевич, Б. Зайцев, П. Сухотин, И. Грабарь, А. Бенуа, М. Гершензон, А. Щусев. В течение 1914 года увидели свет шесть номеров «Софии», выходу из печати седьмого помешала война. Муратов был призван в армию. О его роли в издании журнала говорят строчки из тогдашнего письма одного из корреспондентов К.Ф. Некрасова: «...продолжение издания «Софии» является невозможным: конечно, очень жаль, что ей не удалось просуществовать целого года, но все же и эти 6 ее книжек были несомненно нужны, сделали свое дело и оставили по себе яркий след...Я ежедневно с трепетом в душе просматриваю букву М в списке убитых и раненных, и мысль о том, что этот, такой талантливый и необыкновенный человек находится в постоянной опасности, очень меня удручает. Дай ему Бог вернуться живым!».

С началом войны Константин Федорович, чтобы хоть как-то поправить дела издательства, начинает выпускать в свет дешевые лубочные издания; среди них выделялись серии, посвященные русской классической литературе, военной тематике, детские и т.д. Но вскоре он принимает решение о закрытии предприятия. Судя по всему, к этому привела целая совокупность различных обстоятельств, среди которых стоит особо выделить экономические, технические и организационные. Немалую роль, очевидно, сыграл и внутренний настрой самого Некрасова. 12 февраля 1916 года Павел Муратов писал ему, касаясь этой темы: «Решение Ваше меня действительно не удивило. Я так хорошо представляю себе, как все это должно было накопиться: и «либеральные» редакторы, и конфискация книг, и склады. И литераторы, и прочее и прочее... Нельзя издавать книги, которые Вы не читаете ни до, ни после издания... Вместе с тем, мое глубокое убеждение, что хорошее, небольшое отчетливое книгоиздательство вполне возможно и морально, и материально. И если бы можно было начать сначала...».

О том же тревожился в письме К.Ф. Некрасову 26 марта 1916 года и Борис Зайцев: «Дорогой Константин Федорович, до меня дошли вести, что Вы прекращаете издательство – хочется узнать, правда это, или нет. Если правда, то, конечно, очень жалко – личные мои интересы тут ничтожны, а жаль культурного и интеллектуального дела...Буду рад, если сведения мои неверны».

А вот что писал Константину Федоровичу чуть позже, 25 апреля того же года, Валерий Брюсов: «...Ваше издательство приобрело свое лицо, определенную индивидуальность; исчезновение Вашей фирмы почувствуется живо в мире книг. Возражать на Ваше решение, конечно, неуместно, почти смешно, ибо посторонние не могут знать всех побудивших Вас причин. Но поскольку я имею право говорить отвлеченно от лица русской литературы, позвольте мне просить Вас – не спешить, сколько только это для Вас возможно. У меня есть твердая уверенность, что русской книготорговле предстоят скоро «красные дни»...А представьте себя в положении Колумба, который поддался бы ропоту матросов и повернул свои каравеллы обратно, когда через 3 дня он должен был увидеть землю, свою Америку!».

Но решение было уже принято.

Стоит здесь отметить, что вплоть до октября 1917 года Константин Федорович, несмотря на всю свою известность в мире отечественной культуры, имел репутацию

«неблагонадежного». С оживлением политической жизни в годы первой мировой войны активизировалась и деятельность царской полиции; деятелей каде тской партии (особенно левого ее крыла) она по традиции продолжала считать «управляющими революции». Наблюдение за всеми оппозиционными элементами, в том числе за бывшими членами Государственной Думы, в этот период заметно усилилось; в Ярославской губернии особо опасными кадетами считались князь Д. Урусов, перводумец Д. Шаховской. Перводумец Константин Некрасов также не был забыт жандармами, в своей служебной переписке они отзывались о нем весьма определенно: « Лидер ярославской группы кадетской партии левого крыла и издатель органа этой партии в Ярославле, газеты «Голос». Личность, безусловно, неблагонадежная в политическом отношении».

После Октябрьского переворота К.Ф.Некрасов перебирается в Москву. Осенью 1918 года он поступает на службу в отдел охраны п амятников истории и старины, а в 1922 году переходит на работу в Сельхозсоюз, где трудится четыре с половиной года – сначала управляющим Ленинградским отделением, затем инспектором финансового отдела в Москве. Оттуда по болезни выходит в отставку.

В 1924 году скончалась супруга Константина Федоровича, оставив на его попечение 9 - летнего сына Николая, ставшего впоследствии известным литератором, внесшим значительный вклад в некрасоведение.

После ухода со службы Константин Федорович продолжал сотрудничать с журналами и газетами, занимался литературной работой, в основном, в области древнерусского искусства. Кстати сказать, именно литературная деятельность и была для него основным видом заработка в те тяжелые времена. Он поддерживает связи с В. Брюсовым, А. Толстым, совместно с известным реставратором П. Юкиным работает над книгой «Живописные приемы и техники старых фресковых мастеров. По памятникам, находящимся в СССР», предпринимает усилия по передаче части архива Н.А. Некрасова из Карабихи в фонды Государств енного литературного музея в Москве, трудится над рукописью воспоминаний о жизни в Карабихе.

В 1940 году Константин Федорович возвращался домой из поездки на юг. В письме, обращенном к сыну, он писал: «Милый друг, сегодня еду в Сочи, чтобы взять билет на завтра, т.е. 22 октября. Если удастся, то...приеду 24 числа вечером: часов в 11 -12 буду дома, если, конечно, поезд придет вовремя. Припаси дров, если холодно, и что -нибудь закусить. Твой К. Некрасов».

Но вернуться домой К.Ф. Некрасову уже не было суждено, 22 октября он скончался в железнодорожном вагоне. Тело Константина Федоровича сняли с поезда в Туапсе, где 67 - летний потомок великого русского поэта и был похоронен немедленно выехавшим туда сыном (могила, к сожалению, не сохранилась).

Сегодня, когда со дня рождения нашего земляка, известного деятеля отечественной культуры исполнилось 130 лет, мы с благодарностью окидываем взглядом его наследие. Не будет преувеличением сказать, что К.Ф. Некрасов достойно продолжил демократическую линию, которая столь ярко была явлена в свое время его знаменитым родственником. Думается, что главной причиной, побуждавшей его отдавать так много времени и сил общественной деятельности, составной частью которой являлось издание газет, журналов и книг, было желание послужить сво ему Отечеству, своему народу. Эту благородную цель Константин Федорович преследовал в каждом деле, за которое брался. Пусть же юбилей одного из русских просветителей станет для нас еще одним поводом задуматься о значимости тех, порой не слишком заметных лю дей, следующих и в наши дни тем же курсом.

Андрей Тюнин

Вспугнутое счастье

* * *

Всем обещаньям
До сих пор верю.
Крез обнищал бы
За веры время.

Манну с небес
Сулили немалую.
Знал, что обман,
Но верил – и ждал ее.

Все обещают
И всем обещается.
На обещаньях
Планета вращается.

* * *

Еще не знаем, чьей ты будешь,
Но настороженно следим,
Как сигарету молча куришь,
Глотая ядовитый дым,
Как на твоих коленях чутких
Играет платья тонкий шелк,
И как в ответ на наши шутки
Ты рот кривишь нехорошо...

Андрей Константинович Тюнин родился в 1960 году в селе Пречистое Пошехонского района Ярославской области, в семье учителей. Окончив в 1983 году филологический факультет Ярославского педагогического института имени К.Ушинского, работал учителем истории в сельских школах, сельскохозяйственном колледже. С 1990 года работает в средней школе в районном центре.

В 2003 году вышла в свет его первый поэтический сборник «Душа по капельке сочится».

Живет в г.Пошехонье.

© Андрей Тюнин, 2003.

* * *

Просыпаясь с другою под грохот дождя,
Вспоминаю твой солнечный лик.
И под скальпелем, в грезы наркоза уйдя,
Проживаю влюбленности миг.

Пусть другой, твое юное тело любя,
Пьет разбуженный мною рассвет...
Буду помнить тебя, буду помнить тебя –
Хочешь этого ты, или нет!

* * *

В провинции спасается Россия
От интеграционного засилья,

Но старый спор и здесь смутил умы:
Европа - к нам? Или с Европой – мы?

Петр, прорубивший некогда окно,
И не предвидел, что спасет оно

На сотни лет российские умы:
Европа – к нам? Или с Европой – мы?

Ведь если бы не этот наш вопрос –
Какой бы был с нас судьбоносный спрос?

* * *

Мы цену родителям узнаем,
Когда их уж нет в живых,
Когда остаемся с бедой вдвоем
И бьет беда нас под дых.
Фамильною складкой наморщив лоб,
По отцовски упрям и прост,
Сквозь сумрак времен и судьбы озноб
Шагаю я в полный рост.
А заполночь, в самый удобный час
Для жалоб и для тревог
Мне слышится мамин короткий сказ:
«Труд кончен. Поспи, сынок».

* * *

Бездушные лики, безликие души,
Ослепшая лампочка под потолком.
И годы, как мамонтов грузные туши
Под многометровым судьбы ледником.

Ну, что тебе надо, беззвучное тело –
Немного еды и глоточек вина?
Заплакала, лопнула и улетела
От гулкого тела тугая струна.

Все дальше рассветы, все ближе закаты,
В тумане теряется прошлого нить...
И все виноватые – не виноваты,
И некого больше прощать и винить.

* * *

Не спится. Лежу, уткнувшись
В тепло твоего плеча,
О думы свои споткнувшись,
Как о топор палача.

Сомлела в ночной истоме
Доверчивая свеча.
И нету опоры, кроме
Податливого плеча.

* * *

О чем поют верхушки сосен,
Качаясь плавно в вышине?
О том, что снова правит осень
В моей родимой стороне,

Что истрепало, как мочало,
На сельских трактах колеи,
И что к печальному причалу
Встают все реже корабли,

Что отзвучала в одночасье
Моя доверчивая песнь
И грустью вспугнутое счастье
Другому шлет с дороги весть.

* * *

Везет в любви друзьям моим,
А мне, увы, не очень...
Совсем не теми я любим,
Но это между прочим.

Везет мне в карты и лото,
А им везет не очень.
Их обставляю хоть бы что,
Но это между прочим.

Они женаты, а не я,
Но грустно мне не очень.
Их жены любят и меня...
Но это между прочим.

* * *

Влюбляюсь в течение суток,
Годами хлебаю разлуку.
Внезапно теряю рассудок,
Как маленький – мамину руку.

Беспомощен и беззащитен,
Не внемлю разумным советам...
Лекарств для меня не ищите,
Иначе не стану поэтом.

Сергей Пилецкий

Мы с тобой одной крови

Размышления о времени в контексте Этики Сохранения

«Познай самого себя». Эта заповедь, изреченная древнегреческим мудрецом Хилоном и ставшая жизненным кредо Сократа, до сих пор является локомотивом философского и научного поиска. Эстафета познания окружающего мира, бережно пронесенная сквозь века тысячами мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени, сегодня вручена нам и только от нас зависит, насколько далеко продвинемся мы на этом нелегком пути.

Поворотным пунктом в этом движении стало создание Ч.Дарвиным теории эволюции. Именно с этого момента стало возможным всерьез говорить о проникновении идеи эволюционизма в сознание миллионов людей. А в последней четверти ушедшего столетия в «гносеологической копилке» знаний, накопленных человечеством на пути познания самого себя, блеснуло новое слово - появилось принципиально новое направление современной антропологии, новая комплексная исследовательская программа. Речь идет о социобиологии, представляющей собой синтез этологии, экологии и популяционной генетики.

Появление социобиологии как новой отрасли знания, ставящей перед собой поистине грандиозные задачи, связывается с выходом в свет в 1975 году книги Э.О.Уилсона «Социобиология: новый синтез». Новая наука выдвигает свою концептуальную программу, затрагивающую буквально все отрасли философского знания, берет на себя смелость ответить на множество доселе нерешенных вопросов: что такое человек? каково его место в этом мире? что такое добро и зло? что такое человеческие эгоизм, альтруизм, агрессивность? какова роль секса в эволюции человека? что такое человеческий разум, каковы принципы и механизмы его функционирования? чем обусловлены предпочтения человека в этических нормах и эстетических стандартах? что такое человеческая культура и какова программа ее усвоения? что такое человеческая социальная организация и каковы принципы ее жизнедеятельности?

На все эти вопросы социобиология дала предельно вразумительный и научно обоснованный ответ. И, естественно, с момента самого своего возникновения подверглась жесточайшей критике. Гвалт упреков, несущихся со всех сторон - от левора-дикалов до клерикальных кругов, от обществоведов до генетиков - ставил в вину новому направлению научного знания то «биологизм», то «сексизм», а то и «расизм» с «фашизмом»; неистовые ревнители никак не могли простить передовым ученым, еще вчера занимавшимся

Сергей Григорьевич Пилецкий родился в 1964 году в Ярославле, окончил Московское суворовское военное училище. Учился в Ярославском высшем военном финансовом училище, служил в армии. В 1990 году окончил очное отделение философского факультета МГУ им.Ломоносова, а затем аспирантуру при этом факультете. В 1994 году стал кандидатом философских наук. Диссертация С.Пилецкого «Человек как объект социобиологического исследования» была одной из первых в постсоветской России серьезных попыток философски осмыслить проблемы социобиологии.

С 1994 года работает на кафедре истории и философии Ярославской государственной медицинской академии, в настоящее время – доцент этой кафедры.Ведущий специалист ЯГМА в области философии и биомедицинской этики.

Проблемам социобиологии посвящен ряд публикаций С.Пилецкого в столичных журналах, в т.ч. «Человек», «Вестник МГУ».

Живет в Ярославле.

© Сергей Пилецкий, 2003.

изучением «букашек да зверюшек», поистине революционного перехода к постановке в центр исследования самого человека.

В нашем отечестве реакция на новые взгляды была, впрочем, несколько иной: их попросту замалчивали, закрывая доступ к информации. Для тех немногих, кто заинтересовался социобиологией, в советской империи была наготове пара-тройка статей и книг, бичующих и шельмующих «буржуазное извращенное направление». А в постсоветской России идеологическая цензура сменилась цензурой финансово-экономической - переводится и публикуется ныне, в первую очередь, то, что способно приносить издателям быструю прибыль. До работ по социобиологии очередь дойдет, видимо, не скоро.

И все-таки идеи Эдварда Уилсона, Дэвида Бэрэша, Майкла Рьюза, Ричарда Доукинза и других классиков нового подхода к самопознанию человека с каждым годом вербуют в свои ряды все новых и новых сторонников. К ним принадлежит и автор предлагаемой статьи, написанной специально для нашего журнала.

Время...Есть ли в мире что-либо более знакомое и, вместе с тем, более таинственное? Его транжирят, но им и дорожат, о нем забывают, но тут же ценят, как зеницу ока, о нем говорят, что оно все спишет, но тут же апеллируют к нему, как к высшему арбитру, им тяготятся («и дольше века длится день»), но вдруг его мгновенья «свистят, как пули у виска». Все мы такие разные, со своими амбициями, упованиями, приоритетами и идеалами, а оно, единое для всех нас, не различает нас ни по расовым, ни по национальным, ни по половым признакам, мерит всех как бы одною мерою.

А какова она, эта мера? Что мы для времени? Кто мы во времени?

Один из возможных ответов на этот вопрос дает нам книга выдающегося социобиолога и эколога Эдварда Уилсона «Биофилия» - книга чудесная, написанная ярким литературным языком, полная любопытнейших мыслей, а главное, пронизанная искренней болью умудренного жизнью человека за прошлое и настоящее земной флоры и фауны. Ностальгия этой книги, ее озабоченность, ее глубокая экологическая направленность, ее футурологический вывод, ее «гринписовский» посыл не могут оставить равнодушными не только любителей и ценителей природы, но и всех нас, жителей планеты Земля.

Пытаясь понять, кто мы во времени, Уилсон предлагает нам раскрепостить воображение и представить, что у нас есть в наличии этакий проектор, способный прокручивать пленку с любой скоростью. Тогда любое запечатленное на пленке изображение может быть и замедлено (до такой степени, что секунды растянутся на часы и дни), и ускорено (чтобы годы и столетия сжались в минуты). Естествоиспытатель, владеющий такой «машиной времени», будет способен увидеть то, что скрыто от обычного наблюдателя, переопределить сам статус жизни...а для начала Уилсон предлагает нам увидеть на этой воображаемой пленке двух людей, двух американских ученых, Агасси и Пирса, ярых противников дарвиновской теории эволюции. Сразу скажем, что для русского читателя совершенно непринципиально, Агасси и Пирс это, или просто Иванов и Сидоров, в Кембридже они находятся или в Ярославле... а важно то, что усилие, которое мы затрачиваем на то, чтобы представить себе этих двух людей, занимает всего несколько секунд. Почему? Потому, что все мы, Агасси, Пирс, Иванов, Сидоров, вы, я – все мы – живем в организмическом времени, в котором большинство подобных реакций поглощают секунды (ну, минуты).

Что конкретно происходит? Произнесено, к примеру, предложение «Иванов, а как у тебя семейные дела?». В миллисекунду струя сжатого воздуха ударяет в барабанную перепонку Иванова и переносит энергию внутрь ряда из трех костных рычагов, которые незамедлительно, как по эстафете, передают ее внутреннему уху; развернутый спиралевидно ряд сенситивных клеток резонирует с переменной высотой вибрации, приводя в действие механизм разряда соответствующих нервных клеток, ведущих к слуховому нерву. Как только эта миллисекунда истекает, закодированные электрические сигналы потоком устремляются в заднюю часть мозга, каскадом низвергаются в среднюю часть мозга, далее – в аудиторную область передней части головного мозга и, наконец, в месторасположение области коры головного мозга, ответственной за содержательную деятельность, – и Иванов слышит предложение, произнесенное Сидоровым.

Координированные пульсации нейронов меняют свои модели, проходя через кору головного мозга, специальную память и эмоциональные центры лимбической системы, порождая новые и быстро замедляя старые сцепления идей со словами – Иванов думает.

Мозг комбинирует вставку новой информации, полученной из банка долговременной памяти, во временные схемы краткосрочной памяти. В этом процессе, занимающем еще дополнительные десятые доли секунды, соответствующие образы из фрагментов соединяются в единое целое и оцениваются эмоциональными центрами, которые они активируют. Вступают в дело объединенные центры речи вдоль теменной коры головного мозга (области Брока-Верника); команды издаются при помощи клеток, проходящих шаг за шагом пункты моторных долей коры головного мозга, направляются к языку, губам и гортани. Иванов отвечает: «Да ничего, все нормально».

На все это потребовалось приблизительно четыре секунды. А что, если замедлить прокрутку рулона пленки в нашей «машине времени» примерно в тысячу раз?

Иванов и Сидоров будто застывают на месте. В действительности они, конечно же, движутся – но это движение слишком медленно для того, чтобы его смог воспринять невооруженный глаз. А теперь увеличим изображение Иванова до размеров, позволяющих фиксировать волокна его нервных клеток, затем – до самих нервных клеток, затем – до молекул и атомов. Что мы видим на пленке? Ферментные молекулы сцепляются с протеинами и ловко расщепляют их на части. Нервная клетка разряжается: по всей длине ее мембраны в нее проникают представляющие разность потенциалов ионы натрия. В каждой точке проникновения в нервную клетку это событие занимает несколько тысячных долей секунды, а сам электрический сигнал, который создают ионы, – эта капелька, представляющая разность потенциалов, – движется вдоль прохода со скоростью почти десяти метров в секунду.

Мы видим это только потому, что пленка в нашем проекторе движется еле-еле. Если бы мы увеличили изображение без замедления проекции, то все описываемые события произошли бы слишком быстро, чтобы мы смогли их заметить – электрический разряд пронесся бы через мембрану клетки буквально со скоростью пули. Для того, чтобы оценить эти события на молекулярном уровне, нам просто необходимо воспринимать все в тысячные доли секунды. Это соответствует уровню химических реакций и тут мы – в биохимическом времени.

Теперь начнем прокручивать катушку с пленкой быстрее...еще быстрее!..и вновь вернемся в организмическое время. Уменьшим изображение и вновь вернемся к телу Иванова. Атомы и молекулы мгновенно множатся и объединяются в мощные агрегаты – поначалу как клетки, затем как ткани и органы. Действие вновь протекает как достаточно медленное, доступное глазу и мозгу – оно занимает секунды. Диафрагма поднимается и опускается, сердце пульсирует, мускулы ног сокращаются. Иванов продолжает прогулку и беседу с Сидоровым.

А сейчас ускорим вращение пленки...быстрее!..еще быстрее!..пусть минуты, а затем и часы пролетают за одну секунду...и вот уже не видно ни Сидорова, ни Иванова, они промелькнули и исчезли, мы поднимаемся над Ярославлем – и видим, как мириады машин и потоки людей проносятся взад-вперед по нашему городу. Быстрее, быстрее! Поднимаемся над всей Ярославской областью, видим весь Центральный район России...теперь уже не видно ни людей, ни машин, ибо мы не можем уловить их перемещения, теперь мы видим только смену дня ночью и ночи – днем...но и эти вспышки происходят во все более ускоряющемся ритме...и вот уже разница между днем и ночью достигает частоты мерцающего синтеза – и мы видим общий ландшафт средней полосы России залитым непрерывным, хотя и регулируемым, светом. Ни людей, ни машин...разве только деревья-долгожители различимы глазом – они появляются, быстро разрастаются и навсегда исчезают.

Но именно тут мы и замечаем нечто принципиально новое. Мы осознаем наличие целых популяций видов. Объектами нашего видения становятся экосистемы,

сформированные из комбинаций этих видов. Мы видим пруд, который на наших глазах зарастает по краям камышом, заполняется водорослям и и затем застывает неподвижным болотом. Мы видим песчаные дюны, которые мгновенно прорастают прибрежной травой, затем мелким кустарником – а тот мгновенно уступает территорию устремляющейся вверх сосне и, в конце концов, смешанному лесу. Мы вступили в эко логическое время, где биохимические процессы сжаты и вынесены за пределы рассмотрения, где все организмы представляются единым ансамблем, живущим по законам рождения и смерти, соперничества и замещения одних другими.

А где же наши Иванов и Сидоров? Где все другие организмы? Они растворились в общем генетическом фонде своих видов. Возникнув на наших глазах как отдельные особи, они сохранились в вечности не как особи, а как ДНК. Вложив половину своих генов в каждого из своих детей, одну четверть – в каждого из своих внуков, одну восьмую – в каждого правнука, они вроде бы истощились...но компенсацией этому истощению стало умножение отпрысков в каждом следующем поколении. Если взять этнос в его лучшие времена, во времена, когда популяция устойчива, то можно увид еть, что каждая среднестатистическая особь имеет двойное количество внуков (по сравнению с количеством детей), четырехкратное количество правнуков...и так далее, в геометрической прогрессии. Гены одной особи распределяются равномерно по всей популяции, проходит тысяча лет (пороговый интервал эволюционного времени), отдельные особи утрачивают большую часть своей релевантности как биологически цельной единицы, семьи приходят в состояние равной распространенности в пределах большей части популяции, расовые раз личия размываются...

Итак, с помощью волшебного проектора мы можем видеть наш мир в разных его срезах...и этот проектор есть научное знание. На авансцену выходят точные дисциплины: организмическая биология изучает механизмы нашего функционирования; клеточ ная биология – средоточение и структуры наших тканей; молекулярная биология – первичный химический механизм; эволюционная биология – генетическую историю нашего вида. Способ рассмотрения обусловлен выбранным нами уровнем организации материи, а уровни эти расположены иерархически: молекулы составляют клетки, клетки – ткани, ткани – организмы, организмы – популяции, популяции – экосистемы. Для понимания любого вида, его эволюции требуется знание всех этих уровней организации – и знание уровня, непосредственно нами рассматриваемого, всегда будет хоть и необходимым, но все же недостаточным для объяснения за ним следующего Естественно, в основании всего лежит молекулярная биология (что, кстати, постоянно подчеркивают ее разработчики). Но и она сама по себе – немощный гигант, ибо не в состоянии установить параметры пространства, времени и истории, которые играют решающую роль в эволюции и определяют высшие уровни организации материи. Взять хотя бы тот элементарный факт, что развитие эмбриона зависит не только от д ействия генов, но и от того, как именно разворачивается рост его клеток в окружающей среде. Или тот факт, что поведение организма частично определяется путем научения (иными словами, путем перестройки его нервных клеток под воздействием внешних стимулов).

А если копнуть еще глубже, то ведь те самые гены, что составляют центральный интерес молекулярной биологии, были определенным образом «смонтированы» долгим путем истории мутаций и отбора, происходящих в связи со сменой окружающей среды. С того момента, когда это все это стало уже настолько очевидным, что его нельзя было далее игнорировать (с семидесятых годов прошлого столетия), молекулярная и эволюционная биология начали переходить в режим единого сплава; соответствующим образом стали перестраиваться и др угие отрасли биологии. Дарвинская концепция приблизилась к своему заветному смыслу – и произошло это более, чем через столетие после выхода в свет «Происхождения видов».

Тогда же начался и рост внимания к этике сохранения окружающей среды...и тут самое время сказать пару слов об этике вообще (применительно к познанию). Дело в том,

что как только нам становится известно хоть что-нибудь о том или ином важном для нас предмете, вопросы, нами поднимаемые, почти наверняка переносятся нами в область этики. Но по мере роста знания они все в большей и большей степени переадресовываются из моральной плоскости в плоскость информационную...другими словами, проблема интеллектуализируется. А в итоге, когда понимание предмета становится достаточно полным, вопросы вновь приобретают этическую окраску. Так вот, «энвайроментализм» (то есть этика сохранения окружающей среды) сейчас как раз, по-видимому, и переходит от первой фазы ко второй – и есть все основания надеяться, что он продолжит свое движение и к третьей.

Без сомнения, перспективы движения за сохранение окружающей среды во многом зависят от прогресса нравственной позиции. Развитие этого движения смыкается с биологическим полем, с рядом новых гибридных областей (таких, как биоэтика). Сегодня, когда ученые используют нетрадиционные (но при этом ориентированные на формализацию) подходы к анализу таких сложных проблем, как эвтаназия, установление начала и конца жизни, трансплантация органов, привлечение генной инженерии в евгенических целях и т.д., крайне важно не замкнуться в самодовольном антропоцентризме, не забыть, что Homo sapiens хоть и «венец творения», но все же – всего лишь биологический вид, один из многих, что у него есть не только свои права, но и свои обязанности. Обязанности эти имеют силу категорического императива, они есть биологический «нравственный закон» - и именно его-то Эдвард Уилсон и называет «биофилией».

С производными биофилии мы, люди, встречаемся на каждом шагу – они выражены в тех неосознанных мотивациях, пристрастиях и предпочтениях, что побуждают человека с особым трепетом отличать живой объект от неживого (скажем, живой, пусть и неказистый, цветок от любого, сколь угодно красивого, но искусственного), предпочитать город с парком городу без парка. Задача же современной науки заключается в том, чтобы соединить эмоции с рациональным их анализом, создать более глубокую и более жизнеспособную Этику Сохранения.

Сложность, с которой на каждом шагу сталкиваются исполнители этой задачи, заключается в том, что люди в результате естественного отбора запрограммированы таким образом, что их размышления и чаяния чаще всего не выходят за рамки физиологического времени. Наши мысли путешествуют вперед по шкале времени на часы, дни, максимум – на сотню лет. Все леса постепенно могут быть вырублены, радиация будет расти, атмосфера будет загрязняться, реки будут загаживаться...но если непосредственный отрицательный эффект от всего этого будет маловероятным для нескольких следующих поколений, лишь очень немногие смогут «раскачаться на протест». Экологическое и эволюционное время, измеряемое веками и тысячелетиями, может быть постигнуто исключительно интеллектуальным путем, который не имеет прямого эмоционального импульса. Только благодаря неординарной образованности и глубоким раздумьям люди могут быть эмоционально отзывчивыми к событиям достаточной отдаленности, смогут быть готовыми платить высокую дань потомству.

Альдо Леопольд, пионер-эколог, определял этику как набор правил, изобретенных для того, чтобы человек был готов встретиться с любыми новыми или затруднительными обстоятельствами (в которых может оказаться среднестатистический индивид в будущем), предвидеть исход которых он не в состоянии. То, что для нас в данный момент является вполне «хорошим», через десяток лет с легкостью может оказаться «прескверным»; то, что кажется идеальным для нескольких следующих десятилетий, может погубить последующие поколения. Вот почему любая этика должна «держать прицел» на отдаленное будущее. И здесь человечеству не уйти от эволюционного реализма, включающего осознание самих себя как противостоящих следующим поколениям.

Уилсон в этой связи разворачивает следующую логическую схему. «Что мы должны в самом деле нашим отдаленным потомкам?» - вопрошает он. И сам отвечает: «Да ничего.

Обязательства попросту теряют свое какое бы то ни было значение по прошествии столетий. Но что мы должны предусмотреть сейчас для их будущего? Все. Если человеческое существование действительно обладает каким-либо осязаемым смыслом, тогда все наши устремления и тяжкий труд должны быть направлены на то, чтобы дать произведенным нами механизмам долгую жизнь, при этом обеспечив ее незапятнанность и все большую безопасность. Делаться это будет для нас самих, а отнюдь не для них, или ради некоторой абстрактной нравственности, о которой мы думаем, имея в виду отдаленное будущее. Если бы весь процесс нашего существования был направлен к цели сохранения нас самих как вида и набора наших индивидуальных генов, на обеспечение тем самым будущего следующих поколений – это было бы выражением наивысшей нравственности, на какую только способен человек. И, следовательно, разрушение природного мира, внутри которого в течение миллионов лет и конструировался человеческий мозг, было бы чрезвычайно опасным шагом. А уж самой гадкой из всех возможных авантюр была бы та, которая привела бы виды, все скопом, к тихому вымиранию. Если бы даже естественная среда когда-нибудь обратно взяла свое, она, тем не менее, никогда бы не смогла восстановиться в своем первичном многообразии. Поэтому первое правило, которое Альдо Леопольд напоминает нам – это сохранность абсолютно всех видов».

Этическая философия – предмет гораздо более значительный, нежели это обыкновенно представляется в обществах с религиозной или идеологической ортодоксией. Она подвергается особенно суровому испытанию, сталкиваясь со сложностью и запутанностью проблем окружающей среды. Если ускорить «пленку времени» до уровня осознания нами необходимости именно экологических решений, становится очень трудно быть мудрым. Рецепт «золотой середины» тут зачастую подводит, общие формулы терпят фиаско с удручающим постоянством. Достаточно представить себе, что человек, признанный своим современниками как отъявленный злодей, вполне может стать героем для потомков; тиран, с особым рвением оберегающий земли своей нации в исключительно эгоистических, корыстных целях и держащий свой народ при этом в полной нищете, может оставить после себя богатую, полную жизни окружающую среду для будущих, уже свободных от тирании поколений. Но и обратный результат вполне возможен: политический лидер, никак не сковывающий энергию и инициативу своих граждан, поднимающий тем самым их жизненный уровень, одновременно будет способствовать будущему демографическому взрыву, чрезмерному перерасходу ресурсов, перенаселению городов и, в итоге, нищете следующих поколений. Разумеется, представленные крайности достаточно карикатурны, но одновременно и вполне иллюстративны в показе того, что по шкале экологического и эволюционного времени, как бы это ни казалось странным, добро не всегда автоматически следует из добра, а зло из зла. Определить, что является наилучшим для ближайшего будущего, не сложно. Определить, что является наилучшим для отдаленного будущего, также не очень сложно. Но вот определить, что является наилучшим как для ближайшего, так и для отдаленного будущего – это уже очень непростая задача, зачастую внутренне противоречивая и требующая для своей формулировки четкого этического кодекса. Так и создается этический кодекс выживания – не набело, из безусловных посылок, а индуктивно, с помощью примеров из прошлого, компромисса и согласия, посредством прогресса знания и его практического применения.

Этика Сохранения возникла века тому назад как отдельные, разрозненные, эпизодические идеи и действия. Первые примеры биологического сохранения были повсеместно побочными продуктами реализации чисто эгоистических интересов – как сады королей Канди на Шри-Ланке, королевские охотничьи угодья в Европе, как целые острова (Нешхау в Гавайской гряде, Лингуливита Ки во Флоридском заливе), охраняемые и оберегаемые семьями владельцев. Иногда успехи в деле сохранения были достигнуты вследствие совершенно случайных факторов: так, дерево гинкго, реликт древнего

азиатского леса, смогло сохраниться исключительно потому, что высаживалось на протяжении веков в качестве декоративного растения в китайских и японских храмовых садах – а в диком состоянии полностью исчезло. А некоторые виды организмов обязаны своему спасению тем, что они были каким-то образом связаны с предметами религиозного поклонения или суеверий. Так, в западном нагорье Индии располагаются священные рощи, окруженные поклонением еще со времен охотников и собирателей – именно они и сохранили остатки первозданной флоры и фауны, и Мадхав Гаджил, выдающийся индийский биолог, награжденный Индирой Ганди золотой медалью за научные достижения, был совершенно прав, когда отмечал, что именно эти рощи служат сердцевиной системы национального биотического фонда.

Современная практика сохранения окружающей среды, бесспорно, продвинулась существенно вперед по сравнению со своими истоками, но вот философский ее фундамент все еще остается шатким. Она все еще остается практически всецело зависимой от того, что может быть названо «этической плоскостью», остается слабоинтеллектуализированной. Наше отношение к остаткам жизни на планете до сих пор подарбитражно жесткому критериальному базису, апеллирующему к упрощенным категориям нравственности.

Насколько далеко может простираться сфера нашего альтруизма, насколько мы готовы поступиться своими интересами для решения задачи сохранения всего живого? Ответ на этот вопрос также очень важен. Философ Питер Зингер даже высказал в этой связи ясное пожелание – распространить принцип братства на всех животных, на всех, кто, подобно киплинговским героям из сказок о Маугли, может выкрикнуть в «час икс» заветный пароль «Мы с тобой одной крови – ты и я!». Но тогда почему уж этому принципу не вобрать в себя все виды, всю окружающую среду? Есть в этом, конечно, и элемент утопии, но в логике этой мысли отказать нельзя.

Горькая правда заключается в том, что человечеству так и не удалось завоевать мир, так и не удалось понять его. Базисное для человеческого духа стремление к постоянной экспансии входит в противоречие с императивами этики сохранения. И вывод напрашивается один: осуществляя «управление природой», мы должны потрудиться разработать разумный и тщательный план, учитывающий, по возможности, самые отдаленные перспективы подобных взаимоотношений, должны найти приемлемую формулу соединения экспансии и управления.

Российскому читателю, как никакому другому, должна быть понятна озабоченность Эдварда Уилсона и других социобиологов относительно и нынешнего «статус кво», и перспектив человеческого единоборства с природой, ибо, скорее всего, на нашей планете нет больше такого государства, где с природой обращались бы столь варварски. Так что, если предлагаемые размышления подвигнут кого-то к переосмыслению своего места в этом мире и меры своей ответственности перед ним, автор будет считать свою задачу выполненной.

Евгений Чеканов

Объяснения

Соблазн снабдить стихи автокомментарием преследовал Данте и Микеланджело, в мое время многие поэты также грешат этим, а я возвел грех в метод. Поначалу мне попросту хотелось сделать некоторые свои вирши более прозрачными для читателя. Потом я увлекся и стал добавлять прозаические соображения ко всем, более или менее удавшимся, стихотворениям. В результате получилась некая смесь, которую я и назвал «объяснениями».

Съедобна ли эта смесь, удобоварима ли? Судить тебе, дорогой читатель.

Автор.

ГОРОДСКОЙ СЮЖЕТ

Он забудет ее, как дитя забывает игрушку,
Ничего не случится – с ума не сойдет, не умрет.
Неразменный пятак разменяет на трешку и двушку –
И попьет газировки. И номер другой наберет.

Можно ли разменять неразменный пятак? Об этом я задумался в свои двадцать лет. И, как свидетельствует это четверостишие, ответил тогда на свой вопрос вполне утвердительно. Да, можно – если размен будет предпринят в большом городе. Здесь все, что угодно, разменяют – и дружбу, и любовь, и честь, и совесть...

Сельский мечтатель, я ненавидел город – и во всех своих бедах винил его людей. Мне нужно было прожить в городе четверть века, чтобы понять: сия людская обитель есть, разумеется, выдумка дьявола, однако и деревня – тоже не воплощенная невинность.

Люди – везде люди, только люди, всего лишь люди. Потеряв любовь, они не сходят с ума, не умирают. Они просто набирают другой номер телефона. А если телефон еще не подключен – идут в другую деревню на танцы.

Сегодня я думаю, что в городе ничто не мельче, чем в деревне. Быстрее, это да. Темпы другие. Но игры, игрушки и игроки – те же.

Биография Е.Ф. Чеканова опубликована в № 1 за 2003 г.

© Евгений Чеканов, 2002.

У НОЧНОГО ОКНА

Продолжается в ночь
Коридор освещенный...
Там стоит – я точь-в-точь,
Но бесплотный и темный.

Он цигарку палит,
Стиснув плечи высоко,
Он тревожно глядит
На меня через стекла...

Я жил тогда с семьей на окраине города, в общежитии строительного треста, бок о бок с расселенными тут же зеками-бесконвойниками, работал корреспондентом в молодежной газете. В восьмиметровой комнатушке заливалась плачем годовалая дочь, за стенкой орали соседи-алкаши, впереди маячила армия... Я выходил ночью в коридор, подходил к окну – и глядел в темноту своей судьбы.

Длинный, тускло освещенный коридор отражался в темном стекле, виртуально продолжаясь в заоконное пространство. На фоне этого коридора я видел сам себя – темный силуэт без лица, маленький человек, затерянный в каменных джунглях.

– Что будет с нами? – спрашивал я себя. – Что будет со мной?

И не находил ответа.

НА ПЛАЦУ

Трем снегом – кто щеку, кто ухо,
Колотим сапог о сапог...
Но вот долетает до слуха
Привычно-протяжное:
– По-о-олк!..

– Равняйсь! – понесет, как метелью,
Вдоль строя приказ волевой, –
И тысяча статуй в шинелях
Единой качнет головой.

Никто, коченея, не дрогнет,
Движенью – семь суток цена.
И молча глядит подполковник,
Как жаркая стынет стена.

Пока эта пауза длится –
В ресницах накопится лед,
В железо кирза превратится
И целая юность пройдет!

Закрою глаза – и вижу все это вновь... Белые бугры сопок, стиснувшие заснеженный плац, низкое небо, нависшее над серыми шеренгами «защитников Заполярья». Морозный ветер, обжигающий скулы, язвы стрептодермии на солдатских лицах. Дневальный, опухший от ежедневных избиений и еле держащийся на ногах («деды» не разрешали спать три ночи подряд). Маленький азербайджанец-рядовой, бегущий по полночной казарме: зажатый в руке штык-нож описывает сверкающие круги, рот раззявлен в безумном крике. Пьяный прапорщик, храпящий на штабном крыльце. И

ежедневное, ежечасное унижение твоего человеческого достоинства, назойливое попрание всего доброго в тебе...

«Служба в Советской Армии» – кое-как затянувшаяся рана моей жизни. Она уже не болит – и даже не ноет. Но я ничего и никогда не смогу забыть. Вот он, шрам.

СТРАЖ ЗАПОЛЯРЬЯ

Имя есть. Но не так уж и важно,
Как потомки его нарекли.
Быть осталось ему – только стражем
Этой каменной русской земли.
Только стражем! Ни милым, ни мужем,
Ни веселым и сильным отцом...
Эти облики вымело стужей
И сожгло беспощадным свинцом.

Павшие на поле брани... Они осуществились не полностью. Они могли стать и наверняка стали бы мужьями, отцами, художниками, землепашцами, астронавтами... Но война убила эти возможности, выжгла эти облики, оставив павшим только одну ипостась – воинскую.

Лик воина ужасен, ибо воин – это остатки человека. То, что не сгорело дотла. Наиболее твердое. Но твердое – не значит прекрасное...

Об этом думал я, глядя на «Заполярного Алешу», суровый мурманский монумент, изображающий советского бойца времен Великой Отечественной.

Это было двадцать лет тому назад. Тогда и написалось это стихотворение. Мой строгий учитель назвал его в 1982 году вершиной моего творчества. Кто знает, может, так оно и есть. Не мне судить.

ЛИЛИПУТ

Кругом смеются и поют,
А ты судьбе не рад,
Как одинокий лилипут,
Попавший в детский сад.

Кругом смеются и поют,
Идет игра в любовь,
Вершится скорый детский суд
И с воем брызжет кровь.

А ты несмело в стороне
Стоишь, умен и мал...
– Мой бог! За что все это мне?
Как я сюда попал?

Бог лилипутов говорит:
Вздыхая и кряхтя:
– Стыдись! Прими достойный вид,
Ведь ты же не дитя.

Глотай проклятый рыбий жир,
Не бойся ничего,
И знай: ты послан в этот мир,
Чтоб покорить его!

Я не мог не написать это стихотворение, ибо сам в свое время прошел через все, что уготовила судьба моему герою – унижение, непонимание, искус избранничества. Врагу не пожелаю судьбы лилипута, очутившегося среди «детсадовцев».

Вынес я из пребывания в мире маленьких человечков несколько простых истин. Во-первых, лилипут не должен позволить детсадовцам себя забить. Он обязан обороняться. И вправе использовать для этого любые средства, имеющиеся в его распоряжении.

«Покорять этот мир» лилипуту, конечно, совсем не обязательно. Достаточно и того, что он не станет смеяться, когда глупым малышам смешно, что будет не играть в любовь, а любить. Даже для этого ему потребуются все его маленькие силы – ибо детсадовцы не прощают внешне похожим на них субъектам самостоятельного поведения.

А начать надо с осознания того непростого факта, что ты – взрослый.

ЛАДОНИ

Я нравлюсь ей,
как сильный человек,
надежный и удачливый…
Со мною
она не прочь бы
скоротать свой век.
Точней, за мною,
за моей спиною.

Что ж, я привык
защитой быть для тех,
кто слаб душой,
кого сгибает ветер.
Но не спешу я
развивать успех –
в который раз
на взгляд ей не ответил.

Все дело в том,
что я ищу и сам
надежный щит
для радости и счастья.
Но не ее
беспечным волосам
меня укрыть
от ветра и ненастья.

Все дело в том,
что мне сейчас нужны
не страсти жар,
не зуд любви-погони,
а доброта.
О нет, не щит спины!

Хотя б ладони,
теплые ладони.

Я был бойцом
и остаюсь бойцом.
Но те ладони
мне необходимы –
чтоб раз в году
уткнуться в них лицом
и позабыть
про тягостные зимы.

Увы, я обманывался тогда – именно «беспечные» женские кудри и способны укрыть мужчину от всех ненастий. А то, что кажется надежным и крепким, запросто трещит по швам и рушится. Такой вот парадокс.

Любопытно, что сам ход мысли, легшей в основу этого стихотворения, – то, что любой силе нужна постоянная внутренняя опора, – был совершенно верным и мог бы, при додуманности этой мысли, уберечь меня от грядущих поражений. Но я, догадавшись кое о чем, не додумал свою догадку до конца, до парадокса. Не сказал себе: «Раз за каждой маской таится ее противоположность – опирайся на слабого». Не взял парадокс на вооружение.

Что ж, лучше поздно, чем никогда...

ВАГОНЧИК

Жизнь моя, вагончик ждет
И гудит дорога.
На моих часах – цейтнот,
На твоих – тревога.
Сверим время – и айда!
Долгий отдых вреден.
Или, может, никуда
Мы уже не едем?

Что нас манит в те края?
Что нас ожидает?
Кто же знает, жизнь моя,
Кто же это знает!
Плещет в окна белый свет
Местного разлива.
Никаких гарантий нет,
Только перспектива.

Так она никуда и не поехала... А могла бы. Я звал, уговаривал, торопил. Не поехала.

Поостыв, я понял: правильно сделала. Ничего хорошего не вышло бы из этой поездки. Не должен мужчина навязываться женщине. Он может предлагать – и то лишь один раз, не больше. Нет? Прощай!

И нет тут никакого мужского высокомерия, упаси Бог. Речь о другом. Есть в женщине что-то глубинное – то, которое выбирает. Именно оно и говорит «да». Или говорит «нет». И спорить с ним бесполезно.

Можно уговорить, уломать, улестить, увести под венец, нарожать детей... Но глубинное «нет» будет жить в женщине. В час икс оно вздыбится – и оставит тебя на бобах.

Собирайся в путь только с той, которая не колеблясь говорит «да». Будь спокоен: эту решимость она пронесет сквозь годы.

Поздновато я это понял, однако...

ПЛАТЬЕ

Я одену тебя в поцелуи...
Ни колючие иглы ветров,
Ни дождей леденящие струи
Не пробьют невесомый покров.
Не коснутся незримого тела
Наглый взгляд и чужая рука.
В этом платье свободно и смело
Ты со мною пойдешь сквозь века!

Она рассталась со мной, встретила другого. И сама стала другой.... А та, которую я одел в поцелуи, жива до сих пор – и ни один мужчина не в состоянии коснуться ее. Невесомый покров, сотворенный моей любовью, отталкивает чужую руку.

Больше я никого так не одевал в своей жизни. Хотя были, как выяснилось впоследствии, и более достойные кандидатуры.

РЕКВИЕМ

I.

День придет – и незримый затеплится взор,
В глубину неземного смотря полушарья,
И волшебно осветится тесный простор,
И ответит бесстрастный заморский прибор,
Кто грядет к нам с тобою – Иван или Марья.
Не ответит он только, какая душа
В этот мир посылается... Добрая? Злая?
Ты одна это знаешь. Живешь не спеша,
Чутко спишь. И в неявленный мир малыша
Твой невидимый взор проникает, пылая.

II.

Все связано в жизни земной.
– Алло? – И, как черная птица,
Пронзил меня голос родной:
– Любимый! Никто не родится...
– Алло!.. – Без сознанья и сил
Я вышел на сумрачный ветер.
– За что? – я у Бога спросил.
– А помнишь? – Он тихо ответил.
И вспомнил я давний скандал
И голос из той же больницы:

– Я сделала, как ты желал,
Проклятый... Никто не родится!

III.

Из окошка больничной палаты,
Вся в слезах, ты глядишь на меня –
И сгущается сумрак расплаты
За сиянье прошедшего дня.
Тьма кругом! От животного страха
Все дрожит в моей хрупкой душе.
Но лицо твое светит из мрака
И ему не погаснуть уже.

IV.

...Она не увидела света,
Который мы жизнью зовем, –
Безгрешная девочка эта,
Уснувшая в лоне твоем.
Давай же попросим, родная,
Чтоб сон ее длился века,
Был чист, как молитва земная,
И ласков, как Божья рука.

V.

Апрельской зябкою порой
Ты к нам придти не захотела –
В шершавый ящик, в гроб сырой
Убрали крохотное тело.
– Зачем? – рвалось в моей груди, –
Зачем же, дочь, скажи на милость?
Иль так все страшно впереди,
Что ты родиться не решилась?

VI.

Мы берегли тебя,
Но не сумели сберечь.
Мы не услышим
Твою голубиную речь.
Мы не увидим
Твоих удивительных глаз,
Мы не узнаем,
В кого ты такая у нас.
Спи, наше горе!
Мы больше не встретимся здесь.
Спи, наша радость!
Мы помним, что ты у нас есть.

Я и сейчас убежден в том, что она именно не захотела придти в наш мир, в мою тогдашнюю семью...

Все случилось внезапно: на девятом месяце беременности сердцебиение плода вдруг перестало прослушиваться. Моей жене сделали укол – и вскоре на свет появился мертвый младенец. Помню, с каким ужасом глядел я на месиво карминного цвета на столе патологоанатома, с какой тоской на сердце заказывал маленький гробик и ехал, держа его под мышкой, по городу... Ничего внятного врачи не смогли нам сказать.

Я много думал о том, что случилось, я пытался ответить на вечные вопросы «зачем?» и «за что?». Так родилось это стихотворение.

ПТИЦА

С необходимостью земной
Смирюсь. Порядка не нарушу.
Но эта птица надо мной –
Зачем она смущает душу?

Зачем, зачем парит она
В струе незримого потока –
Так безнаказанно вольна,
Так безмятежно одинока?

Ты стремишься к воле. Но одновременно ты и боишься воли, ибо по опыту знаешь – за ней следует наказание. Парящая птица, кажущаяся с земли безнаказанно вольной, вызывает у тебя странное чувство. Она смущает твою душу, уже смирившуюся с законами «необходимости земной».

Жизнь убедила тебя: эта необходимость так велика, что ее действительно никак не обойти. Но, может быть, над ней можно воспарить? Вон ведь оно, такое же живое существо, как и ты – вольно летит себе в голубом просторе...

Эта проклятая птица, кажется, смеет еще и наслаждаться своим одиноким полетом. Никаких угрызений совести, никакой мучительной рефлексии, никакой мятежной тоски по родной душе. Ей хорошо одной, этой птице. А ты здесь один не можешь ни черта...

Это стихотворение было написано на подходе к тридцатилетию. Я уже жаждал шагнуть за барьер, который сам воздвиг перед собой. Но еще боялся сделать этот шаг. Боялся внешнего наказания и внутреннего мятежа.

Ни того, ни другого я не избегнул, конечно. За все в этом мире надо платить. Но парящая в небесах птица перестала смущать мою душу.

СМОТРИНЫ

В гости зашли мы... А может быть, это смотрины?
Слышу подруг твоих тайное рукоплесканье:
Вот зацепила! Еще один рухнул к подножью –
Рыжебородый, с глазами как лезвие бритвы.

Рядышком нас усадили на тесном диване,
В светлые чаши плеснули любимого яда,
Смотрят на нас, словно впрямь мы жених и невеста,
А не рабы бесприютной и сумрачной страсти.

Что мне сказать им? Что тесно мне в чаше уюта?
Что до краев переполнен я новой отравой?
Я еще трезв, чтобы так отвечать на вопросы.
Выпьем, подруга, за тайные эти смотрины!

Да, зацепила. Вползла, обвила, угнездилась.
Но виноваты не скользкие кольца объятий.
Лезвие бритвы в застольном тумане блуждает –
И застывает, наткнувшись на лезвие бритвы.

Вот в чем причина! Единым блистающим жестом
Вскрыты покровы – и чистая рана сияет!
Сбросим личины: мы оба – свободные змеи,
Авантюристы, преступники и блудодеи.

Вновь наливают... Что ж, выпьем за брачные узы.
В жены захочешь – промолви одно только слово.
Нас обвенчает дружок мой, заштатный священник,
К черту пославший законное пресное лоно.

Я исповедался – он мне сказал, что я грешен,
Но по глазам, что сверкали, как лезвие бритвы,
Я угадал, что любовное ложе – священно,
И что за страстью приходит глубокое чувство.

Лезвие к лезвию – чем этот мир нас удержит?
Штампом лиловым и тусклым кольцом обручальным?
Крышу мы купим. Детей неповинных не бросим.
Но и желаний не станем душить в колыбели.

Наши желанья – такие же малые дети:
Просят, канючат, голодные рты разевают...
Господи Боже, ну как их оставить без хлеба?
Как пережить их безмолвные, тайные смерти?
Что ты хохочешь над грудой любовного бреда?
Что ты так смотришь, змея моей поздней печали?
Вышло по-твоему – бедный очаг мой пылает,
Штамп выцветает, и с пальца кольцо уползает.

Завтра мы снова совьемся в клубок бессловесный,
Ну, а сегодня – плесните нам яду погорше!
Тост, говорите? Что ж, выпьем за крепкие семьи,
Верных супругов и гостеприимных хозяев.

Теперь, по прошествии времени, могу сказать однозначно: я не любил ее, это была всего лишь страсть. Любовью я называю то состояние, когда другой человек растворяет тебя всего в кислоте своего «я», здесь же имел место твердый остаток. Он бредил, подтаивая – и этот любовный бред я запечатлел белым стихом.

Глядя сегодняшними трезвыми глазами на себя вчерашнего, вижу у себя только один недостаток – чувство вины. С какого перепуга я тогда ощущал себя «преступником»? Что дурного в чувстве мужчины к женщине?

РОДНЫЕ ЛИЦА

Чтоб были в доме мясо и картошка,
Я каждым утром отправляюсь в путь.
Жена и дочь мне машут из окошка,
Любовь и жалость мне стесняют грудь.

Как жить и выжить? Как нам не сломиться?
Не ведаю... Но веру и любовь
Так бестревожно льют родные лица,
Что я на них оглядываюсь вновь.

И ясный свет в мою худую душу
Струится тихо, словно благодать.
Я не ропщу, не злобствую, не трушу,
Я должен жить. Я должен выживать!

Пройдет мой век – и бедной жизни крышу
Враз позабыв, шагну я за порог,
И оглянусь, и в тот же миг увижу
Родные лица... Чьи – укажет Бог.

И мир займется ласковым сияньем,
И мест не будет сумраку и мгле.
Любовь и вера станут оправданьем
Моей греховной жизни на земле.

Люди, обретшие счастье у семейного очага, с подозрением относятся к одиночкам, не отягощенным супружескими узами либо разорвавшим их. Старые холостяки и дев ы, в свою очередь, склонны посмеиваться над «семейным уютом». Я же, испытавший и то, и другое, скажу так: нет ничего лучше хорошей семьи – и нет ничего хуже семьи плохой. Иначе говоря, семья должна быть либо хорошей, либо никакой.

Моя собственная семья, которой посвящены эти строки, впоследствии распалась – и я очень тяжело переживал это, поскольку несколько лет она была семьей хорошей, семьей счастливой. Свет семьи, лучи любви и веры поддерживали меня на скольз ких тропах жизни.

Богу было угодно разлучить нас. К счастью, шагнув за порог семьи, я нашел в мглистом мире не только равнодушие и обман. Немало было и хорошего – доброты, нежности, понимания. Я встретил самоотверженную женскую любовь, вновь пережил собственное трепетное чувство. Родных лиц, источающих в сумрак благодатный свет, стало больше – именно поэтому я не ропщу и не злобствую. Душа моя прохудилась, это правда; но света любви и веры, льющегося отовсюду, мне вполне достаточно для жизни на земле.

ПРОГУЛКА С ДОЧЕРЬЮ

Мне уже растворяться пора,
Пропадать в пустоте голубой...
Но опять ты звонишь мне с утра:
– Папа, мы погуляем с тобой?

Ну, пойдем, погуляем с тобой,
Проскользнем меж незримых перил
В тихий город с застывшей толпой –
Тот, где маму твою я любил.

Прошагаем вдоль строгих аллей,
А потом – поперек и вокруг,
Постоим в переулке страстей,
Посидим на вокзале разлук.

А потом забредем, как всегда,
В то кафе, где ты любишь бывать,
И проглотим по шарику льда,
И на улицу выйдем опять.

Пусть уже я заметен не весь
Сквозь пласты пустоты голубой –
Не тревожься! Я все еще здесь,
Мы везде погуляем с тобой.

В твою старую школу зайдем,
В опустевший ее коридор,
И туда, где мы жили втроем,
Где окошко горит до сих пор,

И туда, где во мгле бытия
До конца растворит меня тишь...
До свидания, кроха моя!
Я вернусь, если ты позвонишь.

Бог помнит все, а вот человеку свойственно забывать. Когда-нибудь наступит день, когда мой облик начнет стираться из памяти дочери, пропадать в голубой дымке забвения. Силясь вернуть исчезающие черты, она начнет вспоминать... Это будет своеобразный «звонок на тот свет», вызов меня из небытия. Смогу ли я услышать этот звонок?

Душевное движение, вызвавшее к жизни это стихотворение, отвечает на вопрос утвердительно. Да, я вернусь, если ты позвонишь мне, дочь. И мы, взявшись за руки, скользнем меж незримых перил, ограждающих мгновенный проход из будущего в прошлое, шагнем в трепещущую на ветру бытия фотографию минувшей жизни...

Это стихотворение – не о «воскресном папе» (хотя, конечно, и о нем тоже). Я сочинял эти строки, как бы уже уйдя в мир иной.

Может быть, именно с таким ощущением надо писать и вообще все?

ОБ ОДНОМ

Одно я знаю точно: я умру...
Одна газета тиснет извещенье,
И на сыром кладбищенском ветру
Прочтут одно мое стихотворенье.
Две дочери родят одну слезу,
Одной подруге вспомнится о многом, –
И все грехи на суд я понесу,

Один, как перст, оставшись перед Богом.

А остальные, – друг, приятель, враг,
И даже тот, с кем были чуть знакомы, –
Все, как один, пойдут в один кабак,
Одним желаньем сумрачно влекомы.

В одно сливаясь, там начнется звон
То чьей-то речи, то чьего-то блюдца...
И лишь одно из ряда выйдет вон –
Одной бутылкой там не обойдутся!

Задуманная как шутка, или как упражнение для разминки (задача: уместить в одном стихотворении 12 раз одно и то же числительное, по три в каждой строфе), вещица эта неожиданно получилась у меня мрачноватой. Что делать!.. не самые лучшие свои времена переживал я в ту пору, в начале 90-х. Бросил привычное ремесло журналиста-газетчика, занялся мелким бизнесом, отнюдь не преуспевая на новом поприще; между делом писал роман, не законченный и по сию пору; ругал власти, попивал винцо... Домашние радости, правда, грели душу, – но тень «одной подруги» уже падала на светлый купол семьи.

Приближаясь к 40-летию, мучительно переосмысливая время, себя и людей, я медленно терял веру в свои силы, в освященную небесами необходимость своего бытия. Грех уныния овладевал моей душой.

И все-таки я пытался шутить!

РАННИЙ УХОД

Для нее – не трагедия,
Для меня – не беда.
Ухожу на рассвете я,
Сам не зная, куда.

У ворот палисадника
Обернет голосок :
– Мама, где же наш дяденька?
– Он приснился, сынок...

К счастью или к сожалению, но такой ситуации, какая описана в этом стихотворении, в моей жизни не было. Никогда. Не выходил я рано утром за резной палисадник, не оборачивался на детский голос. Все это я выдумал.

А стихотворение, однако, получилось. Парадокс? Ничуть. Всего лишь подтверждение того известного факта, что авторское воображение способно создавать вещи, выглядящие как сугубая реальность. А то и еще реальнее.

Сочинил я эти восемь строк, конечно, совсем не для того, чтобы возвысить творческую фантазию и опустить действительность. Нет, я просто хотел нарисовать одну из тех «привычных трагедий», которыми полна современная русская жизнь – трагедию бессемейности и безотцовщины.

А еще мне хотелось передать читателю тот трепет, который испытывал я сам, сочиняя эти строчки.

СВЕЧА

Идут года. Но помню я тот дом,
И голос тот, во тьме дрожавший глухо.
– Ты молишься?
– Молюся.
– А о ком?
– А обо всех, – ответила старуха.
– И обо мне?
– Поди-ка спать ложись
И не броди тут попусту до свету!
– Иду, бабусь... А есть у мертвых жизнь?
– А ты как думал! Неужели нету!
И я не знала... Да случилось мне
С покойною сестрицею моею
Запрошлым летом свидеться во сне,
Вот как с тобой, беседовала с нею.
Поговорили о делах мирских,
Да как живу... А я живу-то просто –
Не ем на злате, не хожу в куски
И доплетусь однажды до погоста.
Ой, что там я! Об дочке вот реву –
Мужик в бегах, одной зарплаты мало.
И не помочь, без пензии живу,
Военных справок не насобирала.
Дед слепнет, катарахта у него,
А сын все пьет. Почто, скажи на милость?
Зальют глаза, не видят ничего...
Уж под конец я, дура, спохватилась –
Присела против явленной души
И говорю ей этак осторожно:
«А ты хоть мне маленько расскажи,
Как тут живут, и чье тут царство... Божье?»
А та вздохнула тяжко, словно въявь:
«И тут все то же... Только свету мало.
Ты нам хоть свечку, милая, поставь –
Нехорошо в потемках...»
И – пропала.

...Идут года. Но только стоит мне
Закрыть глаза – и вижу я мгновенно
И дряхлый дом, и тени на стене,
И бабку, преклонившую колена.
Пред нею жарко теплится свеча,
И яркий свет горит в глазах открытых.
О, как ее молитва горяча
О всех ушедших, темных, позабытых!..

Мою бабушку по матери, мологскую крестьянку Елизавету Колесову в ранней молодости выдали замуж за инвалида 1-й мировой Александра Ковалькова, на семь лет старше ее. «Линьке» нравился другой паренек, но с отцами в те годы не спорили. А потом

стерпелось-слюбилось – и Елизавета Ивановна с Александром Ивановичем прожили 60 лет в полном согласии, вырастив четверых детей.

Я помню маленькую сухонькую старушку, вечно хлопотавшую то дома, то на огороде, пугливую и простодушную, радетельницу за всех и вся, с детским изумлением воспринимавшую все чудесное. Сон, однажды рассказанный ею, врезался в мою детскую память – и я впоследствии почти без изменений перенес его в свое стихотворение. Больше всего меня, помнится, поразило, что на том свете – «все то же», что и на этом. Подумать только: не марсианские пустыни, не корабли капитана Грэя, не всадники без головы – а те же ухваты, горшки, сенцы, кладовки, огурцы с пирожками, «пензии» с «катарахтами»... Боже, неужели?

Повзрослев, я дивился уже другому – неистребимости любви-жалости моей бабушки ко всему живому, всеохватности ее сострадания, самозабвенной готовности помогать каждому, кто в этом нуждается. Во мне, ее внуке, всего этого оказалось уже значительно меньше.

Какими-то вырастут мои внуки?

ЗАРЕЧНАЯ ДЕВОЧКА

Эта девочка станет дояркой,
Выйдет замуж за Кольку-сморчка.
Будет жизнь ее серой, неяркой,
Неширокой, как эта река.

И в извивах житейского русла
Спрячет, детским мечтам вопреки,
И разливы весеннего чувства,
И глубины осенней тоски.

Сколько раз, проносясь по срединной России то в вагоне поезда, то в салоне автомобиля, я натыкался на взгляд деревенского ребенка – и сердце мое сжималось от горького знания: это дитя изначально обделено. То ли крепостническо-коммунистической властью, то ли дедом и бабкой, не сумевшими вовремя сбежать в город, то ли самим временем своего появления на свет, – но обделено. Обижено.

Сегодня я смотрю на это совершенно иначе. Думаю, что городская жизнь ничуть не ярче деревенской, а широта не заменяет глубины. Что если «Испании» нет в сердце, то никакая Барселона не поможет. Что у каждого человека своя судьба. И что жалеть, – по самому высшему, «гамбургскому» счету, – никого не нужно. Ибо абсолютно неизвестно, кто из нас счастливее на этом свете.

Но тогда, когда сочинялись эти строчки, мне было всего лишь слегка за тридцать – и я совершенно искренне лил слезы над судьбой «заречной девочки».

Только искренностью и держится это восьмистишие. Да еще, может быть, образным решением...

МЕЛКОВОДЬЕ

Пусто, мелко... Пугливая стайка мальков
Пронесется с привычной боязнью.
На зыбучей грязи слабый след от подков –
Чуть заметны заплывшие язвы.

Это всадник промчался. Навеки исчез –
И давно уже след не клубится.
Кочки высятся над отраженьем небес,
Птица глянет – и мимо стремится.

Тишина. Даже ряби не видно нигде.
Шум реки приглушен и невнятен.
Рак свистит на безрыбье. И в теплой воде
Бродят тени от солнечных пятен.

Всадник – это Солженицын. В конце 70-х я его буквально обожествлял, считая всех остальных лгунами и лизоблюдами (за исключением, конечно же, Юрия Кузнецова, которому в вышеприведенных строчках совершенно рабски подражал). Пугливые мальки, пятящиеся назад раки, кочки на ровном месте – вот чем представлялась мне тогдашняя имперская литература. Это потом я осознал, что раки живут только в очень чистой воде...

А в то время, когда писалось это стихотворение, мне ужасно не хватало «ряби». Я сожалел о том, что шум реки приглушен (не имел ли я в виду радиоглушилки?) и печально наблюдал, как зыбкий ил затягивает слабые следы всадника, бесстрашно уязвившего родную грязь и покинувшего пределы великой державы. Как тогда представлялось – навсегда...

ПЕСНЯ ИВАНУШКИ

Наплутавшись по кустам,
Выйду в поле я.
Здесь – колония, а там –
Метрополия.

Потихоньку доберусь
И до берега.
Здесь – заплеванная Русь,
Там – Америка.

Там – другие города,
Много всякого...
Но колючая звезда
Одинакова.

Не глядели б на нее
И глаза мои...
Что, родное дурачье,
Едем за море?

А что? Почему бы не махнуть и за море, коли дома тошнехонько? За морем житье не худо, как говорили еще царю Салтану купцы-корабельщики. А они-то уж объехали весь свет, всякие чудеса видали...

Но стоит мой герой на морском берегу – и не тянет его в хваленую метрополию. Век информации отменил купеческие байки, знает доподлинно Иванушка: там, под сенью статуи Свободы, давным-давно «все схвачено» такими же мерзавцами, какие властвуют и дома, на заплеванной Руси. Даже символ у них одинаковый – колючий пятиугольник, звезда расчета, наживы, коварства. Покуда он в силе, не будет Иванушка счастлив ни на родной земле, ни на чужбине.

Стихотворение написано в конце 80-х годов – и мой герой еще не знает, что всего лишь через несколько лет русскую землю так тряхнет, что звезда Соломона слетит с ее флага. Но креста на этом флаге до сих пор нет. И долго еще не будет ни мира, ни покоя в душе каждого православного, живущего на Руси.

С этим стихотворением произошла любопытная история. Опубликованное в 1990 году в журнале «Наш современник», оно было вскоре перепечатано в Нью-Йорке, в газете «Русский голос». Я и знать об этом не знал, сидя в своем Ярославле. Но вдруг мне позвонил знакомый редактор из местного издательства:

– А ты слышал, что тебя в Америке напечатали? Мне тут ребята из КГБ газетку принесли... Зайди, возьми на память.

Зашел, взял. И правда: Нью-Йорк... Однако!.. – подумал я, – не зря свой хлеб едят ребята, каждый чих отслеживают. За такими – как за каменной стеной.

К сожалению, ошибочка вышла. Отслеживать перепечатки стихов ребята, и правда, умели. А вот русскую империю уберечь не смогли. Или не захотели. Видно, самих за море потягивало.

ПОБЕГ

А не сорокы втроскоташа –
на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком...

И крик половчанки: «Вернись!»,
И свист настигающих копий...
Покинула русская мысль
Пределы закатных утопий.

Бежит она лугом седым,
Бежит она сумрачным бором,
И ловит Отечества дым,
И дышит родимым простором.

Стихотворение написано в «горбачевские» времена – и под половчанкой я разумел компартию. Это она, простирая зовущие руки, всю вторую половину минувшего века умоляла русскую мысль возвратиться к партийному лону, припасть к теплым сосцам, покаяться... Но кони уже мчали нас на родину, к нашим богам, к нашим святым – и, оглядываясь назад, мы в упор не видели ни сбереженной большевиками державы, ни возведенных ими шлюзов и домен. Кровавые утопии Маркса плескались у нас в глазах, стоны узников ГУЛАГа терзали наши души – и, нахлестывая сами себя нагайкой гласности, мы мчались вперед – навстречу Ельцину и Березовскому, навстречу бартеру и дефолту. Мы дышали полной грудью и были счастливы.

* * *

Кризисы власти и пропасти духа...
Нет, не они занимают меня.
Все мне мерещится эта старуха,
Что вечерами сидит без огня.
Думу ли думает? Молится ль Богу?
Смотрит ли молча во тьму бытия?
Знаю: тревожится... Эту тревогу
На расстоянии чувствую я!

В самом конце 80-х я испытывал ту же тревогу, что и героиня моего стихотворения: в стране было неспокойно. Пожалуй, впервые с 1941 года русских людей начинал охватывать глобальный страх за будущее – свое, своих детей, своего народа, своей земли. Тьма бытия воочию разверзалась перед нами – и потемки наших душ тут же откликнулись, завибрировали в ответ.

Эта вибрация постепенно, год за годом, овладевала большинством. Тем большинством, которое, собственно, и есть русский народ. На краю надвигающейся пропасти мы очнулись – и стали хвататься за все, что могло спасти. Для одних это была свобода слова, для других – деньги, для третьих – религия, для четвертых – политика. Но все началось с тревоги, с ее тонких вибраций.

Каждый из нас, тревожась, самим этим фактом доказывал, что он – часть некоей биологической массы, которая безусловно ощущает свою общность. Эта масса, такая, на первый взгляд, разнородная, оказывается, совершенно одинаково воспринимает сигнал бедствия. Значит, в своей глубине она едина.

Вот вам и еще один этнообразующий фактор, господа «гумилевцы». Запишите меня в ваши ряды!

КАЧКА

На подъеме кипящего вала
Наш кораблик вовсю завилял –
И команда, трясясь, наблюдала,
Как мотал рулевого штурвал.

Только сменщик не вынес напряга,
Прекословья души и ума.
Но не сделал и полного шага,
Как под ним загуляла корма.

Ухватясь не за руль, а за стопку,
Он поник и наморщил чело...
А кораблик швыряло, как пробку,
И на острые рифы несло.

Но на миг усмехнулась фортуна –
Вдруг застыли седые валы
И презрительный голос Нептуна
Рявкнул яростно: – Ну и козлы!

Заменить рулевого нетрудно,
Да еще на таком вираже...
Только как вы удержите судно,
Раз от качки трясетесь уже?

Это стихотворение посвящено ГКЧПистам – пьяным русским дурачкам, на мгновение поверившим, что они способны «навести порядок» в трещащей по швам империи. Лично я испытал чувство глубокого презрения, увидев на экране телевизора этих недоделанных пиночетов. А отец моего приятеля, лично в свое время знавший комсомольского алкаша Янаева, повалился на свой ярославский диван, задрыгал ногами и дико захохотал:

– Это Генка-то Янаев – путчист? Держите меня семеро!

Руки, берущие власть, не должны дрожать. Для русского человека это – аксиома.

ОКТЯБРЬ. КОНЕЦ МИФА

Зря ты старалась, Европа-старуха...
Видишь – экраны твои задымив,
Сумрачным символом русского духа
В небо уперся обугленный миф.

Мифу конец, и конец суесловью –
Пушки палят, и на тот же алтарь
Той же рукою, забрызганной кровью,
Новую жертву кладет Государь.

Каждый, кто увидел однажды на экране телевизора (или, тем более, воочию) обугленный остов здания российского парламента, записал на своей подкорке: этой страной правил, правит и будет править Государь, думская говорильня для русских – всего лишь игрушка, ширма для отвода глаз. Миф о том, что России подходит демократия европейского образца, обуглился на глазах у всего мира.

Я скорбил о невинно убиенных. И в то же время отдавал себе отчет в том , что смута кончилась и к власти в стране, наконец-то, пришел Государь. Да, жестокий. Да, недалекий. Да, корыстолюбивый. И при всем том – обладающий реальной властью и, следовательно, способный хоть какое-то дело довести до конца.

Жертва, положенная Ельциным в октябре 1993 года на алтарь российской государственности, еще долго будет дымиться в русской памяти. Но кто знает, что случилось бы с моей многострадальной родиной, победи тогда Руцкой с Хасбулатовым...

БАТЮШКА

Триптих

I

Заштатный поп подсел ко мне –
И мы с ним набрались,
Как говорят в моей стране,
До положенья риз.

Он объяснил мне горячо,
Что жизнь профукал зря,
И горько плакался в плечо,
Владыку матеря.
А я старался, что есть сил,
Чтоб не плутала речь.
«Куды же бечь? – я говорил, -
Куды же, отче, бечь?

На свете нет других Россий
И кратки наши дни.
Коль не по нраву Алексий –
К Виталию рвани!»

Он всуе вспомнил Божью Мать –
И мы в который раз
Друг друга стали целовать,
Как принято у нас.

II

По вечерам, гуляя на реке,
Его встречаю... С матушкой на пару,
Сухой, как палка, с палкою в руке
Порывисто шагает по бульвару.

Поцеловав, свершает скорый суд:
– Ну, что, стервец, дорвался до корыта?
Забыл Писанье: в рай не попадут
Те, кто сегодня ест и пьет досыта.

На исповедь не ходишь, мать твою...
И в храме не был, почитай, полгода.
Возьму однажды – и лицо набью,
Чтоб вспоминал, какого ты прихода!

Я слушаю, лукавый Божий раб,
И выступаю с критикой ответно:
– Святой отец, я грешен, ибо слаб,
Но и в тебе смиренья не заметно...

– Есть грех такой! – кивает головой
И озаряет светлою улыбкой
И этот миг, и тощий образ свой,
И дух мой, нераскаянный и зыбкий.

И мы стоим над медленной рекой,
Озарены мгновением привета,
И молча смотрим, как в земной покой
Нисходит чудо гаснущего света...

III

– Живи, терпя! – он сказал себе,
Но болью затмило свет.
За что эта кара в его судьбе?
Ответа доселе нет.

Когда эта боль перешла за грань,
Его усыпил наркоз.
Живот распороли. Полезла дрянь,
Которую черт занес.

А он увидал золотистый свет
И медленный коридор.
На грани грядущих и прошлых лет
Услышал негромкий спор.

Чьи речи прорезались сквозь наркоз?
Кто спорил о нем? Бог весть...
Он ясно расслышал один вопрос:
– Быть может, оставим здесь?

И ясно расслышал один ответ
Из морока своего.
Сквозь стены властно пробилось:
– Нет! Там молятся за него!

И тихо пополз коридор назад,
Померк золотистый свет.
Чьи руки спасли его? Чей догляд?
Ответа доселе нет.

Страдая и радуясь, он живет,
У смерти молитвой взят.
Суровою ниткой зашит живот –
И швы день и ночь кричат:

– Другие не встанут, но ты – восстань!
Знать правду дано тебе.
Ты – нужен. И даже уйдя за грань,
Не волен в своей судьбе.

Пусть даже всего для одной души
Ты нужен, – живи, терпя!
Так велено свыше. Иди. Служи.
Здесь молятся за тебя.

Я человек не церковный, но в 90-е годы, совсем неожиданно для себя, приблизился к Церкви. И храм помогал восстанавливать, и свечами торговал, и крещение народа в Волге организовывал. Даже в число учредителей церковной общины вошел. Само собою, подружился с несколькими «попами». Колоритные люди! Умные, деятельные, с обязательной хитринкой, многие – с непростой судьбой. Один прежде шофером был в коммерческой фирме, другой лекции по научному атеизму читал, третий в «Памяти» пребывал... Все ныне батюшками стали, паству окормляют.

Портрет одного из них я и попытался нарисовать в своем «триптихе». Все в этих строчках правда – и обстоятельства нашей встречи с о. Николаем, и подробности наших взаимоотношений, и рассказ о его клинической смерти от гнойного перитонита. Еле тогда откачали его – но жив святой отец и по сию пору. Служит в Ярославле, в храме Владимирской Божией Матери.

РУКА ВОСТОКА

Треснул купол земного пространства,
Предвещая грядущий конец, –
И в разлом христианского царства
Молча глянул языческий жрец.

Осмотрелся средь шума и срама –
И костлявой рукою своей
Втиснул плиты восточного храма
Между северных ярких церквей.

В чуждом мире, как в дикой пустыне,
Помаячив, исчезла рука.
Щель закрылась. К восточной святыне
Заструилась людская река.

И течет она долгие годы...
Иногда отворяется щель,
Смотрит жрец, как чужие народы
Опускаются в темный туннель,

Как безмолвно выходят наружу,
Приобщенные к смерти самой...
И нисходит покой в его душу,
Отягченную вечною тьмой.

Сотням миллионов моих сограждан хотя бы раз в жизни довелось исполнить этот странный языческий обряд: встать в очередь, медленно подойти к зиккурату, спуститься вниз, под его плиты, в благоговейном молчании обойти мумию – и, поднявшись по ступеням, выйти на поверхность...

Смысла этого ритуального действа, судя по всему, не понимал никто из принимавших в нем участие, – не понимаю до сих пор и я. Ясно, что обряд этот древнее и коммунизма, и православия; ясно, что все, посещавшие мавзолей Ленина, уподоблялись Одиссею, спускавшемуся в царство мертвых; ясно, что люди, воссоздавшие этот ритуал в XX веке от рождества Христова в самом сердце православной державы, руководствовались не столько сиюминутной идеей, сколько императивом некоего архетипа... Ясно только это – и не более.

Надо надеяться, что исследования будущих историков и психологов прольют свет на подлинное содержание мрачного ритуала. Я же, сам несколько раз совершавший его, в своем стихотворении только попытался передать свой мистический ужас перед волей далекого жреца, разорвавшего тонкую пленку времени и заставившего моих современников исполнять понятный лишь ему одному магический обряд...

ТАЙНА ВОЖДЯ

За светлой маской исповедника
Лютует мрак степных кровей.
– О, дщерь моя! Роди наследника! –
И раздвигает ноги ей.

– Пусть вечный космос станет временным,

Пусть древний хаос в мир придет,
Пусть внук далекий станет демоном –
И отомстит за наш народ!

Это стихотворение навеяно просочившимися в печать сведения ми о происхождении Владимира Ульянова (Ленина). Писательница Мариэтта Шагинян, а вслед за ней Владимир Солоухин раскопали в астраханских архивах любопытный факт из жизни предков «вождя мирового пролетариата». Оказывается, дед Ленина, Николай Ульянов, калмык по национальности, в довольно зрелые уже годы взял в жены собственную 19 - летнюю дочь, забрав ее из семьи купца Моисеева, где она с детских лет жила в услужении.

Законы империи запрещали кровосмешение, но ушлый калмык уговорил другого калмыка, Алексея Смирнова – и тот удочерил дочь соплеменника, дав ей свое отчество, свою фамилию, а заодно уж и новое имя. Теперь «Анну Алексеевну Смирнову» (а на самом деле – Александру Николаевну Ульянову) мог спокойно взять в жены ее собственный отец, когда-то сам сдавший ее в рабское состояние.

Тятя с дочуркой прижили четверых детей – Васю, Машу, Федосью и Илью, причем Илью жизнелюбивый калмык сотворил в возрасте 67 лет. Рецессивные гены тут же дали о себе знать даже внешне: отец будущего вожд я рано облысел, картавил, внезапно и резко хохотал – и все эти черты (да только ли эти?) унаследовал внук калмыка, Владимир Ильич...

Меня в этой истории заинтересовал, впрочем, не столько матримониальный, сколько метаисторический ее аспект. Подумат ь только: в христианской империи крещеный инородец спит с собственной дочерью – и через поколение в этом роду появляется на свет сущий демон в человеческом образе, ненавидящий христианство и люто сокрушающий, после своего восхождения на имперский прес тол, весь православный космос. Космос, казавшийся русским людям вечным...

Я обратился к истории калмыков, единственного народа в Европе, официально исповедующего буддизм, потомков вольных ойратов... И подумал: так ведь обращены -то в православие они были, наверняка, не по доброй воле. С чего им было любить русского Бога? Они, конечно, ходили в церковь, крестили лбы, исповедовались. Но...

ОТМЩЕНИЕ

Когда цвела родная грязь
Семью цветами рая,
На тонкий запах сволоклась
Вся сволочь мировая.

Была огромной эта рать –
Топтать и рвать готовных,
И не смогли ей помешать
Ни сторож, ни садовник.

Летели шапки георгин,
Головки роз прелестных...
Но тут опомнился один
Разбойничек из местных.

И порешил по одному

Зачинщиков налета,
А остальных упек в тюрьму,
В сугробы и болота.

И сам погиб в расцвете сил,
Убитый негодяем...
Зачем он это совершил?
Теперь уж не узнаем.

Никто не вспомнит ничего
Про схватки роковые.
Но на могиле у него –
Всегда цветы живые.

Зло подчас побеждается не Добром, а еще большим злом. Тут, как считают некоторые, одна из загадок нашего бытия, усмешка Мефистофеля над бедной Землей.

Я так не думаю. Я склонен полагать, что Мефистофель – всего лишь слепое орудие в руках Бога. Творя высшее Добро, сам дьявол об этом сплошь и рядом не догадывается.

«Отмщение» – иллюстрация этой идеи применительно к сталинским временам. Никакой особенной любви к герою стихотворения, кремлевскому горцу, я никогда не испытывал – но ощущение некоей Высшей Справедливости, творимой кровавыми руками Ежова и Берии, до сих пор живо в моей душе.

«Аз воздам, – говорит Господь человеку. – Я отомщу за твои мучения, за твои страдания. Я, а не ты. А как воздам, чьими руками – это дело Мое, и только Мое».

СИРИН

В бедном краю средь мышиных равнин
Жду луноокую птицу Сирин.
В темном столетье не видно ни зги.
Вот она, вот она чертит круги!

Вот она мчит над холмами знамен,
Вот огибает поверженный трон.
Села поодаль – и с той стороны
Глянули вдруг две зеленых луны.

Что ты тут делаешь, птица Сирин?
Лучше б летала меж диких маслин,
Или дремала на римском холме...
Что ты тут делаешь, в горе и тьме?

Слышу в ответ сквозь печальную мглу
Хохот веков: «Улу-ла-а!.. Улу-лу-у!..».
Эхо смолкает. Как смутные сны,
Медленно гаснут две круглых луны.

Годы проходят. Не видно ни зги.
Мыши кишат – не поставить ноги!
Тлеют знамена, и выход один:

Ждать луноокую птицу Сирин.

Прянет навстречу из бездны времен,
Сядет неслышно на брошенный трон
И забубнит: «Улу-лу-у!.. Улу-ла-а!..»,
И над равниной раскинет крыла...

«Улула», – так называли сову древние латиняне. Попробуйте несколько раз произнести это имя – и вы более или менее точно воспроизведете голос птицы, бормочущей свое имя с высоты каждого из семи холмов великого Рима. «Сирин» (с ударением на последнем слоге) – церковно-славянское имя этого удивительного существа.

Слетев с римского холма и на мгновение опахнув своим крылом древнерусскую литературу (Див, что кличет земле незнаемой со страниц «Слова о полку Игореве» – это филин), мудрая птица пригрезилась Александру Блоку. В дневниках он писал: «Победоносцев бесшумно, как сова, садится на краешек императорского трона», а затем в поэме «Возмездие» нарисовал угрюмую картину времени, прожитого Россией в тени огромных совиных крыл «колдуна» (на самом деле – умнейшего государственного мужа России).

Скоро век, как императорский трон повержен в прах; русские знамена, взметнувшиеся было над Берлином, свалены ныне в груды высотой с римские холмы, – но над ними, неслышно перелетев из тьмы века минувшего во тьму века наступившего, по-прежнему кружит луноокая птица русской государственности. Стаи мышей вольно пасутся сегодня на равнинах моей отчизны, поэтому птице голодать не приходится. Обернувшись на миг Владимиром Путиным, она проглотила нескольких отожравшихся на дармовых харчах грызунов – и вновь пропала. Улетела в бездну времен? Или просто смежила на миг свои зеленые фосфорические глаза? Поживем – увидим...

Наступят ли вновь на русской равнине благословенные времена , вроде тех, которые Александр Блок заклеймил как «глухие»? Раскинет ли над Россией крыла птица Сирин?

Об этом я и размышляю в своем стихотворении.

СОГЛЯДАТАЙ

Стыдливыми были объятья
И робким – монарший запал,
Поскольку свидетель зачатья
У брачного ложа стоял.

Следил он за каждым движеньем
Любовной игры и борьбы...
И стал с той поры наважденьем
Убийственной нашей судьбы.

Незримым остаться пытаясь
В тени естества своего,
Он хочет, чтоб не было таинств
И не было тайн от него.

Еще и не ведаем сами,
Что сделать намерены мы, –
А он уже дышит над нами,
А он уже смотрит из тьмы!

Общеизвестный факт русской истории – желая произвести на свет наследника, император Николай II совокуплялся с императрицей Александрой при свидетеле, шарлатане и шпионе Низьере Вашоле из Лиона. Наследник в результате так и не появился, а авантюрист, выдававший себя за врача и медиума, укатил, изрядно обогатившись, в прекрасную Францию.

Бог бы с ним, с проходимцем, а заодно и с безвольным царьком великой державы, – но есть в этой истории и свой, скажем так, потаенный смысл. Совсем неспроста оно, это пристальное, из века в век не слабеющее внимание чужестранцев к самому сокровенному у нас, совсем не случайны эти глаза соглядатая, горящие во тьме над Россией.

Чего они ждут? Что мы родим Антихриста?

ГЕРМАНИЯ

Диптих

I.

Что мне привиделось? Дым до небес,
Взорванный танк за горящею хатой,
Гете со шмайссером наперевес
И Достоевский с последней гранатой.
Что мне послышалось? Крики вдали,
Плач матерей, безутешный, как вьюга,
И шепоток, словно из-под земли:
– Что же вы стали? Убейте друг друга!

II.

Германия, и ты побеждена!
Низринут дух такого государства!
Куда ни глянь, везде торчит она –
Звезда наживы, злобы и коварства.
Евгений Дюринг проклят навсегда,
У молодых Америка в почете.
Куда ни глянь, везде торчит звезда –
В огне реклам и в тихом доме Гете.
Из всех витрин хохочет Агасфер.
И лишь в углу, у винного подвала,
Мне шепчет пьяный в дым миллионер,
Что та звезда не всех еще подмяла...

Помню, как остолбенел я, увидев в 1988 году в доме-музее Гете, во Франкфурте-на Майне, горельефную пятиконечную звезду на стене. К тому времени я уже был «подкован», знал, что классик мировой литературы был деятельным членом масонской ложи. Но одно дело – прочесть об этом в самиздатовских книжках, и совсем другое – подняться по скрипучим лестницам на второй этаж родного дома великого поэта, пройтись по комнатам, и вдруг, подняв глаза, увидеть на стене, рядом с бюстом классика времен его работы над «Ифигенией в Тавриде», зловещий знак, подмявший под себя 70 лет тому назад мою несчастную родину.

Я смотрел на звезду Соломона – и не мог оторвать от нее взгляда. Так значит, эта тварь победила и Германию?

У русского человека есть масса личных поводов для размышлений о немцах. Чаще всего это поводы печальные. Один из моих дедов встретился с представителями этой нации в ноябре 1914 года под Лодзью, где армия Самсонова схлестнулась с войсками Людендорфа, попал в плен – и вернулся в родную деревню только через три года. Мои родители в детском возрасте пережили ужасы второй мировой войны, бомбежку Рыбинска. И только мое поколение, слава Богу, не сталкивалось с немцами на поле боя. Несколько раз побывав с молодежными группами в Германии в 80-х годах, я убедился в том, что у молодых русских уже нет той инстинктивной неприязни к немцам, которая была у наших отцов и дедов. Нет ее и у меня. Осталось только жгучее желание понять, почему дважды за минувший век русские и немцы убивали друг друга миллионами и кто нашептал двум великим народам идеи вечной вражды.

МОЛЬБА

У твоего порога –
Свирепая резня...
Родная, ради Бога,
Не тщися их разнять.
У них иные нравы,
У них иной закон –
Жестокий и кровавый...
И да свершится он!

«Двое дерутся, третий не мешай», – гласит русская пословица. Всякий раз, когда моя Родина, не соразмерив сил, вмешивается в сраженья чужих пауков и, в итоге, в очередной раз платит за это кровью своих сыновей, я испытываю сильнейшее желание сказать ей: оставь, не лезь! Займись своими проблемами – вон их у тебя сколько...

Сегодня, правда, желания защищать справедливость за пределами своих границ у России поубавилось. Неудивительно: страна обескровлена криминальным режимом. Что ж, нет худа без добра. Одно тревожит: а если снова силенок поднакопим – снова полезем в чужие драки?

ГОРОШИНА

Вот он, новый пророк,
О котором не знает Европа:
На разбухший горох
Он наводит зрачок микроскопа.

Он библейский дурман
С пионерских ногтей отрицает,
Но глядит на экран –
Там росток над горохом мерцает!

Вновь глядит на горох:
На росток никакого намека...
Не иначе, как Бог
О грядущем глаголет до срока.

Но ведь Бога же нет!
Он об этом доподлинно знает!
И, схватив табурет,
С тихим воплем в экран запускает.

Сгинь, мерцающий свет!
Только тьма в этом мире нетленна!
Тебя нет! Тебя нет! –
Шепчет он, преклоняя колена.

Но разбиты уже
Сатанинского века химеры.
И в дремучей душе
Прорастает горошина веры.

К вере приходят по-разному. Герой моего стихотворения, ученый-биолог советских времен, встретился во время одного из своих экспериментов с т.н. «эффектом супругов Кирлиан» – направив электронный микроскоп на пространство над разбухшей горошиной, увидел вместо «пустоты» зыбкий абрис будущего растения. Поняв, что испепеленное марксистско-ленинской критикой «предопределение» реально существует, он поверил в Бога.

Историю эту мне рассказал мой приятель, а тому – сам ученый. Его имя – Фатей Шипунов.

ЕРЕТИК

Во мглу тысячелетья
Сошел на краткий миг
Великого наследья
Великий еретик.

Новейшего Завета
Предтеча и пророк.
Смотри – он полон света
От головы до ног!

Как солнечные птицы,
Легли его персты
На ветхие страницы
И новые листы.

И до скончанья мига
Нам слышать в темноте:
– Зачем вам эта книга?
Она – не о Христе!

Как? Книги Ветхого и Нового Завета – не о Христе? А о ком же? Что это еще за новая ересь?

Не такая уж и новая. Да и ересь ли? Просто герой моего стихотворения считает, что эти книги – не столько о Христе, сколько о явлении Христа некоторым народам Ближнего Востока. Вот и все.

Но ведь Он больше никаким народам и не являлся! Разве не так?

Вот тут стоит задуматься. Если некий народ (например, русский) никогда за всю свою историю не видел своего Бога, не встречался с Ним, не чувствовал на своей истории Его длани, если знает о своем Боге только из книг, написанных в другой стране, представителями другого народа – может ли он искренне верить в такого Бога? И, опять же, если Бог ни разу не снизошел до своего народа, не был явлен ему – Его ли это народ?

Ни в Ветхом, ни в Новом Завете ни словечка нет ни о русской , ни о десятках других земель, где живут верующие в Него. Что же это значит? Что Господь наш там не был? Или все-таки Он был везде, где собирались во имя Его – и просто свидетельства об этом пребывании еще не собраны и не опубликованы?

Герой моего стихотворения – пророк, возвещающий о Новейшем Завете, о грядущей Священной Книге, в которой будут собраны все (а не выборочные) свидетельства о Боге, в которого веруют сотни миллионов землян.

В том числе и о том, как являлся Он в силе и славе русским людя м. Как входил в наши сердца, судьбы, семьи, события. Как поворачивал колесо русской истории.

ЛЕБЕДИ

Гордый лебедь скользил по воде
И глядел на свое отраженье.
Этой гордости и красоте
Я решил ниспослать искушенье.

Тихо к берегу плыл моему
Белый баловень щедрой столицы.
Крошку хлеба я кинул ему...
Что осталось от царственной птицы!

Шею выгнув, шипя как змея,
Мокрый хлеб он глотал суетливо.
Небольшая подачка моя
Всю красу уничтожила живо.

Россыпь крошек я бросил, дразня, –
И, подплыв, налетели другие...
И мгновенно пронзило меня:
Неужели мы тоже такие?

Эту мысль я поныне таю:
Неужели, как лебеди эти,
Забываем мы гордость свою
Для того, чтобы выжить на свете?

Дитя своего века, я долго разрывался между правдой социал -дарвинизма и верой в Бога, покуда не совместил их в своей душе. Сегодня на поставленный перед самим собою вопрос я отвечаю так: да, мы «тоже такие», но это не вся правда. Вся правда в том, что мы – не только такие. Мы, люди, можем быть и красивы, и горды, и царственны.

Помочь нам пореже становиться пернатыми ящерами, дерущимися за крошку хлеба, могло бы наше верное отражение – в литературе, музыке, живописи, кино...

К сожалению, мы и здесь похожи на лебедей из этого стихотворения – и предпочитаем смотреть на себя не в момент схватки за намокшую корку, а тогда, когда мы спокойны,

горды и красивы. Проще говоря, мы не желаем знать всей правды о себе, предпочитая верить в «нас возвышающий обман».

Но тьма низких истин никуда не исчезает. И дьявол, посылающий нам искушения, ежедневно видит нас «тоже такими». Я думаю, при этом его пронзает мысль: вот и я такой же, как эти люди, и я отпал от Господа, чтобы выжить в мироздании. Ну, вот, я жив – и что? Разве я счастлив?

ГРОЗА СУДЬБЫ

Грозу судьбы пережидая,
Сидишь ты, скорчась. Темный страх
Не даст тебе увидеть рая,
Оставит в скорченных мирах.

Но если ступишь одиноко
На громовой, слепящий путь –
Уйти сумеешь недалеко.
Грозу судьбы – не обмануть!

У каждого из нас она своя, гроза судьбы. И каждый страшится ее темных туч, ее зловещих сполохов. Даже тот, кто не верит ни в Бога, ни в черта, не боится ни ножа, ни пули, – даже он трясется, услышав близкие раскаты. Ибо знает: это гремит Фатум, это говорит Рок.

Но свободу человеческой воли Господь тоже не отменял. Поэтому ты волен отсидеться в укрытии, которое предоставляет тебе та же судьба. Да, ты не узришь рая, но взамен получишь жизнь. Жизнь в скорчившемся мире твоей души. Ты волен выбрать ее.

Все это, впрочем, общеизвестно. Своим стихотворением я хотел только подчеркнуть один нюанс. Человек, который выбирает громовой и слепящий путь к раю, обязан четко представлять себе, чем он заплатит за этот выбор. Только жизнью. Другой цены Господь не установил.

ДРОЖЬ РОЗЫ

Ты розу целуешь, вставая
Со смятого ложа любви –
И роза дрожит, как живая,
Ловя поцелуи твои.

Трепещут земные мгновенья...
И ты никогда не поймешь,
Что это не дрожь наслажденья –
Священная смертная дрожь.

Не хочу ли я сказать, что весь так называемый трепет земной жизни – это всего лишь предсмертные конвульсии? Можно понять и так эти строки...

В самом деле, наше рождение может быть истолковано как срезывание Богом «одной из роз» с незримого куста возможных рождений. Каждый рожденный срезан – и благоухает в стакане земного быта, в спальне Бога, на прикроватной тумбочке. Вл адыке мира нравится смотреть, как мы пламенеем, как ждем его ласк, как неумолимо, день за днем и час за часом, сникаем, теряя лепестки...

Самые хитрые из нас умеют засушить свою красоту. Но Бог потому и Бог, что не удовлетворяется стихами, картинами и описаниями минувших подвигов. Ему подавай все вживую – плоть, кровь, пот, слезы... И срезанные розы, дрожа, ловят его поцелуи.

Тот, кто живет с мыслью о том, что он однажды умрет, воспринимает мгновения земной жизни по особому – как священный предсмертный трепет. Правда, редкая роза думает об этом, понимает это. Она горит, она наслаждается жизнью, она пьет живительную влагу всей открытой раной своей души. А потом – засыхает...

ГОМУНКУЛУСАМ

Вам будет указано место,
Согласно ранжиру и полу.
Вы сможете жить интересно –
Работать и пить кока-колу.

В парламенте многопалатном
Вы станете прыгать, как дети...
И только одно запретят вам –
Знать, кто вы на этой планете.

Все чаще ты встречаешься с ними – ничего не читающими, кроме журнала «Космополитен», ни о чем подолгу не размышляющими, любящими футбольные матчи и телевизионные шоу, потягивающими то пивко, то сигаретку... Давным-давно привыкнув откровенно презирать эту урбанистическую чернь, однажды ты усомнишься в своей правоте: а вдруг да этот тупой взгляд и жующие челюсти – всего лишь маска, за которой скрывается тонкая, ранимая, страдающая душа?

И сблизишься с одним из них. И в ужасе отшатнешься: перед тобой – гомункулус! Существо, сделанное кем-то – то ли улицей, то ли телевизором, то ли «Космополитеном». Духовное быдло без проблесков интеллектуальной самостоятельности.

Их все больше на земле. И тем ответственнее твоя задача – сохранить, живя бок о бок с ними, свою живую душу. Ни в чем не уподобиться им. Всегда помнить о том, кто ты такой и кто твой Создатель.

* * *

Гром ли расколет лазурную чашу покоя,
Ливень ли хлынет на пажити ваши сухие,
Вихорь ли злой дерева затрясет, как рукою, –
Ведайте, близкие: это не я, а другие.

Если ж случится идти вам вечернею тропкой
В роще осенней – и дерево скрипнет без ветра,
Или же дождик закапает, редкий и робкий, –
Знайте: я рядом... И весть подаю с того света.

Когда-нибудь каждый человек ощутит себя суверенным Божьим созданием – и начнет вглядываться в себя. Сегодня этим занимаются только поэты и философы, но я верю, что наступят иные времена. Я верю, что «хомо рефлектирующий» постепенно оттеснит дебила, не ведающего мучительных сомнений, за пределы звания Человека, а науку самокопания начнут преподавать в школах.

Свое собственное, более или менее верное, отражение в зеркале судьбы я увидел, только перешагнув за порог тридцатилетия. Тогда и было написано это стихотворение. Приговор, отраженный в этих строчках, считаю верным и по сию пору, спустя пятнадцать лет. Быть может, вердикт излишне категоричен, – но я, вынося его, стремился прежде всего к справедливости.

ПЫЛЬ ЗЕМЛИ

Струится свет из звездного ковша,
Летящий мир незримо омывая.
Пылит Земля. Грустит моя душа
О чистоте неведомого рая.

Но здесь мой дом. Вращаясь и пыля,
Я должен жить в летящем мире этом.
Я должен жить в пыли твоей, Земля,
Хоть вся душа омыта звездным светом!

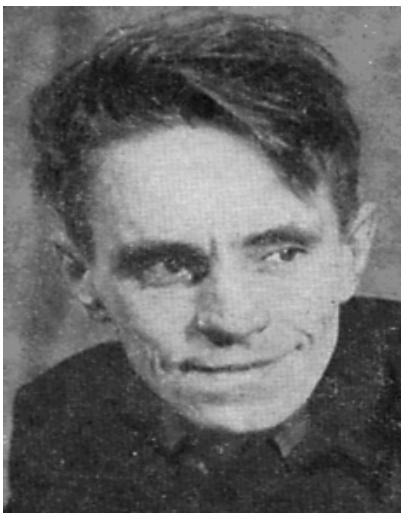
Если все время глядеть только себе под ноги – неба не увидишь. А оно, тем не менее, есть. Оттого, что мы тут, на Земле, совершаем революции, ведем войны и бьемся в ежедневном поиске куска хлеба, великий Космос не перестает существовать.

Вселенной, горит во тьме звездочка. Рядом с ней летят, вращаясь, шары ее планет. На одном из них живешь ты – мыслящая пылинка. Ты не хочешь участвовать ни в войнах, ни в революциях, ты хочешь, сидя на своем теплом шаре, вечно смотреть вверх – на шарниры мерцающего во тьме механизма бытия. Изумляться прочности этой машины. Грустить о неведомых мирах...

В этом стихотворении я попытался взглянуть на человека как бы из космической дали, сквозь мерцающий ореол звездных туманностей. Вон там, в углу Вселенной, горит во тьме звездочка. Рядом с ней летят, вращаясь, шары ее планет. На одном из них живешь ты – мыслящая пылинка. Ты не хочешь участвовать ни в войнах, ни в революциях, ты хочешь, сидя на своем теплом шаре, вечно смотреть вверх – на шарниры мерцающего во тьме механизма бытия. Изумляться прочности этой машины. Грустить о неведомых мирах...

ПАМЯТЬ

В декабре нынешнего года исполняется 90 лет со дня рождения поэта Сергея Васильевича Смирнова (1913 -1993)



Сергей Смирнов

Коронный удар

НАЗНАЧАЙ ПОСКОРЕЕ СВИДАНИЕ

Ты обычно всегда в стороне,
Но глаза твои ясные светятся.
Говорят они ласково мне,
Что со мною желаешь ты встретиться.

Сорвала я цветок полевой,
Приколола на кофточку белую.
Ожидаю свиданья с тобой.
Только первого шага не сделаю.

Значит, нужно тебе подойти,
Самому обо всем позаботиться,
А не то разойдутся пути
И любовь улетит, не воротится.

Не теряй же минут дорогих,
Назначай поскорее свидание, –
Ты учти, что немало других
На меня обращают внимание.

Сергей Васильевич Смирнов родился в 1913 году в Ялте, детство провел в деревне Глинино близ Рыбинска. С 1925 года жил в Рыбинске. Уехав в 1932 году в Москву, трудился заведующим библиотекой, проходчиком Метростроя, окончил Литературный институт имени Горького. Участник Великой Отечественной войны.

Автор более 30 книг стихотворений, член Союза писателей СССР с 1947 года. Был секретарем правлений Союза писателей СССР и РСФСР. Свыше 20 лет руководил тв орческим семинаром в Литературном институте. Лауреат Государственной премии им. М. Горького 1969 года.

Скончался в 1993 году.

ШУТКА ВСЕРЬЕЗ

Никуда от пристрастья не деться,
Но пристрастьем таким дорожу, –
У меня с ярославского детства
Есть сердечная слабость к ножу.

Разъясню, чтобы зря не болтали:
Я отнюдь не громила-пижон
И не рыцарь кровавых баталий,
Но шагаю по жизни с ножом.

Навострю, нашлифую – хоть брейся,
Все сверкает, под стать серебру.
Я беру его в разные рейсы,
Как предмет обихода беру.

Он зовется ножом перочинным,
Но такое названье старо, –
Ведь поэт, по известным причинам,
Не ножом очиняет перо.

Он о сердце перо свое точит.
Что нам злая Яга и Кощей? –
Хорошо против них, да и прочих
Быть хозяином острых вещей.

Хорошо, что не все еще спето,
Хорошо, что вершины круты.
Хорошо, что в активе поэта
Есть коронный удар остроты!

СТАРЫЙ ХРЕН И РОЗА

Решил жениться видный Старый Хрен.
Он Юной Розе нежно сдался в плен.
Но если верить достоверным фактам,
Его женитьба кончилась инфарктом.

РУКОЙВОДЯЩАЯ ШИШКА

Руководил –
Рукой водил:
Мол, мы – умы,
А вы – увы!

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Андрей Васильченко

Грезы Генриха-птицевода

Штрихи к портрету рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера

Ярославский историк-германист Андрей Васильченко работает не только в жанре сугубо научном – его перу принадлежат и своеобразные исторические эссе, и гипотезы, рождающиеся на стыках различных дисциплин и жанров. Уверенное владение материалом позволяет автору открывать новое даже в достаточно хорошо исследованных темах , нестандартно интерпретировать известные факты реальной истории Германии, нашего многовекового соседа по Европейскому континенту.

Прекрасно ориентируясь, к примеру, в истории Третьего Рейха, исследователь обращает особое внимание на присущую национал-социализму мифологизацию истории, на многочисленные попытки этого режима «подогнать» фактическую базу под теоретические выкладки, сделанные дилетантами от науки и радикалами от политики. К числу таких «теоретиков» принадлежал и печально и звестный шеф тайной полиции нацистов Генрих Гиммлер. В своей работе, написанной специально для нашего журнала, ярославский историк рассказывает о малоизвестных страницах деятельности рейхсфюрера СС на этом поприще.

На всех фотографиях он выглядит всегда одинаково: гладко причесанный, в пенсне, с небольшой щеткой усиков и застывшей в уголках тонких губ презрительной улыбкой. Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС, повинный в гибели миллионов людей, внешне был похож скорее на школьного учителя, нежели на палача. Современники вспоминали, что его манеры только укрепляли это впечатление. Гиммлер поражал всех своей «нечеловеческой исполнительностью и узколобой добросовестностью». Он напоминал машину, а не человека.

В исторической литературе укоренилось представление о нем, как о мелком педантичном буржуа, тупом и ничтожном, безвольном инструменте Гитлера, лишенном всяческой фантазии. Подобное мнение оказалось настолько широко растиражированным, что мало кто прислушивался к людям, которые лично знали главу СС. А они говорили о нем, как об «одержимом фанатике, оторванном от реальности мечтателе». Далеко не всем было суждено

Андрей Вячеславович Васильченко родился в 1975 году в Ярославле. После окончания школы поступил на исторический факультет Ярославского государственного университета имени П.Демидова, который и окончил в 1997 году. Поступив в очную аспирантуру этого вуза, трудился над кандидатской диссертацией по теме «Школьная политика германского национал-социализма», выезжал в Германию для работы в немецких архивах. В 2001 году, успешно защитившись, получил степень кандидата исторических наук. Один из немногих представителей ярославской школы германистики, характеризующейся, прежде всего, интересом к социальной проблематике, автор ряда научных публикаций.

В студенческие годы представлял в регионе интересы Молодежной партии России , был председателем общественного объединения «Лига патриотической молодежи Ярославской области». Работал ведущим специалистом организационно-информационного управления мэрии г. Ярославля, специализируясь на связях с общественно-политическими объединениями и религиозными организациями. В настоящее время – главный специалист управления информационной службы мэрии г.Ярославля.

Живет в Ярославле.

© Андрей Васильченко, 2003.

рассмотреть в этом «интеллигентном учителе начальной школы» дьявола в человеческом обличье.

Основные факты биографии Генриха Гиммлера достаточно хорошо известны. Он родился в 1900 году в Мюнхене, в семье учителя. Гебхардт Гиммлер - так звали отца будущего рейхсфюрера СС - был директором гимназии, имел чин тайного советника по ведомству просвещения. А еще Гиммлер-отец был воспитателем принца из королевского баварского рода Вительсбахов. Династия эта так и не стала правящей, хотя баварские сепаратисты возлагали на нее какие-то надежды. С юности Генрих мечтал о карьере офицера и в конце 1917 года даже вступил добровольцем в пехотный баварский полк, но на фронт так и не попал. В 1919 году, как многие фронтовики, записался в «добровольческие корпуса», а затем присоединился к нацистам. Параллельно Гиммлер не отказывал себе в удовольствии... разводить кур на ферме: в 1919 году он поступил в Мюнхенский технический университет на факультет сельского хозяйства, закончил его и получил соответствующий диплом. Именно за это в среде штурмовиков молодой Гиммлер заработал прозвища «Генрих-навоз» и «Генрих-птицевод».

Но куда больше он любил древнюю историю. Интерес к проблемам истории и культуры проснулся в нем рано и был вызван, скорее всего, переездом семьи Гиммлеров в 1913 году в замок Траузнитц, который произвел на Генриха большое впечатление, равно как и множество картин на историческую тему, собранных там.

Впрочем, свои познания в истории он начал демонстрировать достаточно поздно, уже после прихода нацистов к власти. В основном это происходило в застольных беседах, разговорах с личным врачом или другими высокопоставленными функционерами партии. При этом он делал все возможное, чтобы его воспринимали как историка-любителя. Делая замечания по немецкой истории, Гиммлер никогда не скрывал своего дилетантизма в этом вопросе. И впрямь: взгляды его на сей предмет представляли своего рода коктейль из романтизма, социал-дарвинизма и расизма. Поначалу специфический дилетантизм его воззрений объяснялся его образованием (в нем брал верх начинающий агроном с его естественнонаучными аргументами). Бывшие одноклассники отзывались о нем, как о тщеславном ученике, который был абсолютно лишен способности к абстрактному мышлению (именно это и вызывало позже затруднения в его общении с гуманитариями).

Общеизвестно, что Гитлер ненавидел немецкую профессуру, - сказывался абитуриент-неудачник. Рейхсфюрер же, напротив, симпатизировал ей. Плюнув на мнение партийного аппарата, Гиммлер окружил себя людьми с высшим образованием. Он вообще презрительно относился к «партийным плебеям», не удосуживаясь соблюдать общепринятые нацистские условности. Взять хотя бы то же пенсне, которое отличало его от прочих нацистских бонз. Рейхсфюрер в пенсне не сомневался в превосходстве немецких университетов, он был намерен использовать их в собственных целях. И если в партийном руководстве было очень сложно найти человека с университетским образованием, то среди старших чинов СС таковым был каждый пятый.

Гиммлер любил оказывать покровительство ученым, в числе его подопечных оказалось множество людей с мировым именем. Он делал все возможное, чтобы склонить ученых мужей к сотрудничеству. Такие шаги позволяли ему повысить свой авторитет в научной среде, так как его покровительство служило многим своего рода защитой от кавалерийских наскоков отдельных партийных деятелей, требовавших основательной перекройки науки. К тому же талантливые ученые жили в конкурентной среде. Рискуя лишиться своих рабочих мест, подвергаясь нападкам догматиков, они выбирали из двух зол наименьшее (тогда им казалось, что это - Гиммлер). Идя на компромисс с совестью, они надеялись, что смогут свободно проводить свои исследования под крышей СС. Но «свобода исследований» оказалась на деле «золотой клеткой»: практика показала, что ученые не имели никакого права на собственное мнение, если таковое не совпадало с мнением шефа СС. «Неудобные» факты либо отбрасывались, либо изменялись до неузнаваемости. В качестве примера подобной «научной работы» можно привести

решение, принятое главой СС в отношении доказательств гомосексуальност и Фридриха Великого. «Когда мне было предоставлено около дюжины свидетельств, - рассказывал Гиммлер личному врачу, - я отложил их в сторону и заявил, что они сфабрикованы задним числом. Моя интуиция говорит, что человек, завоевавший Пруссии место под солнц ем, не мог обладать такими склонностями, как слабовольный гомосексуализм».

Абстрактная история мало привлекала Гиммлера. Он был заинтересован в изучении духовного потенциала древних германцев, планируя установить магическую связь между предками и СС. Изучение прошлого было необходимо рейхсфюреру для преодоления вековых христианских традиций и создания германской эрзац-религии. «Как дерево засыхает, потеряв корни, - говорил Гиммлер,- так и народ обречен на гибель, если не помнит своих предков. Важно, чтобы немецкий человек вновь вернулся в вечный круговорот прошлого, настоящего и будущего, круговорот исчезновения, бытия и возникновения, круговорот предков, живущих и потомков».

Магическая связь оказалась не пустым словом. В СС она приобретала вполне конкретные очертания. Но для начала свежеиспеченной нацистской элите требовались новые святыни.

Однажды попав в Тевтобургский лес - так называется гряда Везерских гор, расположенная в земле Северная Рейн-Вестфалия, - Гиммлер увидел красивейший пейзаж. Возвышаясь на над землей, эффектно вырисовываясь на фоне неба, перед ним предстали пять неровных песчаных колонн, испещренных укромными гротами и переходами. Живописные скалы напомнили ему картинку из детской книги сказок. Расположенные на территории, изобилующей древними священными постройками, они были окутаны мистикой и легендами: согласно народным преданиям, эти камни были воздвигнуты за одну ночь, а затем оплавлены дьяволом.

Этот замечательный уголок природы имел для немцев то же значение, что и Стоунхендж для англичан. По одной версии, здесь располагался основной центр культовых церемоний каменного века; по другой - начало его использования в религиозных целях относилось к XII веку, а сам Экстернштайн - просто имитация святых мест Иерусалима, память о котором хранилась со времен возвращения крестоносцев. Видимо, когда в 722 году на смену язычеству в Германии пришло христианство, места культовых отправлений были унаследованы новой религией. В средневековые времена Экстернштайн служил убежищем христианским отшельн икам.

Наиболее примечательное место во всем комплексе - небольшая молельня, которая высечена возле самой вершины одной из скалистых колонн. Попасть туда Гиммлеру, никогда не отличавшемуся особым физическим здоровьем, было нелегко: добраться до нее можно было лишь по выбитым в камне ступеням и шаткому пешеходному мостику. Здесь глава СС обратил внимание, что у молельни нет крыши, а на ее восточной стороне находится ниша с алтарем в форме колонны, не вписывающимся ни в один из привычных стилей церковной архитектуры. Непосредственно над алтарем было расположено круглое окно. Эсэсовские специалисты уже обратили внимание, что оно направлено одновременно на точку летнего восхода солнца и самую северную точку восхода луны - две важные астрономические координаты, отмечаемые во многих каменных кругах и аналогичных сооружениях доисторической эпохи. По-видимому, молельня была построена так высоко над землей для того, чтобы удобно было наблюдать восход солнца и луны. Более того, исследователи установили, что Экстернштайн лежит приблизительно на той же широте, что и Стоунхендж - факт, который доказывал важность этого астрономического ориентира как для древних европейских астрономов, так и для жрецов.

Заметив мистическое восхищение шефа этими каменным ансамблем, один из приближенных Гиммлера, профессор Вюст, в начале 1937 года предложил создать отдельное подразделение, которое бы занималось изучением этого мегалитического комплекса. Новая структура должна была числиться в обществе «Наследие предков», которое по заказу Гиммлера занималось различными историческими исследованиями. По

мнению молодого эсэсовца, эти скалы должны были являть собой некий символ германского духа.

Заметим, что этот комплекс, как магнит, притягивал к себе различного рода магов - шарлатанов и историков-дилетантов начиная с XIX века. Во время расцвета германского романтизма об Экстернштайне писали, что он «уже в дохристианское время, в особенности, в германскую и саксонскую эпохи, был проявлением... народных верований». Националистические исследователи, поклоняясь этим скалам, создали определенный древнегерманский культ, который после первой мировой войны приобрел невероятные размеры. Он базировался на самых различных мотивах: романтизме, национализме, расовых идеях, немецком идеализме. В годы Третьего ре йха посещение этих скал стало фактической обязанностью для членов «черного ордена».

Гиммлер не хотел ничего слышать о христианском наследии этих скал. Цистерианские монахи из монастыря в соседнем Падерборне в свое время надругались над ними, создав барельеф «Снятие с Креста». Примечательной деталью барельефа был земной столп, поддерживающий, по языческим верованиям, вселенную. Чтобы показать превосходство христианства над язычеством, он на изображении был символически согнут в дугу, как бы служа опорой для ног Никодима. Последний, согласно библейскому сюжету, участвовал в снятии с Креста тела Иисуса. Местное население, по мнению Гиммлера, никогда не поклонялось этому барельефу. Об этом, по словам шефа СС, говорил тот факт, что ноги Никодима намеренно были отбиты - это «увечье» было-де нанесено изображению истинно германскими язычниками, мстившими христианам за надругательство над их святыней.

Надругательство над Экстернштайном Гиммлер считал не единственным преступлением, в котором было повинно христианство и, в первую очередь, католическая церковь. Самым страшным злодеянием, которое совершили христиане, как считал рейхсфюрер, было преследование колдуний. В охоте на ведьм Гиммлер видел своего рода геноцид германского духа. В своей речи на крестьянском съезде 1935 года он произнес сакраментальную фразу: «Мы видим, как судебные процессы зажигали костры, на которых обращались в пепел бесчисленные тысячи женщин и девушек нашего народа». Он не уставал повторять, что в результате этих преследований Германия потерял а «сотни тысяч наиболее ценных женщин». Гиммлер видел в колдуньях, ведьмах, волшебницах и чародейках носительниц немецкой народной культуры, против которых церковь веками вела неустанную борьбу. (Возможно, эта любовь к ведьмам была обусловлена тем, что 4 апреля 1629 года в Марнельсайме была казнена ведьма Маргарет Гимблер, числившаяся в родословной шефа СС.)

Два года спустя после окончания Второй мировой войны германские газеты опубликовали небольшой материал, на который поначалу никто не обратил внимания. 4 февраля 1947 года в берлинском «Телеграфе» оставшийся неизвестным библиотекарь из Познаньского университета сообщал об эсэсовском собрании из 140 тысяч книг и документов, эвакуацией которого он руководил в марте 1945 года. То, что нашел архивариус в полуразрушенном замке графа Каугвитца, было остатками документации созданной в 1935 году «Зондеркоманды-Х», которая занималась изучением средневековых процессов по делам осужденных ведьм. Документы процессов над колдуньями охватывали период между XIII и XVIII веками. Найдя в книгах пометки, сделанные эсэсовцами там, где были описаны методы дознания и пыток, польский исследователь сделал ошибочный вывод: «Это подразделение должно было исследовать применяемые в прошлом способы истязаний, чтобы использовать их на практике».

На самом деле найденный архив, получивший название «Колдовской картотеки Гиммлера», имел для руководства СС большое идеологическое значение. Картотека состояла из 33846 листов, в которых были описаны преследования ведьм не только в Германии, но даже в Индии и в Мексике. В листе было 37 граф, в которые эсэсовцы

заносили все сведения, которые удалось узнать о сожженной колдунье (имя, место рождения, основание для преследования и т.д).

В осуществлении «Проекта Х» Гиммлер опирался на теоретические разработки не только главного идеолога нацистской партии, Альфреда Розенберга, но и многих других «нордических пророков». Но именно в розенберговском «Мифе XX века» Гиммлер почерпнул мысль, что преследования ведьм были начаты этрусками, которых он относил к «азиатам», а стало быть, этруски, как и христианство, были порождением восточного мира. Именно Розенберг подчеркнул, что церковь при помощи инквизиции уничтожила старую немецкую культуру, заменив ее культом силы.

Изучением подобной ведовской тематики и занималась созданная Гиммлером в 1935 году Зондеркоманда-Х (Hexen-Sonderkommando). Как ни странно, сформирована она была не при обществе «Наследие предков», а при СД, эсэсовской службе безопасности. О деятельности этой команды очень мало известно, но можно предположить, что она должна была восстановить старогерманскую языческую религиозность и вести антихристианскую пропаганду. Известно также, что «Проект Х» с апреля 1936 года был тесно связан с эсэсовским издательством в Лейпциге, а сама зондеркоманда расп олагалась во всемирно известном Немецком книгохранилище. Затем она была переведена в здание закрытой нацистами Берлинской масонской ложи, а в 1943 году переехала в шлезвигский замок, где и пребывала до конца войны. Можно, конечно, посчитать, что деятельнос ть команды была порождена болезненной фантазией Гиммлера. Но тогда возникает вопрос: почему после войны большая часть «колдовской картотеки» оказалось в руках «штази», спецслужбы ГДР?

За непосредственное выполнение программы Зондеркоманды, называвшейся «Германские основы заблуждений о ведьмах», отвечал некий Эрнст Меркель. Интересны некоторые ее подпункты: «Германская магия. - Сила, исходящая от культа солнца. - Сравнение с формами волшебства Передней Азии». Известно также, что к сотрудничеству с командой был привлечен автор диссертации «Фигура черта в гессенских процессах над ведьмами». Он с расовой точки зрения рассматривал иудео -христианские представления о колдовстве (чувственность ведьм, козлоподобность бесов), приходя к выводу, что они абсолютно чужды людям северной расы.

Научный «урожай» девятилетней деятельности Зондеркоманды оказался более чем скромным. За этот период не появилось ни одной книги. Рукопись диссертации Левина была признана скандальной и ее отказались принять к рассмотрению в Мюнхенск ом университете. Каков же был ее научный уровень, если отказ поступил от одного из паладинов Гиммлера, профессора Вюста, который в то время уже был ректором этого университета!

Видимо, и сам Гиммлер понимал, что научная часть «колдовских» исследований бы ла достаточна слаба. Поэтому он счел необходимым облечь сугубо научные выводы в популярную форму, доступную для каждого немца. С этой целью он привлек к сотрудничеству писателя Фридриха Норфолка, который должен был написать несколько «магических» романов с очевидной антихристианской направленностью. Но когда этот автор опубликовал трилогию о немецких ведуньях, шеф СС решил, что эта деятельность не решала поставленных задач. После этого он рекомендовал Норфолку написать короткие истории (80-100 страниц), которые рядовой немец мог бы прочесть достаточно быстро. Так или иначе, но эти повестушки не увидели света.

Возникает вопрос: почему же к подобным исследованиям привлекали разведчиков из СД, а не историков из «Наследия предков»? Не исключено, что колдовску ю тематику не дали «Наследию предков» потому, что сотрудники последнего «неправильно» ее трактовали. Занимавшийся схожими проблемами в «Наследии предков» один из сотрудников этого общества считал, например, что преследование ведьм было древнегерманской традицией «мужских союзов». Это полностью противоречило установке Гиммлера, что «немецкую кровь изводили церковь и евреи». И если в СД

считали, что «колдовство... доказывало исполинские противоречия между интеллектуальностью и народной душой», то сотрудники « Наследия предков» полагали, что «христианство - это духовная власть, и только духовная власть могла развивать фанатизм в человеке, в то время как глубокая духовность народных верований могла быть эффективной только в нетронутом (христианством) обществе».

Вообще подобный сюжет говорит о том, что эсэсовское историческое общество не всегда шло на поводу Гиммлера, который официально являлся президентом «Наследия предков». Но все-таки псевдонаучные исследования преобладали в «Аненербе». Ученые с мировым именем становились заложниками политики. Приведем один пример. В 1937 году Гиммлер обратил свой взгляд на античность. Находясь в Италии, рейхсфюрер прислал Вюсту большое письмо, которое переполошило специалистов «Наследия предков». «Музеи Италии содержат бесчисленное количество экспонатов, которые представляют интерес с точки зрения арийства. Сами итальянцы не уделяют им никакого внимания, - не без оттенка высокомерия писал Гиммлер. - Мне видится необходимость устранить этот недостаток. Я поручаю Вам создать в Аненербе подразделение, задачей которого бы являлся поиск наших индогерманских корней в Италии и Греции... Эта задача очень важна, так как фактически обозначает пересмотр всех имеющихся археологических сведений».

Двумя месяцами позже в «Наследии предков» была создана новая структура - отдел классической филологии и древнего мира. Можно было бы посчитать этот пример признаком «научного сумасбродства», которое нередко проявлял рейхсфюрер СС. Но в данной ситуации он сам стал заложником политики, а точнее, личных взглядов Гитлера. Дело в том, что фюрер с давних пор восхищался культурой Греции и Рима, презирая немцев, живших на «холодном, сыром и мрачном севере». Это был один из парадоксов в истории нацизма - несостоявшийся художник и архитектор, вставший во главе Германии, вовсе не восхищался немецкой культурой. В своих частных разговорах он неоднократно подчеркивал, что «немцы жили в невзрачных дубовых хижинах, в то время как на солнечном юге греки и римляне возводили великолепные каменные постройки, развивая созданные ими героические культуры». Гиммлер был просто вынужден подчиниться и потребовать от своих историков занять схожую позицию.

Впрочем, шеф СС и сам не раз отдавал не менее бредовые приказания. Осенью 1941 года Гиммлер заинтересовался фигурками «полных Венер», которые обнаружил в одной из итальянских книг. Символизируя женскую сущность, они были изображены с крупными бедрами и ягодицами и явными признаками беременности. Ознакомившись с изображением первобытных «Венер», рейхсфюрер СС тут же предположил, что, поскольку у различных народов существовал схожий идеал женщины, то наверняка между первобытными племенами существовала определенная связь. Он поручил собственным ученым создать карту, где были бы обозначены места находок подобных фигурок. Казалось бы, им двигал исключительно археологический интерес. Но нет - обнаружив схожие изделия у ряда африканских племен, Гиммлер хотел доказать, что племена эти не всегда обитали на черном континенте, а были вытеснены из Европы какими либо обстоятельствами. В качестве таковых он предполагал натиск «арийских» кроманьонцев!!! Идея Гиммлера была проста: он надеялся любым путем получить доказательства того, что негроидная раса в древности жила на более северных широтах, но в ходе «борьбы за существование» была оттеснена на юг нордической расой (что должно было показать явное превосходство расы северных господ над темнокожими племенами). Он настолько увлекся этой мыслью, что полагал, будто появление его идеи станет исторической вехой в деле расовых исследований. Хотя комментарии функционеров «Наследия предков» оказались более сдержанными и менее оптимистичными.

Вообще, честолюбие шефа СС переходило любые мыслимые границы. Всем, к примеру, было известно его преклонение перед королем Генрихом I - «Птицеловом». Кстати, сотрудничество Гиммлера и его любимца Вальтера Вюста началось именно тогда,

когда шеф СС решил привлечь молодого профессора-нациста к участию в «Празднике Генриха». Празднество посвящалось тысячелетию короля, и Генрих Гиммлер планировал провести мероприятие с большой помпой в начале июля 1936 года. Сначала праздник хотели провести в соборе замка Кведилнбург, где находилось предполагаемое захоронение короля. Но позже возникли сомнения. «Останки величайшего немецкого вождя не покоятся в гробнице, и где они находятся, мы не знаем»,- сообщали рейхсфюреру устроители праздника. В начале 1937 года эсэсовские археологи получили задание организовать раскопки в окрестностях замка Кведилнбург с целью найти пропавшие останки Генриха I. Предприятие, естественно, «увенчалось успехом», так как удалось отыскать скелет, который, предположительно, принадлежал легендарному королю. Для рейхсфюрера не было важно, был ли это Генрих Первый или кто-то другой - 2 июля 1937 года он был твердо намерен провести погребение останков. В итоге в замке был создан «Мемориальный комплекс короля Генриха I».

Если первый «генриховский» праздник, проходивший в июле 1936 года, был оправдан с исторической точки зрения, так как был приурочен к тысячелетию кончины монарха, то в следующие годы мероприятия на могиле короля начали приобретать своего рода ритуальный характер. Начиная с 1937 года, праздники проходили по строго предписанному сценарию. Они должны были поднимать настроение капризному рейхсфюреру, который все более и более убеждался в том, что являет ся реинкарнацией (новым воплощением) Генриха-«Птицелова». Гиммлер хотел, чтобы его сравнивали с любимым королем, тем самым увеличивая политический вес рейхсфюрера СС. Но тут его ждали разочарования: четких аналогий никак не находилось, а идея переименовани я одного из городов в Генрихштадт полностью провалилась, ибо она показалась руководству Третьего рейха исторически неоправданной. Вялым утешением для рейхсфюрера мог стать только «Марш короля Генриха», который посвящался ему лично.

Гиммлеру вообще редко удавалось осуществить собственные задумки. Частично это было связано с тем, что он был дилетантом в области истории, во многом же было предопределено противоречиями в нацистском руководстве. Как ни парадоксально звучит, но нередко идеи Гиммлера вовсе не совпадали в идеями Гитлера. Последние, конечно, тут же брались на вооружение. Так было с «античным» происхождением немцев. Так произошло и с идеей «Великой германской империи».

По мере того, как в 1940 году разворачивалось немецкое завоевание Европы, в Берлине выкристаллизовывалось новое видение «Германской империи». В противовес Гитлеру, для которого слова «немецкий» и «германский» были синонимами, Гиммлер решил сосредоточиться на изначальном понимании германца. В своей характерной мечтательной манере он сотворил в своей голове образ прошлого, в котором пытался найти практические и политические ключи к будущему. В его понимании германцами были не только немцы, но и скандинавы, и большинство жителей северо-западной Европы, которые изначально были единым «Германским племенем». И лишь затем оно разделилось на франков, саксов и готов. Он видел их вновь объединенными, но не по федеральному образцу, а в виде расово и культурно гомогенного германского общества, в котором немцы должны были стать первыми среди равных. Германские племена должны были объединиться в новый «Германский рейх».

Как ни парадоксально, гиммлеровский «германский рейх» не совпадал с гитлеровским восприятием Германии и Европы как «бастиона в борьбе с большевизмом». Абендланд (немецкое понятие, обозначающее северо-западную Европу) стал для Гиммлера синонимом «европейской идеи». Именно эту Европу, по мнению рейхсфюрера СС, надо было спасти от азиатских орд, а для этого надо было собрать все северо-западные европейские народы под дланью Гитлера. Барьером на востоке должны были стать так называемые «военные деревенские поселения». Показательно, что образцом для последних должны были стать два примера, имевшие исключительно российские корни: казачьи поселения и военно-крестьянские поселения, созданные Аракчеевым.

К концу войны СС стали «государством в государстве». У них была своя экономика, своя идеология, во многом не схожая со штампами, навязываемыми массовому потребителю. В СС собрались не представители старой знати, а, в основном, выходцы из средних слоев. Среди эсэсовцев того времени можно выделить два типа людей, претендовавших на роль новой элиты рейха: во-первых, это «холодные математики» (скрупулезные интеллигенты), а во-вторых, увлеченные романтики с псевдофилософскими представлениями о народе, империи, элите, чести и верности. Именно они составили те 20 процентов эсэсовцев, которые имели высшее образование. Именно из них и состояли «Наследие предков» и зондеркоманды СД, разыскивавшие колдовские следы, именно они были эсэсовскими учеными, проводившими бесчеловечные эксперименты над людьми.

Исторические грезы агронома-неудачника, так и не ставшего офицером, породили новый тип убийц - убийц-романтиков, наделенных холодных разумом. Однако, пытаясь скрестить бездушный рассудок со слепой верой предков, убийцы-романтики получили в итоге вовсе не философский камень, дающий ответы на все вопросы бытия, а монстра, который потребовал в качестве жертвы человеческие жизни.

Сергей Лукин

РОДИНА!.. КАК ТЫ ЖИВЕШЬ БЕЗ МЕНЯ?

НОЧЬЮ В ДЕТСТВЕ

Щебечут птицы за окном,
Собаки смачно тявкают…
Мне – по тропинке, босиком
Бежать за лунной травкою.

Проснусь – и затемно пойду.
Пусть боязно…реветь-то что
На печке, на шестом году,
В простой избе бревенчатой!

Прохлады скомканный глоток –
И ноги будто ватные…
Бежать, не чуя слабых ног!
Душой зарю подхватывать!

В углу темнеют образа
И чьи-то тени мечутся.
А я гляжу во все глаза
На кочерыжку месяца.

СРЕДИ ПОЛЕЙ

Ветры веют над простором.
А среди полей
Дуб стоит – столетний сторож
Юности моей.

Он стоит – могуч и крепок,
И в корнях глубок.
От густых зеленых веток
Веет холодок.

Путник редкостный проедет,
Коротая дни.
Путник радостный помедлит
Отдохнуть в тени.

Глянет вправо, глянет влево
Посреди полей…
Ну, кому какое дело
До весны моей!

* * *

Ни о чем не думаю.
Была бы вода!
Любовь необоюдная
Забыта навсегда.

В гордом одиночестве,
Во мраке без следов
Мне безумно хочется
Каких-то редких слов.

Под покровом вечера
Жду опять чудес
И хожу доверчиво
По краешку небес.

* * *

Скоро осень.
Пароход по Волге проплыл.
Резкий ливень скосит
Поднявшуюся пыль.

Только что вышел из лесу.
Берег, тропа под уклон.
Воспоминанья лезут
Со всех грозовых сторон.

Край мой, и тих, и ясен,
Снится в предутреннем сне…
Крупные капли дубасят
По загорелой спине!

* * *

Зубами скрипя
От последнего взгляда,
Оставляю себя,
Где был я когда-то.

Мои ощущенья
Запечатлены
В диком ущелье
Далекой страны.

Я с собой заберу
И душу, и тело.
Проснусь поутру:
А что уцелело?

* * *

И погружаясь в суету,
в суету сует,
ищу,
ищу,
ищу мечту.
А мечты-то нет.

И много слов,
и мало дел.
А где улов?
Куда смотрел?

Я и принц,
я и дурак.
Ловить Жар-птиц
как?

ДОРОЖНОЕ

Много на свете чудес.
Дому душу отдай!
Темнеет далекий лес,
Столбы убегают вдаль.

Еду издалека.
Небо серым-серо.
Молча бежит река.
Быстро летит перо.

Видел: Жар-птиц – тьма!
Видел: сад под окном,
Где расписаны терема
Золотым топором!

Летит лоскутками свет
В солнечный листопад.
В душе оставляет след
Семичудесный сад…

* * *

Повседневно думы о тебе,
Гости дорогие, навещают.
И гостинцы разложить спешат
Из фантазий и воспоминаний.

Ты ушла в чужое бытие,
Я остался с думами-друзьями.
Каждый вечер за порог их вывожу:
Верные – обратно постучатся…

* * *

Я живу в окруженьи вещей,
Не зависящих от погоды.
И поэтому мне тяжелей
Ощущать вдохновенье природы,

Каждодневную видеть игру
Листопада иль снегопада,
Радоваться поутру,
Потому, что природа рада…

* * *

Будни – будущего начало.
Будни мои – скучны.
Птица, что ли, вскричала б,
Приснились какие сны…

Необходимым бытом
Задавлен до немоты.
…А все-таки – могли бы
Осуществиться мечты!

ОБЛАКА

Издалека –
воздушные горы.

Люблю облака,
их пышные формы.

В плену у ветров,
в их вечной власти –

сто чудаков
различной масти!

Растут из глуби
возвышенно-буйно.

В них, как в любви,
фантазии уйма!

Куролесят они
и корчат рожи.

С чем ни сравни –
на все похожи.

В их голове –
тайн кладовая.

На синей траве
живут, проплывая!..

* * *

Вот он стоит –
и некто, и никто.
Он, как в гранит,
одет в свое пальто

* * *

Я одиночество любил,
Я в одиночество оделся.
Я только в зеркало гляделся,
На улицу – не выходил!..

* * *

Этой яростной ночью
понял я, что почем,
когда Вечность на прочность
я прощупал копьем!..

ГОСТЬ

Заеду проездом в деревню родную
И проберусь, приминая траву,
К дому, в котором давно не ночую,
К дому, в котором теперь не живу.

Полузабытое, полуслепое
Родное окошечко без огня,
Калитка родная,
крылечко родное…
Родина!..как ты живешь без меня?

Стихов моих здесь
никогда не читали,
Вином угощали и хлебом любви.
Деревня меняет свои очертанья,
Но тропки не сменят изгибы свои.

На остановку спешу спозаранку,
Успеть бы к началу громадного дня.
Всю жизнь тороплюсь я…
а вдруг опоздаю?
Родина, как ты живешь без меня?..

* * *

Меня раздели и разули,
Пустили по миру мечты.
Пора бессонниц и раздумий,
Пора бескрылой суеты.

На небе звезды…где же помощь?
Лежать – и тихо холодеть?
А завтра снова будет полночь
В глаза беспомощно глядеть,

И крыш соседних черепица –
Все так же небо подпирать…
И дед-Мороз в санях умчится
Зарю-Снегурочку встречать.

* * *

А на лугу трава примята
И ветром, и косым дождем.
По ней мы бегали когда-то
В далеком детстве, босиком.

И луг мне кажется заросшим
Травою сказочной такой,
Что между будущим и прошлым
Стою с раздумчивой косой.

* * *

Доверюсь бумаге –
Она не предаст.
Мечты-бумеранги
Вонзаются в нас!

Вот оно, прошлое –
Радость и скорбь.
И что-то хорошее
В себе угробь!

Нужны и пророки,
Нужны и рабы.
Рождаются строки
В плену у судьбы.

В очерченной клетке
Соловьем запоешь?..
Золотые монетки
Водкой зальешь?..

* * *

Вечерних звезд вечерний свет,
Луны унылое сиянье,
Небес неяркое страданье
И одинокий чей-то след.

Я шел куда-то, не спеша,
По зимней радостной дороге.
Сами собой тащили ноги
Туда, куда рвалась душа…

* * *

Без тебя, без мечты о тебе –
Как в пустыне, иль в темном омуте.
А до этого жил я в избе,
В светло-сказочной комнате!

Каждое утро – солнце в окне,
Каждый вечер – месяц двурогий.
Каждую ночь снилось мне:
Открытая дверь – и ты на пороге.

День тянулся, уныл и сер,
День тянулся, ленив и долог.
Я на скамейку в раздумье сел
У заброшенного дома.

Этот дом, он покинут мной,
Разыгралась смешная драма.
Был над крышей конек резной,
Вместе с крышей его отодрало.

* * *

Жить не живу,
А как-то с краю
Притулился к мечте –
И умираю.

Оглядеться?
Рвануться в полет?
Безоглядное детство
Пятками сверкнет.

Отяжелели крылья.
Нелегок на подъем.
Давай со старой крыши
На небеса махнем?

* * *

Телом я слаб,
Духом – силен.
Я вам не раб,
Не хамелеон!

Может, по-ихнему,
Я и бездарь…
Мыслью вспыхнет
Звездная бездна!

* * *

О, весна без конца и без краю…
Блок

Весна без конца и без края
В этом счастливом краю!
К детству ключи подбирая,
У невидимой двери стою.

Пусть дождик стучит по крыше
И мокнет на крыше другой -
Недавно из детства я вышел
Извилистой легкой тропой.

Дорогой иду незнакомой,
Понаслышке с которой знаком…
Как будто бы вышел из дома,
Оставив незапертым дом.

Публикация стихотворений из архива Сергея Лукина подготовлена Любовью НОВИКОВОЙ и Евгением ЧЕКАНОВЫМ

СЕМИЧУДЕСНЫЙ САД СЕРЕЖИ ЛУКИНА

У каждого поэта своя дорога в стране Поэзия. Одни идут широким наезженным шляхом, другие неширокой, но торной тропинкой. А кто-то выбирает и вовсе нехоженные пути. Идет он босиком по росистой траве, продирается сквозь колючие кусты к какой-то, только ему одному ведомой цели. И даже если рядом блестит асфальтовое полотно, по которому идти намного легче, поэт не свернет с него. И не потому, что не хочет он - а потому, что не хочет Бог.

Есть и особенно редкие гости. Они не ищут своих дорог. Они вспыхивают как свечки. Круг света вокруг них неширок, пламя не такое сильное, чтобы согреть многих. Дунет ветерок - и нет огня. Но помнится он своей необычностью. Помнится потому, что огонь и свет дольше остаются в памяти, чем привычные нашему глазу дороги.

Вот таким поэтом, на мой взгляд, и был трагически погибший шесть лет назад ярославец Сергей Лукин. О нем помнят все, кто хоть раз видел, а главное, слышал его. Манерой своего поведения и, конечно же, чтением стихов он сразу выделялся и запоминался. Он трудно жил, и никогда мы не узнаем, о чем думал этот, по его собственному определению, «лохматень-кий черт». Но то, что это была личность неординарная, теперь, по прошествии времени, осознается еще острее.

А начало было самым обыкновенным. Сережа родился 30 октября 1957 года в селе Кукобой Первомайского района Ярославской области. Учился в Сарафоновской начальной школе. По воспоминаниям очевидцев, свои первые стихи он написал, будучи второклассником. И уже тогда, взобравшись на стул, читал их открыто, самозабвенно, ни на кого не похоже.

В 1970 году умерла его мать, и осиротевшая семья Лукиных перебирается в Ярославль. Здесь, в доме на улице Вольной судьба свела Сережу с поэтом Павлом Голосовым. Именно Голосов и посоветовал ему отнести свои стихи в литературное объединение, действовавшее при газете «Юность». Это был, пожалуй, самый светлый период в творческой биографии Лукина. Стихи его сразу привлекли внимание своей свежестью, образностью, своеобразной метрикой - и тут же нашли свое место на литературных страницах местных газет, в коллективных сборниках. Сергей входил в обойму молодых поэтов, выступающих в библиотеках, школах, на заводах. Его стихи запоминались, не меньше запоминался и он сам.

До сих пор меня иногда спрашивают - куда пропал Сергей Лукин, какова его творческая судьба. Значит, поэт не исчез бесследно, заронил в людские души искорку своего таланта. Не всем и ныне пишущим так повезло.

Для окружающих Лукин был странен своей манерой поведения, образом жизни. Но мало кто задумывался о том, что проистекало и то, и другое от его внутренней погруженности в творческие фантазии. Многие из нас, рядом с ним живущие и пишущие, устроили свою судьбу согласно логике. Смогли как-то запаралелить скучные житейские будни с возвышенными поисками смысла жизни, веры в прекрасное. А вот Сергей не смог. Он ли оказался слабым, или слишком сильным в нем было чувство неба, но, с общепринятой точки зрения, жизнь поэт вел самую беспутную. Сначала еще пытался работать - то работником сцены в Волконском театре, то в отделе хранения областной библиотеки им. Некрасова. А потом и вовсе отпустил свою душу на волю. Как будто и впрямь не осознавал того, что душа должна на Земле иметь оболочку, а оболочке этой нужна крыша над головой, надо этой оболочке пить-есть, быть уверенной в будущем...

Быту Сережа не придавал почти никакого значения. Он, похоже, не замечал не только, что он сегодня ел, но и ел ли вообще. Пищей для него были стихи! А стихи эти плохо вписывались в рамки того времени. Витал где-то в эмпиреях Сергей Лукин, чуть ли не на каждой его стихотворной строчке сидели «Жар-птицы», чуть не в каждом его стихотворении стояли «терема, струганые золотым топором», каждая веточка в его

«семичудесном саду» гнулась от «еще нерожденных грачат». А земное его тело жило тем временем в грязной, темной коммуналке.

Перестроиться бы человеку и зашагать в ногу со временем. Глядишь, и жизнь бы вошла в нормальное русло. Но Лукин ушел в подполье. Перекочевал в глухое богемное царство, в котором обитали отнюдь не сказочные герои. Здесь сутками велись важные разговоры о высоких материях, запиваемые вином и водкой из одного граненого стакана на пятерых. Здесь забывали о нормах общепринятой морали, натурально погружаясь в иные миры. Но, главное, здесь слушали стихи. Слушали благодарно, восхищались и критиковали с неподдельным интересом. И здесь Сергей Лукин имел непререкаемый авторитет, ибо он был непохож даже на этих, не от мира сего, людей. Непохож хотя бы тем, что в стихах его была искра Божьего света...

Можно ли было вытащить его оттуда, отмыть и возвратить в наш благополучный мир? Думаю, вряд ли. Поэзия - дело жестокое, оно шуток не любит, ничего не дает даром. А Лукин был поэтом в чистом виде, без примесей. Он не мог пойти на компромисс с законами выживания, потому что им владела стихия, разуму не подвластная. Мне кажется, что он и до сих пор интересен не столько своими стихами, сколько вот этой бескомпромиссностью, этим попранием истины, гласящей, что материя первична.

Поэту, как известно, тяжело жить в любое время и в любой среде, но среда провинциальная ставит его в еще большую зависимость от суровой правды повседневности. Мало здесь пространства, мало воздуха для вольной души. В последние встречи с Сережей я вдруг стала отчетливо понимать, что он идет к гибели всерьез - строчки у него шли, прямо по Пастернаку, горлом. Он уже вообще не мог говорить ни о чем, кроме стихов. Казалось, что это не человек, а какая-то материализованная Поэзия. И дело было не в качестве его стихов. Потрясал сам факт внутреннего горения его души, такого ее состояния, когда человек горит, догорел уже до мяса, но вместо того, чтобы кричать от боли, читает стихи.

Прежде чем шагнуть с балкона пятиэтажки вниз, он надел чистую белую рубашку. Так и отправился в мир иной, оставив нам ворох своих измятых, таких же, как он, непричесанных рукописей. Они ему были ни к чему, ибо все свои стихи он знал наизусть. Ушел незаметно, не оставив после себя даже привычной в таких случаях записки, что в смерти своей никого не винит. То ли он все-таки обвинял кого-то, то ли вообще не придавал значения своему переходу в иную субстанцию...

Даже теперь, перечитывая стихи Сергея, я невольно слышу его ритмические интонации, его картавый говорок.

Никто из творческого окружения Лукина не знал тогда, да и теперь вряд ли знает о том, как непросто складывалась его личная жизнь. Никто из нас не поинтересовался, почему же болезненного вида невысокий паренек, имея вроде бы вполне благополучную семью, оказался вдруг один в мрачной коммуналке на улице Тургенева. Мы витали тогда в облаках и мало интересовались прозой жизни. Помню, однажды Сергей пришел ко мне в общежитие тихий, культурно причесанный, в глаженой рубашке и предложил мне купить у него книги - разбираю, дескать, свою библиотеку, много лишнего накопилось. Вот тогда я впервые и попала в его трущобную темную комнатуху. И поняла, что продает он книги не потому, что чистит библиотеку, а потому, что у него просто нет денег на кусок хлеба. Я, конечно, не могла просто дать ему десятку, не взял бы он. Сделала вид, что очень заинтересовалась книгами и навыбирала их большую кучу. Но и тогда он взял с меня деньги как бы извиняясь, и я постаралась поскорее перевести разговор на высокие темы.

Мы просидели часа три, и все это время он читал свои стихи. Наизусть, конечно. Стихов у него, если верить его собственной заветной тетрадке, было 476. Каждому он присвоил номер и частенько предлагал слушателям сыграть с ним в такую игру - кто-то называет любую цифру в пределах имеющегося объема стихов, а Сергей, иногда сразу, иногда немного подумав, читает стихотворение, которому был присвоен именно названный номер. И никогда не ошибался! Мы это проверяли по его тетрадке.

Некоторое время спустя я сама зашла в коммуналку на улице Тургенева. Сергея дома не было, а вышедшая мне открывать женщина, понизив голос до шепота, сказала: «В больницу его увезли вчера на «скорой». Он так кричал, так кричал! Голова у него очень болит. Нельзя ведь ему пить, а к нему друзья заваливаются на всю ночь. И нет бы поесть чего принесли, а то все с водкой... В психушке он теперь».

Никому из наших общих знакомых я об этом не сказала, и сама в «психушку» к Сереже не ходила. Почему-то мне казалось, что ему будет очень тяжело видеть там нас, его благополучных сотоварищей по творчеству.

Каждый человек одинок. У каждого есть та потаенная больная ссадинка, которую он не может показать никому. Мне почему-то кажется, что именно одиночество Сергея Лукина и послужило толчком для его поэтического дара. У него самого даже мини-стихотворение есть об этом:

Какое мое отчество ?
Сергей Одиночество.

Несмотря на многочисленное окружение, похоже, настоящих друзей у Сергея не было. Это я поняла после его смерти, когда решила собрать кое-какие сведения о нем. Да что там сведения! Даже о смерти-то Сережи его товарищи, и я в том числе, узнали ближе к сороковинам. Хорошо еще, что догадались сохранить его архив. Рукописи, самодельные книжки и заветная тетрадь с цифровым обозначением стихов все эти годы хранились у работника ярославского телевидения Владимира Поварова, который, кстати сказать, успел снять о Лукине документальный фильм.

Осенью 2002 года на очередном собрании ярославского отделения Союза российских писателей была сформирована комиссия по литературному наследию Сергея Лукина. Работа комиссии уже принесла свои плоды - собрано множество рукописных и печатных материалов поэта, его рисунки. Сейчас идет их разборка, конечной целью которой должно стать издание книги стихов. Уверена, эта книга найдет читателя, ибо мы, безусловно, имеем дело с самобытной творческой личностью.

Поэтический мир Сергея Лукина стоит на особицу. Даже в самых ранних, неумелых его стихах не найти отзвуков чужого голоса. Даже наивные, первые образные построения его заставляют задуматься - именно этой своей непохожестью. Трудно, темно жил поэт, а вот стихи его светятся. В них практически нет мрачных цветов и мною детства - босоногих мальчишек, девчоночьих веснушек. Беспечные дети запускают пароходики, ловят майских жуков, играют в снежки... Похоже, в палитре поэта было совсем мало черной краски. На его сбитой с правильного ритма строфике не спотыкаешься. Она - как сколок нашего мироздания, тоже, похоже, сбитого с правильного ритма.

Любовь НОВИКОВА,
член Союза российских писателей,
г. Ярославль.